

Сергей Петров

84(2.Рос = Р)с16

П 30

Стоит же

84(2.Рос = Рус) 6

П 30

Сергей Петров

Стоит жить!!!

Шадринск

МУ Кондинская МЦБС
Центральная библиотека
Зал эколого-краеведческой
литературы

Муниципальное учреждение
Кондинская межпоселенческая
централизованная
библиотечная система

ББК 84 Р7-5

Д 30

Петров С. Д.

Стоит жить!!! Стихи, песни. – Шадринск: Изд-во
ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2010. – 418 с.

Литературное объединение «Возрождение»
МУК РДКИ «Конда», Управление культуры и
администрация Кондинского района
благодарят за финансовую поддержку
в издании поэтических сборников
депутата Думы ХМАО
Еремея Даниловича Айпина

Проект разработан членами литературного
объединения «Возрождение» МУК РДКИ «Конда»

© Петров С. Д., 2010
© Литературное объединение
«Возрождение»
МУК РДКИ «Конда», 2010

ISBN 978-5-7142-1217-8

Сергей Дмитриевич Петров родился 15 августа 1955 года в селе Конево Ханты-Мансийского района. Потомственный педагог. Более 30 лет преподавал музыку и историю в селе Алтай Кондинского района. Честность и порядочность настоящего интеллигентного человека он пронес через всю свою жизнь, сумев стать примером для подражания многих

Сергей Петров,
с. Алтай Кондинского района

своих учеников. Талантливый поэт, музыкант, он самозабвенно любил родной край, людей, которые делают нашу жизнь чище и краше.

На 54 году жизни его сердце перестало биться, но его душа продолжает жить в поэтическом слове. Поэты литературного объединения «Возрождение» благодарят сестру поэта – Наталью Дмитриевну Иванову, жену – Людмилу Владиленовну и дочь Владу за участие в формировании поэтического сборника «Стоит жить!!!».

Руководитель литературного объединения
«Возрождение» Т. Кривуля

МЕДВЕЖИЙ ПРАЗДНИК

1

Рыбак Панкрат Семеныч Бродин,
 Приплыл на лодочке с угодий.
 Ругался: – Чистый же разор:
 Медведь – подлец, сломал запор;
 Такую учинил беду, –
 Всю рыбу выпустил в Конду!
 Сочувствовали мужики:
 – Деревня ж – кормится с реки.
 Медведь и раньше там бывал,
 Когда весною голодал,
 Спускался по ночам из бора,
 Немножко рыбку воровал,
 Но ведь не трогал же запора.
 На огонек, под вечер в хату,
 Зашел Егор – братан Панкрата.
 Похож на брата как близнец:
 Такой же крепкий молодец;
 Русововолосый, бородатый,
 Ладони шириной с лопату.
 Силён, вынослив словно тур.
 Продукт смешенья двух культур:
 Отчасти – истинно русак,
 А по разрезу глаз – остяк.
 Всё это выдает, однако,
 Потомка смешанного брака.
 Хозяин добрый, семьянин;

Язычник и христианин.
 В сенях разулся аккуратно,
 Перекрестился троекратно,
 В передний угол, на иконы:
 – Слыхал, брат, про твои препоны,
 /В деревне слыл за грамотея;
 Любил в обычный разговор
 Вернусь словечко помудрее/
 Медведь, гришь, разорил запор?
 – Вконец всё выломал, зарраза!
 – Покойный батя говорил;
 За двадцать лет медведь ни разу
 Ему запора не зорил.
 И батя мишку уважал:
 Бывало, рыбкой ублажал!
 – Егор, я тоже знаю лес:
 На тропы мишкины не лез;
 И мы с ним, как и должно быть,
 Друг другу не мешали жить.
 Дымя степенно самосадам,
 Егор кивнул, а помолчав
 Сказал: – Стрелять медведя надо,
 Хоть духам будет не во ндрав!
 Намедни виделся с Букаром,
 Потолковали меж собой;
 Он говорит, что мишка старый,
 Хозяин, помер той зимой;
 Весной не вышел из берлоги.
 – А жаль. С понятием был, строгий.

Припёрлась как-то росомаха,
 В слопцах покрала косачей.
 Так наш медведь нагнал ей страха,
 И выгнал вон из кедрачей.
 – Погодь. Букар-то говорит –
 Медведь, мол, пришлый нам вредит:
 Пришел в урман хозяин новый –
 Злой, молодой и бестолковый,
 И в речке нам житья не даст,
 Поскольку утверждает власть.
 Панкрат украдкой хохотнул:
 – Ну вот, опять Егор ввернул.
 Не бросишь улова никак –
 Дурак медведь или не дурак,
 А рыбку надобно ловить,
 Иначе, как семью кормить?
 Весь вечер на крыльце курили;
 Не торопясь обговорили
 До мелочей, охоты план,
 И – через пару дней – решили
 Вдвоем отправиться в урман;
 К двустволке отлили жаканы,
 А эта пуля – не пустяк:
 Такие, брат, наносит раны –
 На вылете дыра с кулак.
 Для «тулки» сладили картечи.
 – Готовься, мишка, к жаркой встрече!

В деревне все друг друга знают.
 И, зачастую, так бывает:
 Случилось что – зайдёт сосед,
 Поможет или даст совет.
 Про ту историю с медведем,
 Известно было всем соседям.
 И, зная, что к чему, при этом
 Никто не лез с пустым советом;
 Никто не подпирал забор,
 Ведя порожний разговор.
 Есть что по делу, то предложит,
 Не утаит, зайдет, поможет.
 Советом добрым, всякий знает,
 Один дурак пренебрегает.
 К тому же, знали мужики:
 Братья – отличные стрелки;
 Уладят дело без проблем.
 Медведь, тьфу-тьфу – не комполен!
 Изладив все, что намечали,
 Панкрат уселся покурить:
 – Готово. Утречком отчалим;
 Пора медведя приструнить.

2

Явив привычную сноровку,
 Сложили в лодочку-«кедровку»
 Нехитрый скарб и снаряженье;
 Боеприпас для сбереженья

От брызг укутали в кошму,
 А ружья – в нос и на корму,
 Чтоб и гребец, и рулевой
 Ружье имели под рукой.
 Пришли на берег жены, дети,
 И, как везде на белом свете,
 Мужчину провожая в путь,
 Бабёнке хочется всплакнуть.
 Панкрат прикрикнул на жену:
 – Аксиныя, я ж не на войну;
 Чтоб я не слышал эти вопли.
 Придешь домой, распустишь сопли! –
 Но тут же приобнял украдкой:
 – Не бойся, будет все в порядке...
 Егор привел своих собак;
 – Твои-то Соболь с Мушкой – мелки:
 На косачей, да и для белки.
 Мои – Чернышка и Пестряк,
 Медведя загрызут и так!
 – Ой! Не хвались! Здоров телок
 В лесу облаивать сорок!
 Задравши лапу возле ели,
 Пестряк, не прекращая дела,
 Насторожился; рывкнул так,
 Что мужики оторопели.
 Егор доволен: – Молодец!
 Не любит критики, стервец!
 Ну всё, братишка, пошутили.
 Давай отчаливать.

– Поплыли.
 Не слишком, впрочем, напрягаясь –
 Река, она сама везет;
 Вниз по течению сплавлялись,
 За поворотом поворот.
 Тут главное – в струе держаться,
 Не налететь на топляки,
 Да близко к яру не прижаться.
 Для старожилов – пустяки,
 Срезая путь, шестом толкались,
 Через воложки – прямиком.
 Курили, изредка смеялись
 Над неуёмным Пестряком,
 Облаивавшим все подряд:
 Плеснула щука, он и рад!
 Боры сменились лозняками;
 Реки стремительный поток
 Растекся в лабиринт протоков,
 Петлявших между островками.
 Навстречу тянет холодком
 Большого водного простора.
 Протока, обогнув песок,
 Намытый волнами мысок,
 Вдруг растворилась в глади сора.
 Вода и небо!
 Распахнутый, огромный мир.
 Вода, слепя глаза, искрится,
 И взгляд в пространстве этом тщится
 Найти любой ориентир.

Парад пушистых облаков
 Украсил купол небосвода;
 Их отраженья в чистых водах,
 Как тени пройденных веков.
 Невольно ищешь горизонт,
 Где облака смыкают фронт;
 У зыбкой грани двух миров.
 Там, в легкой дымке испаренья,
 Зависли, словно привиденья,
 Полоски бронзовых боров.
 Весьма разительный контраст,
 Для чьих-то непривычных глаз;
 Так неожидан переход,
 Похожий больше на скачок,
 К безбрежию озерных вод
 От тесноты речных протоков.
 Панкрат воскликнул:
 – Красота!
 Сто раз знакомые места,
 И все же, снова удивляет!
 Егор заметил:
 – Впечатляет.
 Сегодня, слава Богу, тишь;
 А иногда – так задувает,
 На устье сутками стоишь:
 Вода кедровку заливает.
 Теперь положено, братуха,
 Уважить водяного духа.
 – Да-а. Духов обижать не след.

Достали несколько монет,
 И опустили за борт в воду:
 – На добрый путь и на погоду!
 – Лады. Теперь пора решить,
 Каким путем до места плыть.
 Сюрпризы тамошней погоды
 Предполагают первый путь:
 Гребешь, не слишком торопясь,
 Вдоль берегов в спокойных водах;
 Устал – причалил отдохнуть –
 Любуешься видами природы,
 Или поспи, благословясь.
 А коль торопишься, порой,
 Тут существует путь второй:
 Рискнуть, доверившись приметам,
 И через сор с попутным ветром.
 Не напрямик. На самом деле,
 Сор мелководный – всюду мели.
 И вдруг, без видимых примет,
 Подует север.
 Все! Привет!
 Подобное не раз бывало;
 Пока по мелям проползешь,
 Шарахнет двухметровым валом,
 Потом костей не соберешь!
 Панкрат про эти мели знал.
 И, было дело – штормовал,
 Но крайне редко ошибался.
 Хотя, приметы – не пустяк,

Однако, больше полагался
 На чуткость собственных собак.
 – Собаки ближе нас к природе,
 И лучше знают о погоде.
 Настороже всегда, везде,
 В особенности – на воде;
 Как ни прикинь, а тоже, брат,
 Своею шкурой дорожат!
 Их даже «север» не обманет.
 Вишь, Мушка носом воздух тянет!
 Егор смеётся: – Вот так нос!
 Ну, псина, выдавай прогноз;
 Шепни хозяину на ушко:
 Чего учуяла, старушка?
 Собачка малость постояла;
 Зевнула, и, решив вопрос,
 Легла, уткнувшись носом в хвост.
 Егор уставился на брата:
 – Храпит, барометр хвостатый!
 – А мне все ясно, брат Егор:
 Поплыли смело через сор.
 И ветерок попутный – в спину;
 Давай, подыдем парусину.
 Пошли с попутным ветерком,
 На веслах, да под паруском.
 Здесь парус – лишь помощник ходу,
 В не слишком «свежую» погоду.
 Отдельно, кстати, поясним;
 Что управляться и с прямым

На плоскодоночке-«кедровке»
 Не всякий сможет без сноровки.
 Уж, это – мужики умели,
 Не в первый раз в подобном деле.
 По солнцу братья подсчитали:
 – Давненько полдень миновал.
 И тут едва не прозевали
 Короткий, но свирепый шквал!
 Спасибо скажем Пестряку;
 Тот оказался начеку,
 И все в округе подмечал:
 Увидев рябь, полоски пены,
 Отреагировал мгновенно:
 Взъерошился и зарычал.
 Едва скрутили парус ловко,
 И развернули нос «кедровки»;
 Всего, не больше двух минут,
 А шквал, уж вот он – тут как тут:
 Порыв! Удар! Разбойный свист,
 И водопад холодных брызг.
 Вода вокруг заклокотала;
 Хлестнула через борт. Опала.
 Качнуло лодку. Затрясло.
 ...И шквала – будто не бывало.
 – Уф-ф-ф! Слава богу! Пронесло!
 Егор ворчит:
 – Хорош итог!
 Промокли с головы до ног!
 – Могло бы и перевернуть.

С тем и продолжили свой путь.
К закату сор перевалили.
Панкрат украдкой трогал крест
/Шли вдоль заверованных мест/.
Однако, люди здесь не жили,
Со стародавнейшей поры;
От поселений же остались
Лишь невысокие бугры.
И те не сразу бы сыскались,
Среди подобных же бугров,
Под сенью вековых боров.
И если верить тем преданьям,
Что сохранили старики,
Сюда съезжались на камланья
Шаманы всей Конды-реки.
Давно — еще до Ермака.
С тех пор прошли уже века,
И, в общем, то — другая тема.
Для братьев же была проблема:
Где становиться на ночлег?
Любой, не местный человек,
Который ничего не знал,
Причалил бы, и ночевал,
А местный, если не дурак,
Мог расценить подобный шаг,
Как неуместное геройство —
Не любят духи беспокойства;
Глаз не сомкнешь и полчаса:
Кошмары, чьи-то голоса.

Не сон, а чистое расстройство!
Поэтому-то оба брата,
Гребли до самого заката.
Верстах в пяти от тех бугров,
Два длинных мыса создавали,
Залив, укрытый от ветров;
Обычно, все там ночевали.
В залив входили в полумраке;
Забеспокоились собаки:
— Гляди-ка, брат, — сказал Панкрат. —
Правее лиственницы старой,
Не лодка ль дедушки Букара?
— Угу, — отвечивал Егор. —
Сидит себе, палит костер.

Приткнули лодочку под яр:
— Пойдем здороваться, братуха:
— Здорово, дедушка Букар!
Чего один, а где старуха?
— И вам здорово, мужики!
Старуха нынче дома, с внуком;
Корова, вишь, лягнула в руку.
Пригнали Маньку-то с реки,
А вымя пауты обсели;
Прасковья их согнать хотела.
Тут Манька-то, с дурной башки,
Ка-ак вдарит!
Вот такое дело.
И занедужила супруга;

Не столь от боли, сколь – с испуга,
 – Сочувствуем. Дай бог здоровья...
 Лягнутой бабушке Прасковье!
 – Смеетесь, что ли, обормоты?!
 – Ни в коем разе!
 – Что ты, что ты!
 – Да ладно. Вижу. Хватит ржать.
 Садитесь, будем вечерять.
 Для горожан – предел мечтания:
 Река, природа, костерок,
 Да ужин небольшой компанией,
 В приятный летний вечерок.
 Под пиво песни попоют,
 И снова в городской уют;
 Жрёт комарье, к тому же, нету,
 Ни ванн, ни теплых туалетов.
 А лесовик в тайге живет;
 И летом – весь его комфорт,
 В избешке, возле камелька.
 Но чаще – лес, костер, река.
 Дадим пока героям нашим,
 Вдали от шума городов,
 Вкушать плоды земных трудов:
 Жевать неторопливо кашу.
 Поскольку здесь в сюжетец наш
 Вступает новый персонаж,
 Я думаю, настал момент
 Нарисовать его портрет,
 /Как требует литература/ –

А дед Букар, скажу я вам,
 Был колоритная фигура.
 Портрет же внешне очень прост:
 Представим для начала рост.
 Как нынче в шутку говорят:
 «В подскоке метр пятьдесят».
 Дед, как подросток, щупловат,
 Но жилист.
 Плащ-дождевик, почти до пят
 Обувка – кожаные бродни,
 Каких не носят уж сегодня.
 На голове дедка одета –
 И это несмотря на лето –
 Теплая шапка, что когда-то,
 Была, наверное, ондатрой;
 Лицо – морщина на морщине;
 Цвет кожи – бурая дубленка,
 Седая, клином борода. И
 И где-то там, посередине,
 /Среди морщин поймешь не враз/
 Укрылась пара умных глаз.
 А, впрочем... Впрочем, внешний вид
 Не слишком много говорит.
 Напротив с трубочкой сидит
 На вас как будто не глядя.
 Обычный старый человек.
 И, вдруг, из-под завесы
 уколел взглядом.

Почувствуешь себя мгновенно
 Муниципальное учреждение
 Кондинская межпоселенческая
 централизованная
 библиотечная система

Как будто под лучом рентгена.
И дело вовсе не в словах;
Вползает в душу липкий страх,
Потом растерянность и злость.
Поскольку, так уж повелось:
Есть мысли, что подальше прядем.
Но с дедом все как раз иначе:
Ему словесная завеса
И болтовня – без интереса.
Поэтому понятна злость:
Дедок-то видит вас «насквозь»!
Он видит правду; видит ложь,
И ты его не проведешь.
Бывало, в разговоре старец,
Вдруг поднимал корявый палец:
– Глаза – есть зеркало души;
Не ври, парниша, не грехи!
Ну, а вопрос с его годами
Весьма непрост: считайте сами –
Давал уклончивый ответ:
– Наверно, больше сотни лет.
И вряд ли кто-то сомневался,
Поскольку, как-то дед признался,
Что будучи совсем мальцом,
Водил в Тобольск обоз с отцом;
И видел как конвой и пристав
Везли опальных декабристов.
Тогда Букар еще не знал,
/Для этого был слишком мал/

Кто и за что? Узнал ответ
Лишь через много-много лет.
Егор, дотошный от природы,
Считал-считал Букара годы,
В итоге – обалдел совсем:
– Сто шесть, а может быть – сто семь!
Читатель вправе заявить:
– Эй, автор, перестань юлить.
Действительно, занятный дед;
Зачем же напускать туман?
Пусть вас не удивит ответ:
Ведь старичок Букар – шаман!
Но вот об этом – тс-с, ребята;
Хронологически, рассказ
Относится к концу двадцатых.
В селенье все о деде знали,
И дружно, как один – молчали.
Не дай-то бог, пошел слушок,
И, уж, тем более,
Попал куда-нибудь в Райком;
Куда спокойней в чистом поле,
Быть кумачом перед быком.
А власть бы способы нашла:
И старика и полсела,
Упечь с родной Конды-реки,
Куда-нибудь на Соловки.
Вообще-то, власти здесь бывали,
И даже лекции читали:
Про вред куренья, про природу,

Про веру – опиум народу.
 Дед атеистов был полезней:
 Сам – без ученых докторов,
 Лечил сельчан от всех болезней,
 А заодно собак, коров.
 Успел двух жен похоронить,
 Умерших от преклонных лет;
 Имел одиннадцать детей,
 А внукам так и счета нет.
 Весьма, весьма занятный дед.

4

Теперь, друзья мои, пора,
 Присесть тихонько у костра;
 Поскольку дедушка, как раз,
 Вел поучительный рассказ.
 Вообще-то, этот разговор,
 /Панкрат считал совсем нехстати/
 Затеял хитрован Егор:
 Про комполена и про батю.
 – Букар, ты с батей, между прочим,
 /Да не помянут будет к ночи,
 Земля отцу пусть будет пухом!/
 Не утверждаю, но по слухам,
 В лесу встречали комполена?
 – А что. Вполне обыкновенно.
 Крестьясь, Панкрат завозмущался:
 – Ну что ты к деду привязался,
 Егор? Тыфу-тыфу. Какого хрена,

Стоит жить!!!

Не поминайте комполена!
 Букар, меж тем, заговорил:

– Семен еще парнишкой был;
 Твой тезка – дедушка Егор
 Надумал обновить запор.
 От вашей речки коль идти

на север,

Верстах, примерно, в десяти,
 Течет из озера ручей.

Пока считается ничей:
 Топляк, да илом все забилося,
 А раньше рыбка там водилась.
 Сейчас бы можно им заняться,
 Но, вот пойми людей, бояться.

От устья речки на запор
 Идет тропинка через бор.
 Егор «кедровку» разгружал,
 Мы с Сёмкою носили жал*
 Там до избушки-то идти,
 Не более минут пяти.
 Жал длинный, и носили парой:
 Семен, поскольку молодой,
 Шёл впереди, а я, как старый,
 Поддерживал – само собой.
 За сосняком, у поворота,
 Напарник мой вдруг замер что-то;

Стоит жить!!!

И не вперед, и не назад.
 Мне из-за связки не видать.
 Кричу ему: – Чего застрял?
 А он и голос потерял.
 Подался я левой немножко,
 Чтобы вернее разглядеть.
 И вижу: посреди дорожки,
 Стоит... подумалось – медведь?
 На задних лапах, на дыбах,
 А пригляделся – Ёшкин прах!
 Ну, братцы, не забуду в век:
 По виду – будто человек;
 Личина – как у обезьянки,
 Глаза горят как угольки,
 Ну вот, ей богу, мужики,
 Уполномоченный по пьянке!
 В шерсти весь, с головы до ног.
 Притом, здоровая скотина:
 Избушке нашей под конек
 – Два метра верных с половиной!
 Лапищи – прямо до колен,
 Понятно сразу – комполен.
 Стоит, замешкался немного;
 Оскалил зубы, паразит.
 То ли смеется, то ль грозит.
 Не хочет уступать дорогу.
 Тяну Семена за собой;
 Шепчу: – Тихонько отступаем,

И отвернись, а то решит,
 Что мы на драку вызываем,
 А мне еще охота жить.
 /Зверью в глаза нельзя смотреть,
 Будь комполен он или медведь/

Упятились за поворот,
 Спиной вперед, я, то-есть – первый,
 И тут Семен ка-а-ак заорет:
 Видать, у парня сдали нервы.
 И до сих пор мне невдомёк:
 Пусть даже я не вышел ростом –
 Перескочить меня не просто,
 Но вот Семен, со страху, смог!
 Гляжу, а он уж далеко,
 И все кудахчет: ко-ко-ко!
 Летит пацан к реке по тропам,
 Каким-то бешеным галопом.
 При том, не просто так бежал:
 Волок с собой рюкзак и жал.
 Стою с ножом – всё может стать:
 Вдруг комполен решит погнаться?
 Да Сёмка, видно, так орал,
 Что комполен давно удрал.
 Я подождал еще немного,
 И вслед за Сёмкой: дай бог ноги!

Ваш дед Семен ругался редко,
 Но Сёмку крыл и так и сяк:
 – Чего кудахчешь как наседка,
 Снести удумал, что ль, дурак?
 А Сёмка... В общем, мужики;
 Успел уже снести – в портки!
 Егору я растолковал:
 Мол, зря парнишку отругал
 Ему ж всего тринадцать лет,
 А богохульствовать – не след.
 /Из братьев кто-то рассмеялся:
 – И я б, пожалуй, о...рался/

– Пожитки в лодочку сложили,
 И тем же вечером уплыли.
 Не стали закрывать ручей!
 С тех пор он так и есть – ничей...
 Но Торумом – владыкой неба,
 Клянусь – ваш батя трусом не был!
 Таких немного мужиков:
 Ножом отбил от волков;
 Сходился с рысью в рукопашной.
 Вот это – в самом деле страшно!
 Егор заметил:
 – Да-а. Не сладко.
 Но, если знать зверья повадки,
 И правильно читать следы,
 То можно избежать беды.
 Конечно, всякое бывает;

Отец говаривал порой:
 – В лесу полезней не герой,
 А тот, кто просто не зевает!
 Тайга – работа для мужчины.
 Панкрат, подумав, заявил:
 – Но комполен – от чертовщины!
 Букар, ты не заметил «вил»?
 – Когда там было замечать.
 О-о-х, мужики, давайте спать!

5

Панкрат, ворочаясь, ворчал:
 – Уснёшь тут! Как же!
 Напугал!
 Егор еще храпит, зар-раза.
 Букар Минейч, спишь?
 – В полглаза.
 – Тогда скажи, коль не секрет;
 С чего ты, вдруг, на старость лет,
 Поплыл в столь дальние места?
 Я чую, явно неспроста!
 – Панкратушка, я погляжу,
 Тебе бы тайны все, секреты,
 А никакой тут тайны нету.
 Коль любопытно – расскажу.
 Старик присел у костерка;
 Достал щепотку табака
 Из необъятного кисета,
 Степенно трубочку набил,

От уголёчка раскурил:
И повторил:
— А тайны нету.
Зажился дедушка Букар
на белом свете,
Ох, зажился!
Ведь я же, брат, настолько стар,
Что и в годах со счёту сбился.
Приплыл сюда, пока есть силы,
Почтить священные могилы.
Я знаю: нынешней зимой,
Придет к концу мой путь земной.
Панкрат вздохнул: — Куда спешить?
Тебе еще бы жить да жить.
Неуж-то в тамошних урманах,
У Торума, нужда в шаманах?
А может, ты ошибся, дед?
— Про это не пытай. Секрет.
— Вот. Завсегда со мною так:
Нет-нет, да попаду впросак.
Не по злобе же, не с ехидства,
А так — с пустого любопытства.
Уж, ты, Букар, не обижайся!
— Ой, парень. Брось — не распинайся.
Ведь, коли любопытство — грех,
Он равно падает на всех.
И вот еще одно, Панкрат:
Хотел я утром уплывать,
Да, видно, духи вразумили;

Вы кое-что, друзья, забыли.
Для Торума-то, все едино:
Что человеки, что скотина.
И мы — все сущие на свете,
Все дороги ему как дети.
Ведь ты, парниша, должен знать:
Медведь для ханта — старший брат.
На вас греха большого нету;
Не вы нарушили заветы.
Поэтому — решил камлать,
И Торум подлинно узнает,
Что мишка младших обижает,
А значит — шибко виноват!
— Вот-вот. Егорка-то был прав:
Мол, духам будет не во ндрав.
Нет, дедушка, мы не забыли;
Мы вечером вчера решили
Пойти к тебе, просить камлать.
Откуда же нам было знать,
Что ты вдруг взял, да и уплыл.
К нам Ванька — внук твой заходил.
Вот от него мы и узнали.
Дары с собой, однако, взяли;
И если в ночь пойдешь камлать,
Не позабудь из лодки взять.
— Вот молодцы — кивнул шаман,
— Прибавлю их к своим дарам.
Хотя вы с братом и крещёны,
Да у тайги свои законы;

И тот, кто их не очень чтит,
 В лесу не сможет долго жить.
 Свернув на время разговор,
 Молчали, глядя на костер.
 Из сосняка пришел Черныш;
 Улёгся возле ног шамана.
 – А ты-то, псина, что не спишь?
 – Во! Персональная охрана!
 – Смеётся весело Панкрат,
 А все-таки, немного странно:
 Хороший пес – гроза урмана,
 Ведь он чужого рад порвать.
 – Чего тут странного, однако?
 Чернышка – умная собака,
 А не дворовый пустобрёх.
 Одна такая – стоит трёх!
 – Егор других не держит сроду,
 Не смешивал, берег породу.
 – Об этом, парень, нету спора.
 И, к слову, помню как теперь:
 Такой же масти был кобель
 У деда вашего – Егора.
 – А как попал к нему тот пес?
 – Вот это, брат, другой вопрос;
 И если ты не хочешь спать,
 Могу об этом рассказать.
 Заведено не первый год:
 Когда с Оби уносит лед,
 Плывут туда с Конды-реки,

За красной рыбой остяки.
 В «кедровках», да на обласках,
 Рыбачат малость на песках.
 Но не задаром, как известно,
 Поскольку треть улова – местным.
 В то лето половили знатно.
 Ну, и наладились обратно.
 Егор и с ним еще остяк,
 Зашли в Самарове в кабак
 Ты знаешь здешнюю породу:
 Нельзя нам «огненную воду»!
 За чаркой чарка – и пошло!
 Им, прямо скажем, повезло:
 Не всё спустили в кабаках;
 Остались, всё-таки, в портках!

Очнулись наши мужички
 На бережочке у реки.
 /Артель уже, на ту беду,
 Без них уплыла на Конду./
 В карманах, ясно – ни гроша;
 Опохмелились с Иртыша.
 В башках прояснилось немножко;
 Пошли работу приискать,
 чтоб заработать на одежду,
 А уж потом самим смекать,
 Как добираться на Конду.
 Но Торум видел их беду,
 И подсказал им путь домой.

Хотя не очень и прямой:
 Один ученый иноземец,
 Какой-то шибко важный немец,
 Искал на пристани как раз
 Гребцов на небольшой баркас.
 Да только, брат, искал он зря,
 Ведь на исходе сентября,
 Как ни проси, людишкам местным,
 В Березов плыть неинтересно:
 Неблизкий путь, да и беда,
 Коль рано грянут холода,
 И по Оби попрёт шугу,
 Тогда – кукуй на берегу.
 Смотрели как на дурака;
 Крутили пальцем у виска.
 И вот, по этой-то причине,
 Был немчура в большой кручине;
 Совсем расстроился, и вдруг,
 Увидел наших двух пьянчуг.
 Ему бы – хоть кого нанять,
 А нашим – нечего терять.
 Тот немец, вроде и чужак,
 По-русски был болтать мастак.
 Егор же, /если б был тверёзов,
 На кой бы сдался им Берёзов?/
 И сторговался, дуралей:
 За харч, армяк и пять рублей.
 Еды по лавкам прикупили,
 Да и, не мешкая, отплыли.

– Букар, я не пойму, однако:
 При чем тут дедова собака?
 – Ты – торопыга, я гляжу.
 Послушай дальше, что скажу.
 У немца-то, у чудака,
 Был пес – размерами с телка,
 Лохматый – необыкновенно.
 Породы тоже иноземной:
 Э-э-э! Как же? Сер..? Нет! –
 Сен-бер-нар!
 – Ты как запомнил-то, Букар?
 – Запомнил. Да не в этом суть.
 Ну вот. Плывут они, плывут,
 А немец в деревнях по ходу,
 Считал, где сколько есть народу.
 Еще записывал обычаи,
 Старинные обряды, притчи.
 В деревне станут ночевать,
 Пес должен лодку охранять.
 Егор и тот, второй остяк,
 Всё не могли понять никак:
 Чего собака охраняет?
 Зря только нагоняет страх.
 Народец в здешних деревнях
 С пелёнок воровства не знает.
 Собрался, скажем, мужичок,
 Куда из дома отлучиться;
 Приставит к двери чурбачок,
 Чтоб не забрался колонок,

иль пакостливая лисица.
 И все дела:
 Гуляй хоть год;
 Никто чужого не возьмет!
 Но немцу это объяснять –
 Зря время попусту терять.
 Егор и не пытался даже.
 Гребни, куда хозяин скажет.
 – А ты, собачка, стереги;
 У каждого – своя работа.
 Куда важней была забота –
 Успеть бы к месту до шуги.
 По всем приметам, в тех местах,
 Вот-вот начнется рекостав.
 За Перегрёбным на привале,
 Об этом с немцем толковали.
 Да он и сам все понимал;
 Над картой что-то колдовал.
 /А немцы в картах разумеют/
 Сказал, что если поднажать,
 Они еще вполне успеют,
 До устья Сосьвы добежать.
 Гребли робята до упада;
 Питались в лодке – на ходу,
 А тут еще, на ту беду;
 Шторма, туманы, снегопады.
 С такой ездой – одно мученье
 Одежда – сырь, баркас потёк,
 Наш немец в этом приключенье

Простыл и крепко занемог.
 Укутался во все одеяла;
 Глотал без счета порошки,
 Но помогало это мало.
 – Привал, – решили мужики.
 Шалаш из веток сгоношили;
 Большой костер взялись палить.
 Всё хорошенько просушили,
 И немца принялись лечить:
 Брусничный морс, потом – отвар,
 Чтоб оттянуть немного жар.
 По-честному предупредили:
 – Терпи, однако, не помрешь
 ... И водку с перцем в немца влили:
 – Теперь потей, ядрёна вошь!
 Ох! Немчура и закрутился!
 Вдвоем держали молодца.
 А как, зараза, матерился;
 Почище русского купца!
 Потом ослаб и задремал.
 Пес примостился тут же – рядом:
 Собою немца согревал,
 А пот с того катился – градом.
 Как только немец пропотел,
 Егор его переодел
 в сухое, чаем напоил;
 – Спи, парень. Набирайся сил!
 Спешить теперь уже не стоит:
 По речке понесло шугу.

Поспи, а мы на берегу
 Сметнём, куда баркас пристроить.
 Соорудили вороток,
 Канатом прочным обкрутили,
 И без особенных усилий.
 Баркас втянули на мысок,
 /Чтоб воды вешние не смыли/
 Отплавались. Куды деваться?
 Совсем незнакомые места.
 – Пешком придется добираться;
 Тут с «гаком» будет верст полста.
 Не пропадем, у немца карты.
 – А скарб – на спинах, что ль, тащить?
 – Да ты не ной – сколотим нарты.
 – Ни в жисть не буду больше пить!
 Сейчас бы дома отдыхали.
 – Что было – то не воротить.
 – А все же, славно погуляли!
 – Тьфу! Пойдем-ка нарты колотить!
 Два дня готовились в дорогу,
 Лечили немца понемногу.
 И все бы хорошо пошло,
 Но где-то, зная, перед Россией,
 Он обзавелся малярией;
 Вот мужика и затрясло.
 И, значит, из него ходок
 Как из бутылки молоток!
 – Придется, брат, тебя нести.
 Лечиться будем по пути.

/У немца от того мытарства
 Имелись в багаже лекарства/
 Упаковались как смогли;
 Собаку в нарты припрягли.
 Ну, и потопали пешком;
 Все бережком да бережком.
 Ох, и несладко же пришлось:
 Тяжел был немец, словно лось!
 Пять дён к жилому добирались;
 Намерзлись, да наголодались.
 Пес, хоть и выбился из сил,
 Но груз безропотно тащил.
 Вот так и вывели их боги
 На юрт у сосьвинской дороги.
 Дневал там, к счастью мужиков,
 Разъезд служилых казаков.
 Десятник долго хохотал,
 Мол, отродясь не видал
 Такого странного обоза.
 Велел доставить всех в Березов.
 Из-за хозяйского леченья
 Там прожили аж до Крещенья;
 А немца пользовал еврей,
 Сам – из ученых лекарей.
 С собакой приключилась штука:
 Кобель-то оказался – сукой!
 К тому ж, изрядной негодяйкой:
 Гульнула там с зырянской лайкой;
 Из тех, что стерегут стада.

А уж свирепые-е! Беда!
 Пока хозяин излечился,
 Наш песик взял, да оценился.
 – А что же наши два бродяги?
 – Им немец выправил бумаги,
 /чтоб – полицмейстер не придрался/ –
 И честь по чести рассчитался.
 Втроем, по трактам почтовым,
 Приехали в село Шаим,
 Там окончательно расстались,
 Всплакнули, да облобызались.
 Тот немец, все же, славным был:
 Сердечно поблагодарил
 за службу наших мужиков
 И подарил им двух щенков.
 От тех щенков пошла порода.
 Хотя, она за эти годы,
 /а их прошло уже немало/
 Слегка, конечно, помельчала,
 Но и Чернышка и Пестряк,
 Куда крупней других собак.
 Панкрат зевнул:
 – Эх-х! Язви в душу.
 Тебя, Букар – не переслушать;
 Всё этак складно рассказал!
 – А ты, гляжу, уж задремал!?
 Валяй. Укладывайся спать;
 Вам скоро дело исполнять.
 – И верно. Лягу, отдохну.

Панкрат укутался в кошму;
 Со вкусом пару раз зевнул,
 Перекрестился, и уснул.

6

Старик, подворошив костер,
 Глядел задумчиво на сор;
 С тем чувством слитности с природой,
 Что обретается за годы,
 Таежной жизни непростой.
 В ней есть свобода и покой,
 И вековая тишина.
 Над озером взошла луна;
 зависла темно-алым диском,
 Над горизонтом низко-низко.
 Сор приглушенно замерцал,
 Как остывающий металл.
 Мостя по озеру дорогу,
 Диск поднимался понемногу,
 Меняя цвет на серебристый,
 Луна в короне звезд лучистых,
 Взошла торжественно в зенит,
 И безраздельно в нем царит.
 Тяжеловато-ртутный блеск,
 Излился на прибрежный лес;
 Струился по стволам и кронам,
 По белым мхам полян укромных;
 Тьма затаилась у корней,
 А лунный свет среди ветвей

Сплетался в сказочный узор,
 Преобразив полночный бор
 В пространство призрачных теней.
 Старик, пробормотав:
 – Пора; как раз успею до утра, –
 Спустился к лодке за мешком;
 И в путь отправился пешком,
 Скользя среди деревьев тенью,
 Под стать лесному привиденью.
 А так ходить не всякий может,
 Чтоб даже птиц не потревожить.
 Куда ж отправился наш старый?
 К буграм: к шайтанскому амбару!
 Немало было их когда-то,
 В хантыйских юртах по Конде,
 Но часть порушили солдаты,
 Да и вообще, в конце двадцатых
 Остались только кое-где,
 Хотя всех духов и богов
 Большевики поотменяли,
 Но ханты на запрет плевали,
 Сочтя за происки врагов.
 /И прятали шайтанов в лес,
 Чтоб не нашёл начальник-бес/
 И до сих пор ещё, по слухам,
 Там приносились жертвы духам!
 Чужак не знал, а людям местным,
 Тропинки к капищам известны.
 Но! Были и еще пути;

По ним не всякий мог пройти;
 К местам-табу среди урманов:
 К священным капищам шаманов!
 Об этих капищах, признаться,
 Хватало всяких спекуляций:
 Болтали о несметных ценностях,
 О золоте и драгоценностях,
 В лесах упрятанных как раз,
 От жадных рук и алчных глаз.
 И не поймешь: где явь, где слухи;
 Мол, сторожат их злые духи;
 Вдоль троп расставлены умело,
 Большие луки-самострелы
 Да волчьи ямы, да капканы,
 Удавки-петли и чарканы.
 Всей правды знать не суждено:
 Одни разграблены давно,
 Другие сыщутся едва ли –
 /Хранители поумирали/.
 Оно и к лучшему, быть может;
 Опасно души их тревожить!
 Наткнулся – ничего не трогай,
 И уходи своей дорогой;
 Кто этого не понимал,
 Порой внезапно умирал!
 Мы, впрочем, отвлеклись слегка,
 Не упустить бы старика.
 А он, да будет вам известно,
 Пришел как раз в такое место:

Обширный, беломошный бор,
 Из тех, что ханты с давних пор
 Для поселений выбирали.
 /Лесов, столь чистых, на Конде,
 Хватает и сейчас везде,
 Хотя их сильно вырубали/
 Идем за стариком, однако:
 Шаман, сверяя путь по знакам,
 Дошел до потайной поляны.
 Вокруг нее столбы-шайтаны.
 Поляна плавно повышалась,
 И в самом центре завершалась
 Холмом пологим – метра в три,
 /вот интересно: что внутри?/
 Над плоскою его вершиной,
 Уже поросшею дерниной,
 Ночные ветерки качали
 Поникший кустик иван-чая.
 Одни шайтаны покосились,
 Другие – сгнили и свалились,
 Растрескались и почернели
 Изображенные на них
 Личины идолов лесных,
 /вблизи заметны еле-еле/
 Свидетелем каких времен,
 Кровавых жертвоприношений,
 Шаманских плясок и молений,
 Был этот странный пантеон?
 Но, видно, доживала век

Сия язычества обитель.
 Как и пришедший человек:
 Шаман Букар – ее хранитель!
 Повсюду – тлен и запустенье,
 Но, вместе с тем, сооруженье,
 С восточной стороны холма,
 /своеобразное весьма/
 И было, собственно, амбаром,
 Не выглядело слишком старым.

Но здесь понятно: предположим,
 Когда Букар был помоложе,
 И у него хватало сил,
 Амбарчик этот обновил.
 Архитектура без изысков:
 На двух столбах, довольно низко,
 В рост человека, чуть повыше,
 Площадка под двускатной крышей;
 Обшита с трех сторон жердями,
 Чтоб не надуло снег ветрами.
 С четвертой – небольшая дверь;
 Вдруг заберется часом зверь.
 Корыстолюбю, коль случится,
 В амбаре нечем поживиться.
 Найдет две мелкие монеты,
 Да в связке бусы-амулеты;
 Штук пять полуистлевших шкур,
 От беличьих до чернобурок.
 Отдельно, в дальнем уголке,

Лежат в узорном туеске,
 Десятки костяных фигурок,
 изображающих зверей,
 И птиц, и рыб и даже — змей.
 В великолепной стилизации
 /Искусствоведу б любоваться/
 — Да знатоков в лесу не густо.
 Шаман же древнее искусство
 Рассматривал слегка в ином
 Аспекте: чисто прикладном,
 И для него, на тот момент,
 Скульптурки — культовый предмет;
 Тотемы или знаки рода.
 Себя югорские народы
 Не отделяли от природы.
 То было частью естества:
 И хант и манси от рожденья,
 Воспитывался в убежденье,
 Что лишь таежным существам,
 Обязан род происхожденьем!
 Своих тотемных зверя, птицу,
 Охотник должен свято чтить,
 И, коль случается убить,
 /ведь надо же на что-то жить/
 Перед богами извиниться.
 А в иерархии тотема,
 Медведь — особенная тема:
 По воле тех, кто в небесах,
 Дарована медведю милость —

Во всех, подвластных им лесах
 Он воплощает справедливость.
 Но если начинал вредить,
 /Бывает и на них проруха/
 На то, чтобы его убить,
 Испрашивают волю духов.
 Обряды могут быть различны:
 В одних родах охотник лично
 Просил согласия высших сил,
 Найти управу на смутьяна.
 В других родах — просил шамана,
 И тот камлание проводил.
 А для чего оно, камлание?
 Чтобы привлечь богов внимание!
 Все наши беды и тревоги,
 Для них — ничто;
 Они же БОГИ!
 К тому же, боги так капризны:
 Любимца-то лишают жизни.
 Пусть даже мишка и неправый,
 Им эти просьбы — не по нраву.
 — Упрямы! То-то и оно.
 Букар вздохнул: Пусть боги судят.
 Пока я знаю лишь одно:
 Камлание нелёгким будет!
 Как всякий жрец, когда случится,
 Нести молитву к небесам,
 Шаман обязан облачиться.
 Чем, кстати, дед и занялся.

Раскрыв объемистый мешок,
 Шаман на божий свет извлек
 Одежду из оленьей шкуры.
 В итоге быстрой процедуры,
 Он оказался облачённым
 В короткие кисы, штаны,
 /Наряд для лета и весны/
 И куртку-парку с капюшоном.
 На обуви, штанах и парке
 Орнамент, но не слишком яркий.
 Затем, оттуда ж, из мешка,
 Достал два тонких ремешка,
 На эти ремешки с концов,
 Подшита пара бубенцов;
 Встряхнул. Послушал с умилением,
 И подвязал их под колени.
 Перепоясался ремнем,
 Из тонко выделанной кожи
 /Деталь не главная, но всё же,
 Буквально, пару слов о нём:
 По всей длине, до самой пряжи
 Наклёпаны большие пряжки
 Массивные, из серебра,
 С изображением бобра.
 На пряжке, как бы на мгновенье,
 Застыли в схватке два оленя.
 Глядишь, и кажется: вот-вот,
 Вся эта сценка оживет!
 И, наконец, еще предмет:

Необходимый инструмент!
 Что именно? Понять не трудно:
 Какой же ты шаман без бубна?!
 Старик, поднявшись на бугор,
 Разжег там небольшой костер,
 Из припасенных тут же веток.
 /Большой опасно: сухо. Лето!/
 Потрогал инструмент, постукал
 По коже пальцами слегка.
 И, видно, недовольный звуком,
 Поставил возле костерка:
 – Немножко отсырел; хрипит.
 Подсохнет – снова зазвучит.
 Встал на подставленную чурку;
 Нашел в амбаре туесок.
 Забрал медвежью фигурку;
 Затем опять полез в мешок.
 На дне лежали до поры,
 Необходимые дары,
 Угодные богам меха.
 О! Жертва вовсе неплоха!
 Должна понравиться, по мысли:
 Собольи, беличьи и лисьи,
 И горностая, и бобра.
 Хватало всякого добра.
 Все это жрец сложил в амбар:
 – Примите, боги, скромный дар!
 Затем попятился с поклоном,
 И, обойдя бугор по склону,

Взошел наверх со стороны,
 Плывущей к западу луны;
 Расчистил возле костерка,
 Слой дерна и песка руками,
 И перед взором старика,
 Открылся вдруг огромный камень.
 Точнее говоря, фрагмент,
 От видимой на тот момент,
 Верхушки камня-мegalита.
 Все остальное было скрыто
 В земле.
 Откуда мегалит?
 И как давно он здесь лежит?
 При том, на много верст окрест —
 Песчаный грунт, болота, лес.
 У старика на сей предмет
 Имелся «фирменный» ответ,
 Но лишь из области преданий:
 — Лежит бессчётно много лет.
 А брошен был сюда богами,
 Чтоб не мешал им под ногами.
 «В ту, незапамятную пору,
 Преследовал великий Торум,
 Золоторогого оленя,
 В своих заоблачных лесах.
 Остановился на мгновенье,
 /Песок набился, вишь, в кисах/
 Стряхнул кисы, и там сейчас —
 Гора: Самаровский чугас.

И вот: почти уже догнал,
 Оленя Торум, дотянулся,
 Но, неожиданно споткнулся
 Об этот камень! И упал!
 О! Торум шибко осерчал:
 Поднялся; гневно закричал
 — Как смел ты тут лежать, нахал?!
 Затопал и загрохотал;
 В сердцах швырнул его с небес,
 И угодил тот камень в лес.
 Когда гнев Торума прошёл;
 Он камень все-таки нашёл,
 И повелел в лесу лежать,
 Чтоб люди здесь могли камлать.
 /Чистейшая мифология!
 Научный, истинный ответ,
 Спустя, возможно, много лет,
 Сумеет дать археология/

Старик-шаман наш, между тем,
 Поставив костяной тотем
 На камень, как на основание,
 Неторопливо вел камлание.
 Взяв бубен, в бок его упругий,
 Ударил колотушкой.
 Вдруг,
 Протяжный, мощный, низкий звук,
 Волной пронёсся по округе.
 Такой могучий резонанс,

Еще один секрет для нас.
 Насколько думается мне,
 Источник скрыт в самом холме.
 Букар же бубен похвалил:
 – Ты хорошо заговорил!
 Добавил веток в костерок;
 И в разгоревшееся пламя,
 Подбросил серый порошок;
 Прикрыв на миг лицо руками,
 От вспышки белого огня.
 – О, боги! Слышите меня!?
 / По рангу «сборного шамана»,
 общаться мог с богами прямо/
 Пошел по кругу, повторяя,
 Призыв к всевидящим богам,
 И равномерно ударяя
 По бубну, в такт своим шагам;
 – Вы слышите меня, владыки:
 Калтац и сумрачный Хань ики,
 Чей чум в полярной темноте,
 Под тундрой, в вечной мерзлоте!
 Там обрываются дороги
 Живых.
 Вы ведаете, боги,
 Что только правду говорю.
 Ведь я уже лыжню торю,
 В твои подземные чертоги –
 Хань ики!
 Калтац! Мать сущих на Земле!

Твой путь – путь разума и света!
 И, чья незыблемость завета,
 Да не простишь живущих в зло!
 Не вы ли дали нам закон,
 Чтоб соблюдался всеми он?
 Как мог сей острый, ясный взор,
 Вдруг пропустить такой разор,
 Который пуппи, словно вор,
 В чужих угодьях учиняет;
 И «младших» шибко обижает?
 Принять решение тяжело,
 Но чтоб медведь не множил зло,
 прошу вас, боги, разрешить
 Медведя этого убить.
 Шаман слегка замедлил шаг,
 Поскольку чувствовал подспудно:
 камлание пошло «не так».
 – Ослабло, вдруг, дыханье бубна.
 Куда девался мощный звук;
 Что инструмент давал в начале?
 Остался лишь негромкий стук.
 – Неуж-то, боги осерчали?
 Ведь знают: мишка виноват
 Иль притворяются, что спят?
 – Не подали мне боги знака
 Что просьба принята,
 Однако,
 Лишь неумеха мельтешит.
 Шаман Букар не лыком шит!

– Не получилось «напрямик»,
Есть путь иной, решил старик.
А что пришло ему на ум?
Просить помочь Мир сусне хум.

У Торума семь сыновей;
Семь удалых богатырей.
Мир сусне хум – как раз – седьмой.
Любимейший, само собой!
Но Торум, как отец – суров:
Не балует своих сынов;
Их жизнь – совсем не развлечение:
У каждого есть порученье.
Удел Мир сусне хум таков,
И будет до скончания века:
Он, словно мост меж берегов,
Соединяет мир богов,
И мир земного человека.
Красив и строен юный бог,
Но редко перед кем он мог
В подобном облике явиться.
Гораздо чаще – в виде птицы.
И образы его текучи,
– Изменчивы, как в небе тучи.
/Все перечислить не берусь;
Обычный образ – белый гусь/
Для тех, кто более достоин,
Возможный образ – конный воин.
Мир сусне хум несуетлив,

Умен и очень справедлив.
Отец к нему благоволит,
За добрый нрав и скромный вид.
– Пожалуй, можно и рискнуть;
Мир сусне хум укажет путь.
С его поддержкой сладим дело,
А чтоб, уж точно, вышел прок;
Душа /пусть и на краткий срок/
Должна, увы, покинуть тело.
И, не без внутренней тревоги;
/Ведь неизвестно наперед,
отпустят ли обратно боги,
А тело без души – умрет/
Букар, откуда-то достав,
Большой пучок сушеных трав,
– Подбросил зелье в костерок;
Вдохнул дурманыщий дымок,
Так глубоко, как только мог.
Последствием таких движений,
Естественных, на первый взгляд,
Был комплекс странных ощущений:
/«Улёт», как нынче говорят/
Старик мгновенно ощутил,
Прилив необычайный сил,
И молодую легкость тела;
Кровь в жилах словно закипела.
Другому аналогий нет:
Мир приобрел пурпурный цвет;
Все виделось как бы в тумане.

Но без привычных очертаний:
 Пропорции все исказились,
 Деревья странно искривились,
 Вершины наклонив к холму.
 Шаман, вдобавок ко всему,
 Внезапно обостренным зреньем,
 Увидел, как сгустились тени.
 Вокруг священного холма,
 Смыкала свои кольца тьма.
 Пурпур, изорванный на клочья,
 Истаял в беспросветной ночи.
 Мрак поглотил поляну, лес,
 И дотянулся до небес.
 Букар как будто бы стоял
 На дне глубокого колодца;
 И каждой клеткой ощущал,
 Что страшный круг вот-вот замкнется;
 Лишь, высоко над головой,
 Светлея, подсвеченный луной,
 кусочек неба.

Чернота
 К холму стремилась неспроста:
 Герой наш должен был успеть,
 Опередить Хань ики – смерть!
 Букар, однако, не дремал:
 Ударил с новой силой в бубен:
 – Ты знал, что путь камланья труден,
 И чем рискуешь, тоже знал!
 Букар, как истинный галант,

Избрал надежный вариант:
 Придумано давно не нами,
 Что любят женщины ушами.
 Прием, конечно, не бог весть,
 Но женщинам приятна лесть!
 – Услышь, услышь меня, великая,
 Красавица золотолика!
 Прекраснейшая из богинь,
 Мое моление не отринь!
 /Ах, ах! Хань ики в спину дышит,
 Авось, Калтац меня услышит/
 Не даст замкнуть зловеший круг.
 Калтац! Вернейший из слуг;
 Шаман по имени Букар,
 Тревожит твой покой камланьем,
 С одним-единственным желаньем:
 Преподнести богине в дар
 Меха превосходных соболей.
 У очага в прохладный вечер,
 Они твои укутуют плечи,
 Что всех земных снегов белей!
 О-о! Совершеннейшей из всех,
 Пойдет к лицу соболий мех.
 Как подчеркнут меха сейчас
 Сияние волшебных глаз!
 Все звезды северных ночей –
 Померкнут пред красой очей,
 Калтац, среди богинь царицы!
 А разве может кто сравниться,

С тобой походкой бесподобной;
 Неслышной, легкой и свободной,
 Когда, покачивая станом,
 Идешь ты по своим урманам
 В небесный, золоченый чум.
 И умолкает ветра шум;
 И все живое – зверь и птица,
 Спешат навстречу, чтоб склониться
 Перед единственною той,
 Что покоряет красотой!
 Лишь горностая мех достоин,
 Украсить ту, чей стан так строен!
 Однако же, в пылу камлания,
 Каким-то уголком сознания,
 шаман детали подмечал:
 /На грани внешних ощущений,
 Ввиду возможных изменений/
 – О! Бубен,
 Бубен зазвучал!
 Живет, грохочет бубен, дышит.
 И, значит, Торум все услышит!
 Сминая черную завесу,
 Гул бубна полетел по лесу;
 Поднялся эхом до небес,
 И на десяток верст окрест,
 В почтенье замерли урманы:
 Живы ещё в Югре шаманы!
 Заполнив каждый угол бора,
 Звук докатился и до сора,

Где спали у костра два брата.
 Егор проснулся от раската;
 Вскочил, в момент продрав глаза:
 – Панкрат, проснись. Никак, гроза!
 Смотри, и дед куда-то делся?
 Панкрат лениво огляделся:
 – Собаки здесь. Ушёл камлать.
 Собак туда опасно брать:
 За ними же не уследишь,
 В ловушку могут угодить.
 – Так это не гроза гремит?
 – Нет, брат, то бубен говорит.
 – Однако, мощно громыхает!
 Ну, значит, хорошо камлат;
 Ведь духов трудно уломать.
 Темно ещё. Давай-ка спать.
 А бубен бил и бил вдали,
 Как будто пульс самой земли.
 Шаман, ведя свой ритуал,
 Калтащ всемерно восхваляя,
 Хань ики не упоминал,
 /Тем самым зависть возбуждая/
 Ох, и хитер Букар! Хитер!
 Промеж богов возникнет спор.
 Бог мертвых, уж, и так «не в духе»:
 – Пошто дары одной старухе?
 Калтащ ответит непременно.
 Но! Это все второстепенно.
 Хань ики тут не зря витеат:

Душа-то тело покидает;
И богу просто невдомёк,
Что той душе не вышел срок,
Она еще вернется в тело;
Букара время не припело.
Дед чувствовал; все получилось:
Сознание словно раздвоилось.
/Подобными бывают сны –
Мы спим и словно наблюдаем,
Самих себя со стороны/
Проснувшись, тут же забываем,
А-а! Ерунда /пустые сны!/
Все те, кто мыслит небанально,
Сумеют кое-что понять,
Для прочих это – ирреально.
Не стоит голову ломать.
«Я – первое» – ведет камланье:
Стук сердца. Хриплое дыхание;
И на губах соленый пот.
Рука, что в бубен бьет и бьет.
«Я – второе» – наблюдает:
– Неплохо «Я-Букар» камлает,
Но что-то малость подустал:
Ходить помедленнее стал.
И тьма опять ползет к холму –
Ко мне, к Букару, к самому;
И тянет щупальца к ногам.
Пора воззвать к другим богам,
Но власть над телом все слабей.

Старик, прошу тебя: успеи!
Шаман на камень отступил,
И что есть силы возопил:
– Приди! Приди, Мир сусне хум!
Возьми меня в высокий чум!
И коченеющей рукой,
Ударил в бубен – раз, другой.
Торжествовал Хань ики рано:
К холму над кронами урмана,
Вдруг заструился яркий свет;
В нем проявился силуэт –
Могучий воин на коне.
Старик шаман наш востепенулся;
Шагнул навстречу. Улыбнулся:
– Мир сусне хум идет ко мне!
Мрак загустел, заволновался;
Напрягся, словно для броска,
Но всадник быстро приближался,
Прикрыв собою старика.
И грянул глас, потрясший ночь:
– Хань ики, прочь! Хань ики, прочь!
Тьма неохотно расступилась;
Сползла с вершины; вновь сгустилась,
И перед всадником возник
Преотвратительнейший лик:
Огромный череп, кое-как
Обтянутый гниющей кожей,
/Людей пугать подобной рожей/
В глазницах – непроглядный мрак,

Лишь точки красные зрачков.
 Пасть чудища полна клыков,
 Покрытых мерзостью зеленой.
 Из пасти капает слюна.
 Шаман опешил:
 – Вот те на!
 Хань ики, собственной персоной!
 А монстр гнусно захихикал:
 – Зачем пожаловал, юнец?
 Неужто Торум, наконец,
 Решил увидиться с Хань ики?
 С чего, любимчик, вдруг сегодня
 Забрался не в свои уголья?
 На что последовал ответ:
 – К тебе, Хань ики, дела нет!
 Бог мертвых злобно прошипел:
 – И у тебя здесь нету дел:
 Твоя тропа к живым ведет,
 Ну а моя – наоборот!
 Пошто порядок нарушаешь –
 Мою добычу отнимаешь?
 Душа, покинув мир земной,
 Уходит в нижний мир со мной.
 Но всадник грозно объявил:
 – Хань ики, я предупредил!
 Сегодня ты, как раз – не прав,
 Поэтому, смири свой нрав!
 Тебе покуда непонятно:
 Душа еще придёт обратно,

А тело малость подождет,
 За это время не помрёт.
 Не тешь себя дурацким спором;
 Шамана хочет видеть Торум.
 Уймись!
 Ты знаешь сам прекрасно,
 Как гневать Торума опасно.
 Слова поколебали мрак:
 – Ну, хорошо. Пусть будет так.
 Пред волей Торума склоняюсь.
 С тобой, шаман, я не прощаюсь;
 зимою приду.
 И в тот же миг,
 Исчез с поляны страшный лик.
 – Гляди! Быстрёхонько убрался!
 Ездок беспечно рассмеялся:
 – Враг посрамлён. Душа цела.
 Нагнулся к старику с седла:
 – Люблю Хань ики подразнить!
 Однако, надо поспешить.
 Затем, могучая рука
 Вдруг подхватила старика,
 И он мгновенно оказался,
 Уж, за спиною седока.
 – Теперь за мой кушак держись.
 Смотри, со страху не свались!
 ...И полетели. Прямо ввысь.
 Шаман успел лишь оглянуться;
 Внизу заметил, в полутьме,

Себя, сидящим на холме.
 И захотелось вдруг вернуться.
 Читая мысли, юный бог,
 /Он, видимо, и это мог/
 Перекрывая ветра свист,
 Воскликнул:
 Старый, не журись!
 Великий Торум явит милость;
 Отпустит, что бы ни случилось.
 Взгляни. Едва ли видел ты
 Свой мир с подобной высоты!
 Шаман не пренебрег советом,
 И кинул боязливый взор,
 На окружающий простор,
 Насыщенный серебристым светом.
 Весь страх куда-то подевался;
 С заоблачных своих высот,
 Букар в восторге любовался,
 Страной лесов, озер, болот.
 Шаману виделась Югра.
 /Привычка сравнивать с натурой/
 Мохнатой, с серебрянкой шкурой,
 Большого, старого бобра.
 Но, вдруг, надвинулся туман
 И ничего уже шаман
 Вокруг себя не разглядел.
 Туман же быстро поредел.
 Там, впереди, увидел дед
 Совсем иной, не лунный свет:

Как в летний день после грозы;
 Свежо и много бирюзы.
 Мир золотистых облаков,
 И белоснежных ледников,
 Огромных голубых равнин,
 Спокойных и прозрачных рек.
 Здесь день – длиною в целый век,
 Здесь хорошо богам одним.
 Все краски – дивной красоты,
 Над бездной – радуги мосты,
 Мир без начала и конца.
 Мир бога Торума-отца.
 А конь неутомимо мчался,
 И фантастический полет,
 Над чудным миром продолжался.
 Шаман уже заволновался:
 – Куда-то он меня везет?
 – Мы приближаемся, старик. –
 Заметил всадник,
 В тот же миг,
 Конь опустилсЯ у тропы,
 Среди кедрового урмана.
 За кедрами видна поляна.
 – Теперь, шаман, ступай вперед,
 Великий Торум уже ждет.
 Букар учтиво попрощался.
 Шел по тропе и удалялся:
 – Вот чудеса! Весь окоем,
 Кишит непуганым зверьем!

Да как же тут не удивляться —
Олени волка не боятся!
Но вот шаман достиг поляны.
Тропинка направлялась прямо,
К большому чуму. И чем ближе,
Дед подходил, тем чум был выше.
Пройдя меж двух больших костров,
Очистившись священным дымом,
Жрец, наконец, вступил под кров,
Чтоб встретиться с непостижимым,
В великой мудрости своей,
Отцом богов, людей, зверей.
Шаман уже наудивлялся,
Но снова испытал восторг:
Весь чум сверкал, переливался,
Как будто сказочный цветок.
И много больше изнутри,
Чем это кажется снаружи.
— Ты попривыкни, посмотри. —
Герой немало был сконфужен,
И очень вежливо ответил:
— Простите. Я Вас не заметил.
Но тут... Дошло. Сообразил:
О, боги! Что я сгородил!
В испуге рухнул лицом вниз.
— Слуга мой верный, поднимись.
Шаман, однако, встал не сразу,
Лишь поднял голову слегка;

Увидел белые торбасы,
И серый камень очага,
Попятился, чуть приподнялся,
И так, на корточках, остался.
Перед собой увидел дед
Мужчину-ханты средних лет:
Обычный северный наряд:
Простая парка и торбасы.
Чуть загорелый, узкоглазый;
Седые брови, мудрый взгляд.
/Великий бог, само собой,
Мог облик принимать любой/
Бог улыбнулся старику:
— Садись поближе к очагу.
Тот сел, а Торум продолжал:
— Шаман, ты хорошо камлал;
Угодны и твои дары,
Но повелел я до поры,
Богам на зов не откликаться;
С тобой хотелось повидаться.
Об этом — позже.
Ты поведал,
что мишка учиняет беды.
Мой сын — медведь завет нарушил,
И тем унизил свою душу,
Но, чтобы дух его спасти,
медведя нужно низвести.
/Бог строго глянул на Букара/
Медведь заслуживает кары.

Но будет справедливый суд:
 Охотники его убьют;
 Я думаю, такой урок
 Пойдет душе медведя впрок,
 И чтоб она могла назад,
 В свои урманы возвратиться,
 И вновь в медведя возродиться,
 Сверши положенный обряд!
 – Свершу, мы чтим обряды предков.
 – Тогда, скажи-ка, мой шаман,
 Пошто, однако, люди редко,
 Несут теперь дары богам?
 Какие беды в Среднем мире,
 Стянулись, что люди позабыли,
 О почитанье высших сил?
 За тем тебя и пригласил.
 – Ты прав, Великий; в нашем мире,
 Худые времена грядут,
 Кто ныне правят – вас не чтут –
 Пекутся о другом кумире!
 Жгут капища и храмы рушат,
 И вносят смуту в наши души;
 И рай построить обещают,
 Но рай без бога – не бывает.
 Кумир же их – совсем безбожный:
 Жестокий, вероломный, ложный.
 – Не продолжай, шаман. Спасибо!
 Их власть не будет долгой, ибо
 Во зле, в неверии живут;

Они самих себя пожрут!
 Сейчас тебя я отпущу,
 Но о последнем попрошу:
 Возьми священные тотемы,
 И передай при встрече с теми,
 Кто сберегал до этих пор,
 От недругов Шаманский бор.
 Они тотемы унесут на север;
 Там давно их ждут.
 Уходят старые шаманы.
 Ты долго, верно мне служил,
 И знаю, что зимой решил
 Откочевать в мои урманы.
 Я мог бы и продлить твой век,
 Но слаб телесно человек.
 Великий бог махнул рукой:
 – Вернись в свой мир,
 И в облик свой!

7

Шаман очнулся на холме;
 Зевнул и с хрустом потянулся.
 В недоуменье оглянулся:
 – Уж, не привиделись ли мне
 И встреча, и полет во сне?
 Костер, однако, догорел,
 Лишь уголек последний тлел
 Едва заметным огоньком.

Старик присыпал все песком,
 Придерживаясь правил строго:
 «В лесу огня не оставлять»,
 И, продолжая размышлять
 О разговоре с главным богом:
 – Он прозорлив, и в этом дело.
 Я отпустил учеников,
 Спасая их от Соловков,
 А то и омского расстрела.
 Нельзя тотемы оставлять,
 Ведь мне уж здесь не побывать.
 Забрав в амбаре туесочек,
 Шаман скульптурки положил
 В смолёный кожаный мешочек,
 И прочной дратвою зашил.
 Переоделся. Огляделся.
 – Прощайте, древние шайтаны!
 И... быстрым шагом, прочь с поляны.
 Дошел до поворота в лес;
 Мелькнул меж сосен и исчез.
 От мест священных дед ушел,
 В весьма печальном настроении:
 Как ни суди, а здесь провел
 Свое последнее моление.
 Луна к тому моменту села.
 В лесу изрядно потемнело.
 Печаль – печалью, но Букар
 Шел точно по ориентирам.
 /Тайга – она ведь не бульвар,

И не московская квартира/
 Но путь держал не на бивак,
 Поскольку, было порученье,
 А рассчитал дорогу так,
 Чтоб выйти на пересечение
 двух тайных троп.
 В Шаманский бор
 По ним ходили с давних пор.
 – Уф-ф! Слава Торуму, дошёл.
 Старик присел на старый ствол.
 Кто знает, сколько нужно ждать?
 Но в это самое мгновенье,
 Из мелколесья вышли тени.
 Старик не мог их не узнать:
 На этих тропах он, как раз,
 Встречался с ними много раз;
 И не гадал – те иль не те?
 Поскольку, даже в темноте,
 Создания высоты такой
 Пропустит разве что слепой!
 Один – повыше, помощней,
 Другой – пониже и стройней.
 Самец и самка комполены!
 Букар доволен:
 Стало быть,
 Могу еще в лесу ходить;
 Пришли почти одновременно!
 Самец негромко заворчал.
 Дед в том же духе отвечал.

/Подобие членораздельной речи/
 Шаман во время этой встречи,
 О чём-то долго толковал;
 Самец понятливо кивал.
 Старик сквозь кожаный мешок,
 Продернул длинный ремешок,
 И закрепил самцу на шее:
 – Тебе так будет половчее...
 Махнул рукой на север:
 – В путь!
 А сам присел передохнуть.
 – Постой!
 Проклдовал с мешком,
 И угостил их сахарком.
 Ну вот. Ещё управил дело.
 Пойду.
 Полянка опустела.
 Теперь старик довольно скоро
 Шагал тропой на берег сора.
 О комполенах размышлял:
 – Чего всегда не понимал –
 За что их люди ненавидят?
 «Комполи» зряшно не обидят.
 Народ городит небылицы,
 Потом и в лес идти боится.
 А сам-то!
 Сам порой плетешь!
 Но это – во спасенье ложь!
 Рассвет застал деда Букара,

На берегу левее яра.
 Старик шел низом на бивак,
 Чтоб не тревожить зря собак.
 Проверил в заводи режёвку;
 Добычу выпотрошил ловко,
 Раздул пригасший костерок,
 Подвесил греться котелок.
 Спросонья заворчал Пестряк.
 – Тс-с! Такой здоровый, а дурак!
 Учуяв аромат ухи,
 Зашевелились мужики.
 – Однако, холодит с утра, –
 Панкрат уселся у костра.
 – И как ты, дед, все успеваешь:
 И кашеваришь, и камлаешь?
 Наверное, всю ночь не спал?
 – Не спал, ребяташки. Камлал.
 Егор зевнул я рассмеялся:
 – А я, признаться, испугался,
 Грохочет бубен, как вулкан.
 Вот это – феномен, шаман!
 – Не знаю этих... Фено-мено.
 Пока о них поговорим,
 Уха простынет, непременно.
 Давайте, лучше – поедим.
 Покушали. Чайку попили.
 Букар /остяк – он есть остяк/
 Сначала покормил собак.
 Неторопливо закурили.

– Ладом ли, дедушка, камлал?
 Спросил Панкрат не без тревоги.
 Букар уверенно сказал:
 – На мишку гnevаются боги
 За то, что «младших» обижал!
 Он совершил несправедливость,
 Поэтому попал в немилость.
 Великий Торум пожелал
 Медведя наказать примерно.
 Сказал:
 – То будет правый суд,
 Охотники его убьют.
 Пусть пуппи будет очень скверно!
 Однако, засиделись, братцы.
 Пора, пожалуй, собираться.
 Прибрали место и поплыли,
 На выход из залива в сор.
 – Счастливо, дедушка!
 – Счастливо!
 – Продлим вояж, – сказал Егор.
 «Вояж» – для красного словца;
 Управились довольно скоро –
 До устья речки два часа,
 И час толкались до запора.
 /Немаловажное значенье
 Имеет встречное теченье/
 – Ну, ни хрена! – вздохнул Егор,
 Увидев сломанный запор.
 На берегу валялся жал.

– Ну чем он мишке помешал?
 Панкрат, взяв Соболя и Мушку,
 Отправился смотреть избушку.
 Вернулся вскоре:
 – Вот же зверь –
 Сломал окошко, выбил дверь;
 Всю печь разнес по кирпичу!
 Ну, пуппи, сволочь! Отомщу!
 Хозяйничал тут без меня.
 Ушел вчера, к исходу дня –
 На глине след еще сырой.
 Ты погляди, какой герой!?
 Дурак, иль вовсе не боится?
 И может снова заявиться.
 – Вернется или нет, кто знает?
 Еды в тайге сейчас хватает.
 – А у избушки наследил,
 Как будто каждый день ходил.
 – Да-а, брат, с такой его повадкой,
 Нам лучше действовать с оглядкой!
 Сложили привезённый жал
 И тот, что в дело бы сгодился!
 /Не все медведь переломал/
 Панкрат угрюмо матерился.
 Посетовав насчет потерь,
 Приладили в избушке дверь,
 На место вставили окошко;
 Прибрали, где могли, немножко.
 Передохнули и к обеду

Пошли с собаками по следу.
 Поднявшись в бор, остановились
 У старой, кряжистой сосны;
 Степенно, трижды поклонились.
 /Все эти действия нужны,
 Чтоб на охоте повезло/
 Вложили в узкое дупло,
 Кусочки мяса и монетки.
 – Чивь-ос, Дух Бора, духи-предки,
 Поминки скромные примите;
 Нас прямо к зверю приведите!
 – Теперь уж, точно – повезет.
 Фьють! Соболь, Пестрячок – вперед!
 Медведь изрядно наследил,
 Поскольку много здесь ходил.
 Да и других следов хватало,
 А это иногда сбивало,
 И Соболя и Пестряка:
 Те отвлеклись на барсука,
 Чей след увел их в бурелом,
 И обходить пришлось кругом.
 Потом медвежий след нашли,
 Но, сделав крюк, опять пришли
 К другим, что на запор ведут.
 Егор озвучил свое мнение:
 – Панкрат, такое впечатление,
 Что мишке словно не дают,
 Уйти в Заречечный урман!
 – Да вижу! Вижу я, братан!

Гляди, как сильно напетлял.
 – Видать, не зря Букар камлал.
 – Не говори, силен же дед!
 О! Собачки взяли свежий след!
 Теперь уж наши мужики
 Пошли тишком. Взвели курки.
 На соснах кое-где встречали
 Глубокие следы когтей –
 Медведи этак отмечались
 На территории своей,
 Царапали как можно выше:
 Вот эти сделал старый миша,
 Ушедший ныне в мир иной,
 А здесь, пониже – молодой.
 Нашли разрытый муравейник.
 И здесь напакостил, бездельник!
 Прокрались переходом сторожко.
 Ага! Его ночная лёжка.
 И здесь чего-то бушевал.
 – Ишь, мелких сосен наломал.
 Гляди, гляди, братишка, в оба:
 Из зверя так и лезет злоба.
 – И из меня, уж, лезет тоже –
 Никак догнать его не можем!
 Болотцем вышли на ручей,
 Тот, что Букар назвал «ничей».
 На глине, около воды,
 Цепочкой – мишкины следы.
 Гляди-ка, судя по следам,

Пошел в Заречечный урман,
Но нет – опять попутал бес:
Свернул налево, в этот лес.
– Всё как-то наперекосяк!
И тут увидели собак:
Трусят к охотникам обратно!
Всё это было непонятно.
Вид у собачек был «не очень»,
Что тоже странно, между прочим.
– Теперь остановились. Ждут.
– Как будто за собой зовут.
Однако, что за ерунда?
А ну-ка, брат, пойдем туда. –
Собаки сразу же взбодрились;
Пошли немножко впереди;
Затем опять остановились.
– Во! Елки-палки!
Погляди!
– Свят! Свят, Егор. Вот это да-а!
Правей медвежьего следа,
Узрели наши мужики,
...Огромный след босой ноги!
– А ничего себе нога:
Почти в мои два сапога.
Не зря собачки растерялись!
Они ж с комполем не встречались.
Да не крестись ты, не крестись.
Посмотрим, раз уж навались.
Давай, задержимся маленько.

Облазив все на четвереньках,
Измерив аккуратно след,
Егор сказал:
– А прав был дед,
Про рост комполя.
Возьми в раскладе, например,
«По росту и ноги размер»,
И получается, поверь,
Почти что трехметровый зверь!
И вес, опять же, по ногам:
Три с лишним сотни килограмм!
И, братик, вот еще «сюрприз»:
Сюда внимательно взглядишь;
Не узнаешь ли тот следок?
– Еще бы! Это наш дедок.
Прошёл здесь, надо понимать,
Вчера, в Шаманский бор, камлать.
– И комполен прошёл вчера.
– И тоже в ночь, а не с утра!
Но через топь тропа одна
Для всех. Ты понял?
– Вот те на!
И как они там не столкнулись?
Тут братья враз переглянулись.
– Егор, я что-то с этих дел
Кажись, немного обалдел!
Туды в качелю! Чур нас, чур!
– Зови собачек. Перекур.
Не чувствуя табачный вкус,

Курили, отгоняя гнус.
Выходит, зряшно мы, братуха,
Не доверяли этим слухам.
– Ты про кого?
– Про Аграфену:
Она ж шептала по углам;
Букар де знался с комполеном!
– Ну! А какое дело нам?
Она на деда затаила,
Вот по злобе и говорила.
Сама не знает ни черта.
• Шаман нам, прочим, не чета!
И никому не делал зла;
Не нам судить его дела.
– Егорша, значит, ты считаешь?..
– Угу, а ты как полагаешь?
– Согласен. Не видали следа
Комполя, и, тем паче, деда!
– Ну что? Готов? Тогда вперёд!
– Пусть Мушка позади идёт.
– Боишься?
– Опасенье есть.
А вдруг да ЭТОТ где-то здесь?
– Букар бы нас не отпустил.
– Но боги, вроде, разрешили?
– Тогда бы дед предупредил,
Чтоб мы сюда не заходили.
– И до чего ж ты головастый!
– Кумека есть. Не буду хвастать.

Однако, ныне – я дурак!
– Ого! За что себя-то так?
– А то, что чешем по тайге,
За мишкой как бы по дуге.
– Я знаю, брат – ты голова,
Но брось-ка умные слова.
– Смотри, что я сообразил, –
Егор, взяв прутик, начертил
Весьма простой и ясный план.
– Ага! Теперь «дошло», братан.
Куда придет «лохматый друг»,
Когда проделает весь круг?
– Куда-куда? Ах, мать честная!
К запору, так я понимаю!
Однако, надо поспешить,
Чтобы медведя упредить.
– Вернуться по своим следам,
Уже, пожалуй, не успеем.
– Через кедровник путь прямее.
Мы выйдем к речке, к «живунам»;
Медведю их не миновать,
Там мы его и будем ждать!
– А ну-ка, пёсики, вперед!
– Гляди, Чернышка не идет.
– Не может умный пес понять:
Зачем «горячий» след бросать.
Где – быстрым шагом, где – бегом,
Спешили к месту напрямиком.
Пока сквозь перех продирались,

Пестряк увел собак вперед,
 – Опять умчался, обормот,
 Но мужики не волновались:
 – У «живунов» нас подождет.
 ...Собаки всё не возвращались.

Шагов за сто до «живунов»
 Собачий лай, медвежий рёв.
 – Егор, а миша-то – пострел:
 Чуть-чуть пораньше нас поспел!
 Бегом под горку, до опушки.

Бой шел на берегу речушки.
 Собаки крепко наседали,
 И мишке спуску не давали:
 Пестряк – хватъ справа и отскочит.
 Едва медведь погнаться хочет –
 Чернышка – сзади за «штаны»,
 А Соболь – с левой стороны.
 И Мушка тут же мельтешит:
 За морду мишку норовит.
 Медведь порядочно устал,
 Но ни на шаг не отступал,
 А злой!!
 Как будто местных бесов,
 Насобирав себе по лесу.
 К тому же, надобно признаться,
 Умел-таки неплохо драться:
 Крутнувшись бешено волчком,

Схватился тут же с Пестряком.
 /И зверь, и псы в пылу баталии
 Охотников не замечали/
 – Егор, пропал, однако, пёс.
 – Ну, это, брат, еще вопрос!
 Черныш /под сорок килограмм/
 С разгона... в мишку, как таран!
 Медведь попятился, и с ходу,
 Все трое полетели в воду.
 А в «живунах» вода как лед.
 Весь пыл бойцовский пропадет!
 С «горячки» – очень неприятно.
 Скорей все на берег – обратно.
 Пестряк изрядно захромал.
 Вот тут и наступил финал:
 Медведь охотников узрел;
 Встал на дыбы и заревел.
 Всего шагах-то в десяти!
 – Ты, старший брат, уж нас прости;
 Не подставляйся на дыбах.
 ...И с двух стволов: Ба-бах!Ба-бах!
 – Однако, хорошо попал.
 – Две пули в сердце – Наповал!
 Ух! Взмок я от такой погони.
 – Повременим-ка подходить.
 /Могучий зверь, пусть и в агонии,
 Способен крепко зашибить./
 Передохнули, посидели,
 Да и собачек осмотрели:

Медведь успел по ходу драки
Всем выдать «памятные знаки»!
— Залижутся, а где подлечим,
Но, слава богу, не убил,
И ни одну не покалечил.
— Пожалуй, будем начинать.
— Сначала подготовим место,
Где будем пупки раздевать.
/Не «обдирать», не «свежевать».
Слова такие неуместны;
Обычай надо соблюдать:
Нельзя медведя оскорблять
Подобным грубым выраженьем,
Высказывать пренебреженьем/.
— Сходи-ка, брат, за котелком;
«Кедровка» здесь — за омутком.
Еловый лапник настелили;
Медведя тщательно обмыли.
Затем, окуривая чагой,
Прошли «по солнцу» пять кругов
Особенным «медвежьим» шагом,
Благодаря больших богов,
За очень щедрую добычу.
Согласно древнему обычаю
— Терпи маленько, старший брат,
Тебя начнем мы «раздевать».
Подробности всей процедуры,
То есть — процесс снятия шкуры
опустим. /Вы меня простите/

Уж слишком он неаппетитен!
Всю шкуру «чисто» не снимают,
/Здесь тоже есть свои этапы/
Нетронутыми оставляют
Медвежьей голову и лапы.
Все это заберут с собой,
когда отправятся домой.
Что вызывает удивленье:
Анатомическое совпадение —
/Порой природу не поймешь/
Медведь без шкуры так похож,
/ТЬфу-тьфу, не дай-то этак, Боже/,
На мужика со снятой кожей!
Егор с Панкратом отдыхали,
Затем, поднявшись на откос,
Срубили жерди и собрали,
В урмане небольшой помост.
Часть мяса на него сложили,
Собакам дали требухи:
— Пируйте, псины, заслужили,
А сами поедем ухи.
Прибрали место.
Погрузились:
— Не будем времени терять.
По речке к озеру спустились,
И по пути договорились
На старом месте ночевать.
Пока спускались вниз помалу,
Панкрат, согласно ритуалу,

Пел песнь — хвалу лесному богу,
 /Он у охотников в чести/
 С хантыйского перевести:
 Как «зверя приносящую дорогу».
 Где речка выбегает в сор,
 Панкрат остановил «кедровку»:
 — Давай-ка к берегу, Егор;
 Здесь надо сделать остановку.
 Сходили к кедру на поклон,
 Поскольку, с давешних времен,
 /С каких, о том никто не знал,
 Не исключая и шамана/
 Священный кедр воплощал
 Дух Приозёрного урмана.
 И если к кедру не сходить,
 Дух может шибко навредить!

Поплыли озером. Как раз —
 Погода словно на заказ:
 К закату ветры улеглись;
 Вода разгладилась устало,
 И безупречно отражала,
 Безоблачного неба высь,
 Зеркальность водного простора
 Закат в рубин оборотил,
 И дивный камень заключил
 В оправу золотого бора.
 — Эх, брат. Смотри, какая гладь!
 Егор, не отрываясь, бросил:

— Да-а! Неудобно плеском весел,
 Таковую благодать нарушать.
 Приплыли к месту для ночевки,
 Но спали тут же — у «кедровки»!
 Час-полтора, попеременно:
 /Повсюду бродят злые менки,
 А эти подлые воришки
 Похитить могут душу мишки/
 И нужно изредка стрелять,
 Чтоб их подальше отгонять.
 Три дня обратно к дому плыли.
 Поскольку, как бы ни спешили,
 А местных духов надо чтить:
 Пристать, да на поклон сходить.
 К тому же, ты — не пароход.
 /Попробуйте, для развлечения/
 Полдня грести против течения/
 Тот, кто попробует — поймет.
 И вот — последний поворот.
 — Егор, предупреди народ.
 Обычай тот довольно древний:
 Охотник, подходя к деревне,
 Обязан громко прокричать:
 — Эй, люди! Выходи встречать.
 Гость ныне важный из тайги;
 Кисы обуйте, сапоги.
 /По правилам, довольно строгим,
 Нельзя к медведю босоногим/.
 Порядки малость изменились,

С тех пор, как ружья появились.
 Разумно: стоит ли кричать,
 Когда как проще – пострелять.
 Пять выстрелов – везут Его.
 Четыре, значит – медведица.
 Считайте, только-то всего.
 Довольно трудно ошибиться;
 И вся деревня будет знать,
 Кого положено встречать.
 Егор пальнул пять раз подряд.
 – Ага. Теперь порядок, брат.
 – Гляди, а нас уже встречают.
 – Букар, Мокей, я примечаю.
 – На то они и старики.
 – А вон подходят мужики,
 Все с ружьями, и все палят!
 Однако, канонада, брат!
 /Стрельбой встречают не везде.
 И нужно ли, на самом деле?
 Но, впрочем, ханты на Конде,
 Изрядно-таки обрусели.
 Обычай этот – казаков.
 Потом дошёл до остяков/
 Степенно к берегу причалась,
 Со стариками поручкались,
 А уж кругом – толпа народу:
 Веселье, толкотня, галдёж!

/Сухим отсюда не уйдешь!/
 В «кедровке» – ребятишки, бабы
 Целуют мишке нос и лапы.
 Букар и старики следили,
 Чтоб все к медведю подходили.
 Потом, законным чередом,
 Препроводили «гостя» в дом.
 Панкрат – добытчик, стало быть,
 Медведю у него «гостить».
 Вносили, так заведено,
 Не в двери, а через окно.
 Хозяин, сам мужик степенный,
 И дом солидный – пятистенный,
 с большою горницей. /Годится,
 чтоб всем на празднике вместиться/
 Букар «командовал парадом»:
 – Установить медведя надо.
 Стол – в угол; на краю стола,
 Меж лап – медвежья голова;
 И аккуратненько сейчас,
 Кладем рубли вместо глаз.
 Рубли блестят, и будет вид,
 Как будто бы медведь глядит.
 Да хорошенько закрепите,
 А шкуру позади сверните,
 Туда же – прочее сложить,
 И надо чем-нибудь прикрыть.
 Теперь – две досочки, углом,
 /Подобие двускатной крыши/

Ну вот! Устроили ладом:
Берлога, значит, будет мише!
Когда Его установили,
И старики, и мужики,
По очереди подходили,
/Обычай надо соблюсти/
И «гостя» важного просили,
Медвежьи пляски провести.
Согласье, как бы, получили.
Медвежью голову закрыли
  платком,
Поскольку, «гость» с дороги,
И должен отдохнуть немного.
Чтоб «гостя» отдых не нарушить,
Все вышли из избы наружу,
Кто не был занят – закурили,
Неторопливо говорили.
Часть – поспешила по домам
К неожиданно прерванным делам.
А незадолго до заката,
Народ собрался в дом Панкрата –
Пожалуй, все, кто мог ходить.
Иначе не могло и быть:
Нельзя же «гостя» обижать,
На дом несчастья навлекать.
Расположились возле стенок,
Оставив в центре как бы сцену.
Перед медвежьей головой –
Стоят тарелочки едой.

Шаман Букар, без промедленья,
Спел песню – «Пуппи пробужденья».
Как только наш певец умолк,
Панкрат с медведя снял платок.
Манипуляция ясна:
«гость» пробудился ото сна.
Проснулся, растопил чужал;
Пожарче угли шуровал.
/Условно как бы совершает,
Но всё отлично понимают/
Теперь – умыться, причесаться.
Нельзя же людям показаться
нечесанным и неумытым.
Панкрат медведя расчесал,
Чуть-чуть побрызгал из корыта.
Весь приведенный ритуал
Хозяин строго соблюдал,
И неуклонно проводил
Пять дней, пока медведь «гостил».
Присутствующие встают
И поздороваться идут.
Целуют «гостю» лапы, нос
и каждый задает вопрос:
Как отдохнул, любезный гость?
Да сладко ли ему спалось?
Мокей воскликнул:
– Ныне, братцы,
Наш «гость» желает развлекаться!
Букар добавил:

– Ну, робята,
Кто сможет одолеть Панкрата?
/Панкрата трудно одолеть,
Он сам – здоровый как медведь/
Пошла потеха: страсти, шум;
– Давай ему подножку, кум!
– Слабак он супротив Панкратки;
Вот так-то: хлоп и на лопатки!
По очереди всех кладёт:
/Положено – наоборот/...
Так может долго продолжаться.
Однако же, пора сдаваться.
Егор Панкрата поборол.
– Егорша, ты у нас – орел!
Веселье, шутки продолжались;
Тут, кто во что горазд, старались:
– Немытый что-то ты, Никита,
.. И окатили из корыта!
Тот мокрый с головы до ног.
– Попал под дождик, своячок?
– А может, сети проверял,
Да и из лодочки упал?
Нельзя на шутки обижаться;
Бежишь домой – переодеваться.
Однако, следует учесть,
Что тут свои запреты есть.
Подобный «фокус» неуместен,
По рангу, с тещей или тестем;
Со свекром или со свекровью.

/Пусть даже не «горят любовью»/
Все – в рамках правил и приличий.
Весьма полезительный обычай!
В разгар веселья, громкий стук:
– Входи, входи; Открыто, друг! –
Вошедшего не враз узнают –
Лицо-то маска прикрывает
из бересты... Одет в халат,
Длиной почти до самых пят.
А если кто-то и узнал,
Молчи – не порти ритуал!
За гостем входит музыкант,
Конечно, всем известный хант.
Теперь понятно, наконец:
Под маской, стало быть, певец –
Знаток священных песен-мифов.
– Эге! Да это же Никифор.
Букар вступает в диалог:
Издалека ли, гостенек?
– Да вот, услышать довелось,
Что у Панкрата ныне «гость».
Собрался я; пошел мал-мал.
Не знаю, в тот ли дом попал?
Попал ты в дом, где «гость» сидит.
Вон видишь – на тебя глядит,
Ждет: может, песню пропоешь,
И этим гостя развлечёшь.
– Ну, если требует медведь,
могу одну, пожалуй, спеть.

Певец садится. Начинает.
 Народ с почтением внимает.
 Звучит священный, древний миф.
 Размеренный речитатив,
 Похож на тихий шум тайги,
 На вековечный плеск реки;
 Волнообразно нарастает,
 Усиливается, ослабевает.
 Река времен, река веков,
 Качает плавно остяков,
 Неся к туманным берегам
 Истоков мира и к богам.
 В день первый – миф один из главных,
 О временах безмерно давних.
 «Печалился великий Торум:
 Промеж людей раздоры, споры.
 И нет у них ни в чем согласия,
 Лишь ссоры, драки да несчастья.
 И вот, один из сыновей
 Спустился в Средний мир людей,
 С наказом – чтить заветы свято,
 И быть для хантов старшим братом.
 Да за порядком приглядеть.
 То был сын Торума – медведь.
 Предупрежден был мишка богом,
 Что если злое совершит,
 Отец его накажет строго:
 Тотчас бессмертия лишит.
 Забыл медведь отца наказы!

И начал «младших» обижать,
 Творя бесчинства и проказы.
 Явилась пред медведем мать –
 Калташ, и пуппи прокляла
 За непотребные дела.
 Однако, он ее не слушал,
 Н опозорил свою душу.
 Охотники его убили,
 И тем бессмертия лишили.
 /Весьма примерный перевод,
 Никифор это час поёт!/
 Ведёт же аккомпанемент
 Девятиструнный инструмент,
 /Аналоги известны в мире./
 Подобен арфе, частью – лире.
 Похожие знавала Русь.
 У ханты – «лебедь» или «гусь».
 Тут, впрочем, кто и как привык.
 У манси, например – «торыг»:
 Журавль.
 /Форма эксклюзивна,
 Но с «гусем» сходна конструктивно/.
 Никифор песню завершает,
 И, сев в сторонку, отдыхает.
 Его сменяют три певца,
 Поющих мифы-поученья.
 Все песни, как бы от лица
 медведя-гостя:
 Наставленья,

Как должен хант себя вести,
 В местах священных, и так далее.
 Что следует произнести,
 Какие жертвы принести,
 Чтоб духи в деле помогали.
 Три первых мифа – обязательны;
 Их слушают весьма внимательно.
 Понятна ценность наставлений;
 В них собран опыт поколений.
 Приходит время женских танцев.
 – А ну-ка, бабы и девицы,
 Пора пред гостем отличиться.
 Станцуйте, «гостя» развлеките.
 Свое искусство покажите.
 Кто-кто, а бабы только рады,
 Продемонстрировать наряды!
 К тому же, испокон веков,
 Танцуют лучше мужиков.
 Не знаю, как уж там медведь,
 А мужикам, порой, полезно,
 На женушек своих любезных
 Чуть-чуть иначе посмотреть.
 Какая пластика движений,
 И гордый взгляд, и поворот.
 Муж горд, и шепчет в восхищенье:
 – Моя-то лебедем плывет!
 Движенья в танцах лаконичны,
 И все читаются отлично:
 Прядет, узоры вышивает,

Теперь – бруснику собирает.
 Как жаль, что в рамках ритуала
 Для женщин места слишком мало!
 Все маски, сценки, пантомимы
 Играют, в основном, мужчины:
 Стук в дверь. Затем, через порог,
 Вступает в дом Урманый бог
 В халате ритуальном, в маске,
 /Актёры не жалели краски.
 Похож ли, нет, на самом деле;
 Размалевали, как умели.
 / То – Дух Домашнего урмана.
 Садится около шамана;
 Ведет неспешный разговор:
 – Как сберегают люди бор?
 И чтут ли духов родовых,
 И уважают ли чужих?
 Затем, Урманый бог встает
 Перед медведем и поет,
 Свою, особенную песню.
 Отчасти, тоже наставленье,
 Диктуя нормы поведения
 В урмани, на священном месте.
 Стук. Персонаж заходит новый:
 Дух, скажем, речки Промысловой.
 Возможен тот же диалог,
 Затем, поет пришедший бог,
 Как добирался до селенья,
 И обязательно дает

Подробное перечисление
 Угодий, речек и болот ...
 А тут и новый гость опять.
 /За вечер – три, возможно – пять/
 Но это, впрочем, как когда.
 Нечётное число всегда.
 Когда последний гость споет,
 Приходит время попрощаться.
 Ведь духи – занятой народ;
 Им нужно к делу возвращаться.
 И прежде, чем покинуть дом,
 Они танцуют все втроем
 /или впятером/
 Особый танец «для удачи»,
 /Чтоб всем хватило, не иначе?!/.
 Настало время «нях арат»:
 Своеобразный маскарад.
 Все выступления – строго в маске.
 Здесь игры, сценки, песни, сказки.
 Иные – и весьма фриловны,
 Но все смеются, все довольны.
 Простор для творчества. Бывает,
 Актеры в сценки вовлекают
 И зрителей; в массовки, в сказки,
 Эх, жаль, не видел Станиславский!
 Пусть не хватает мастерства,
 Но сколько страсти, естества!
 Источник же всегда – натура.
 Отсюда и идет культура.

/Чем жив театр до сих пор?
 Подпитку-то дает фольклор/
 Антигерои этих сцен,
 Пороки: жадность, трусость, лень.
 С весьма завидным постоянством,
 Высмеивается и пьянство.
 А пьют по-страшному. Бывает,
 Пух из подушек пропивают!
 «Идет, качаясь мужичок;
 Заместо носа – пятачок.
 – Хрю-хрю. Не выдержали ноги,
 И спать улегся на дороге!
 Конечно, зрителям смешно:
 – Свалился, паря, как бревно!
 Бежит кудлатый кобелишка.
 – Ой, что-то будет, ребятишки!
 Понюхал, лапochку задрал.
 ...Отметил. Дальше побежал.
 – Тяв-тяв, а тут другой случился.
 – Гляди-ка, тоже помочился!
 Еще один. Ну, и так дале,
 Пока всего не обо... ли!
 Особо наглый кобелек
 Напрыскал прямо в пятачок.
 Мужик встает; глядит на небо:
 – Пошто я мокрый? Дождик не был.
 Ах, ты! За кобелем бежит,
 Весь дом от хохота дрожит!
 И пусть, давно произошло,

Народ-то помнит все равно.
Момент великого позора,
Для Ваньки, Васьки иль Егора.
/Егор другой – не наш герой/
Для прочих алкашей – урок.
Народ – великий педагог!

На улице уже темно,
Но праздник длится все равно.
В ходу светильнички, лучинки,
А то и лампы-керосинки.
Всем должно станцевать иль спеть,
Чтоб не обиделся медведь.
Талантливый народ, признаться:
Здесь множество импровизаций;
Кому что в голову придет,
О том танцует и поет.
Шаман за действием наблюдает,
И на брусочке отмечает
зарубками все номера.
Прикинул время и решает:
– Пожалуй, отдохнуть пора;
«Гость» ныне всех благодарит,
А завтра приходит велит.
Певцы негромко исполняют,
Старинный миф «Кьингем – Ингем».
День первый этим завершают;
Платком медведя закрывают,
И можно расходиться всем.

Еду с «медвежьего стола»,
Хозяйка детям раздала:
– Вам угощение от мишки;
Берите, кушайте, детишки.
/Считается для них полезней,
От порч и всяческих болезней.
Посоветовавшись, старики,
Вверх по течению реки
Отправили пяток парней –
в дозор. Так будет поверней;
А вдруг – начальство приплывёт?
– Тогда беды не миновать –
Изгадят праздник, как пить дать!
/Но, забежав слегка вперёд,
Скажу – никто не приплывёт/
И праздник длился без помех:
– То шутки, розыгрыши, смех,
– То строгость, в рамках ритуала.
Как в жизни – здесь всего хватало.
С утра с хозяйством управлялись;
После обеда собирались,
К Панкрату Бродину гурьбой.
Все нужное несли с собой:
Халаты, маски, угощенье,
Медведю-«гостю» подношенья.
Структура четко соблюдалась,
Но содержание менялось:
Другие мифы, танцы, песни,
И с каждым днем все интересней.

С чего начался день второй?
С того, что должен наш герой
– охотник /есть обыкновенье/
Спеть пуппи песню-извиненье,
/Хотя ни в чем не виноват/
Вот как хитро пропел Панкрат:
– Прости, коль можешь, старший брат.
Конечно, я ружьё держал,
Но я ли из него стрелял?
Ружьё – оно само стреляло,
И брата-мишу убивало!
Егор – примерно та же тема,
Однако, у него проблема:
«Медведь на ухо наступил»,
Конечно, слушать неприятно.
Егор был убежден в обратном,
И добросовестно вопил:
– ...Могучий миша, «старший брат»,
Как мог тебя я убивать?
У ханта только лук и стрелы;
Ружье на мишу русский делал!
Панкрат рассерженно шептал:
– Уж ты бы, лучше, станцевал.
Просись в помощники шаману,
Гонять злых менков по урману!
Егор ответил: – Вот иишо!
Завидовать – нехорошо.
Притом, ни голоса, ни слуха.
– Ох, и упрям же ты, братуха!

Всегда на празднике медведя,
Есть танцы и родов-соседей.
Вороны, зайца иль лисицы,
Оленя, например, куницы.
Без разницы, в любом порядке.
Изображаются повадки,
Серьезно или же смешно,
/А посмеяться не грешно/
Утрируются все движения.
Здесь хохот – до изнеможенья!
Любой театр непременно,
Играет то, что современно,
Поскольку жизнь отображает,
Однако, в нем всегда бывает,
/Ведь, жанр-то довольно стар/
Классический репертуар:
Тетеревиный ток. Весна.
Картина зрителям ясна.
Вышагивают важно птицы.
/Стараются размалевать,
Да расфуфырить – не узнать!/
–Эй, выходи со мной сразиться!
Участие здесь принимает,
Любой, кто только пожелает.
Наскакивают друг на друга,
Стараясь вытолкнуть из круга.
Тот, кто остался – победитель.
Порой, не тетерев, а зритель!
Вот появился странный гость:

Танцует шестиногий лось.
 Под шкурою – три мужика;
 В руках переднего – рога.
 Народ со смехом разбегается,
 А лось бежит, ревет, брыкается;
 Пугает зрителей рогами,
 И, вдруг... запутался ногами,
 Бряк на пол – шкура-то узка.
 Где чья нога, и чья рука?
 Но мифы – основной этап.
 Здесь очередность соблюдают.
 Певцам обычно помогают,
 Игрой то гусь, то – сангквылтап.
 В начале – мифы духов местных,
 Затем и более известных,
 Как сотворились мир, природа.
 В них – вся история народа.
 Весьма занятно, скажем, слушать
 О том, как Торум создал сушу:
 «Был залит мир большой водой.
 Как справиться с такой бедой?
 Бог повелел гагаре-птице,
 На дно морское опуститься,
 И в клюве принести земли,
 Чтоб люди жить на ней могли».
 Вот так. Танцуют и поют,
 И, вместе с тем, воссоздают,
 Последовательно и логично,
 /Пусть сказочно, мифологично/

в течение праздника-гулянья,
 Свою картину мироздания,
 Где всяк поступок и явление,
 Имеют смысл и объяснение.
 Такие праздники медвежьи
 У манси и у остяков
 Бывали регулярно прежде,
 На протяжении веков.
 /До шабаша большевиков/
 Примерно, один раз в семь лет,
 Как очень важный элемент,
 Культуры древнего народа,
 Где во главе всего – природа.

Приходит день последний, пятый.
 Народ собрался у Панкрата,
 Не как обычно, а с утра.
 Ведь праздник завершать пора.
 На окончанье торжества,
 Придут большие божества,
 Но это чуть позднее будет.
 Пока же все смеются, шутят;
 Медведя-«гостя» веселят,
 Кто как умеет, стар и млад.
 Играется большая сценка:
 /В нее стремятся все попасть/
 Пришли незваными три менка,
 Чтоб душу мишину украсть.
 – Хватай их, братцы! Елки-палки –

Пошли такие «догонялки»!
 Толкучка, хохот, пыль столбом:
 — Егор, хватай! Ох-х! В стенку лбом!
 / Злых менков все же прогоняют,
 К медведю их не пропускают./
 Но вот рокошет бубен грозно.
 Сигнал.
 И дальше все серьезно —
 Шаманское предупреждение,
 Особенно для мужиков,
 Чтоб воздержались от смешков,
 И неприличных выражений.
 Пришел черед богов великих,
 Священный танец танцевать.
 Танцует первым Ем вош ики,
 За ним — Хань ики и Вэйт ики,
 и самый младший — Ас тый ики,
 последней — Калтащ-ангки-мать.
 Однако, допустить логично —
 Число их может быть различно,
 /Покажется не слишком точным/
 Казымским ханты и восточным/
 Но это сути не меняет —
 Все боги танцы исполняют.
 Танцует страшненький Хань ики,
 /Порой — испуганные вскрики,
 Кого случайно задевает/
 Он зрителям напоминает:
 — Вы все — лишь гости на Земле.

Придете все равно ко мне!
 Кружится чайка-бог Вэйт ики,
 То — образ всех стихий владыки.
 Ем вош ики закосолапил,
 Он дух медведя воплощает.
 К Панкрату подошел, облапил —
 Так он охотника прощает.
 Последний танец: — Калтащ ангки,
 Выходит несколько за рамки
 Предписанного ритуала,
 Но, впрочем, так всегда бывало.
 Рассматривается в значении:
 «Нет правила без исключения».
 Обычай освящен веками:
 Калтащ танцует под платками.
 /Не возражают мужики;
 Уступка женской половине/
 Снимают женщины платки,
 Набрасывают на богиню.
 И чей платок не соскользнет,
 Пока богиня дотанцует,
 Ту женщину удача ждет;
 В делах семейных счастье будет.
 Спел, станцевал последний бог.
 Артисты сцену покидают.
 Медвежий праздник завершает,
 По ритуалу, танец «Торх»:
 Вернулась самка журавля
 весной в родимые края,

Танцует, веселится птица,
 Свила гнездо,
 И полетела подкормиться.
 В гнезде остались три яичка.
 Вдруг появляется лисичка;
 Крадёт яички из гнезда,
 вернулась птица: ой, беда!
 Кто учинил такое дело?
 Разгневалась и полетела.
 Увидела «медвежий дом»;
 Не он ли разорил гнездо?
 Совсем обезумев, напала!
 Все, что смогла – развоевала;
 Дощечки – крышу раскидала –
 Пусть будет и тебе беда!
 И улетела навсегда.
 Что натворила журавлиха?
 В избе печально. Тихо-тихо!
 Молчат свидетели разгрома.
 Остался «гость»-медведь без дома!
 Букар встает:
 – Шен тоты нгеты!
 /Все мифы главные пропеты./
 И остается, стало быть,
 Достойно «гостя» проводить,
 в его просторные урманы.
 И пусть душа его уйдёт,
 Тропой средь речек и болот,
 За земляничные поляны,

Где снова тело обретёт.
 Присутствующие встают,
 В два ряда, от угла до двери,
 И, взявшись за руки, поют,
 «Песнь, провожающую зверя».
 В живой поющий коридор
 Вошли шаман, Панкрат, Егор
 И за собой выводят душу
 медведя,
 Из избы наружу:
 – Прощай, однако, старший брат!

 Урман позолотил закат;
 Легла вечерняя прохлада.
 – Ну что ж. Все сделали как надо –
 Устало произнес Панкрат.
 Букар с Егором закивали:
 – Ладом всем «миром» погуляли!
 Двор опустел.
 Ушел народ.
 У всех хватает дел-хлопот,
 Как было испокон веков,
 В стране кондинских остяков.
 Остались наши три героя.
 Сидят вечернею порою;
 Глядят, прищурясь, на закат
 Степенно трубками дымят.
 Панкрат внезапно рассмеялся:
 – Букар, а я ведь догадался!

- О чем ты?
- Помнишь свой рассказ:
Про пса, про немца?
- Вот те раз!
- Ты остяка упоминал,
А имя так и назвал!
- Дед покраснел и заявил:
- Дак, я по старости забыл.
- Вы про кого? – спросил Егор.
- Э-э! Так. Пустяшный разговор.

05.2004 г. – 06.2006 г.

ЭПИЛОГ

О будущем моих героев –
Не без тревоги сам, порою,
Вопросом этим задаюсь.
Непредсказуемая Русь!
Я, лишь, могу предположить,
Как в жизни все могло бы быть.
Букар ушёл в двадцать восьмом;
скончался тихо, в одночасье.
И, может, в этом его счастье,
Оплакали дедка селом.
Панкрат был вскоре раскулачен,
/Начальству приглянулся дом/
Нажил мужик своим трудом;
В бунтовщиках не обозначен.
Был не виновен, тем не менее,
Да разве дело в нем самом!

/В ночь, накануне Дня рожденья,
По роковому совпаденью/
Расстрелян был в тридцать седьмом,
Зимой, под городом Тюменью.
Чуть позже брат его –
Егор, попал под сталинский террор,
Мотало парня, почему зря:
Побег, этапы, лагерь!
В конце концов, как результат,
Судьба забросила в штрафбат.
Бои, раненья, орден Славы,
Погиб в предместьях Варшавы.
Немало лет уже прошло.
Давно заброшено село,
На берегу Конды-реки,
Где жили наши мужики,
Потомки, как я полагаю,
Живут в Кондинском и в Урае;
Живут они в поселках старых:
Шаиме, Леушах, Болчарах.
Отхлынул вал времен жестоких,
и обнажаются истоки.
Югра моя, как и страна,
В грядущее устремлена.
Над вековым ее простором
Летит незримо птица – Торум.
И я уверен, без сомненья:
Грядет эпоха Возрожденья!

2-3.08. 2006г.

КРАСНЫЕ + БЕЛЫЕ

Нам не жмут сапоги
И погоны не давят на плечи,
И Отчизне одной
Присягали единственный раз.
Мы теперь не враги –
Время всё побеждает и лечит,
И России родной
Ничего нет роднее для нас.

Кто теперь разберёт,
Кто из нас господин, кто товарищ,
Все мы крови одной
И один горький вкус женских слёз,
И пока не умрёт
Пепел тех бесконечных пожарищ
С бесконечной войной
Никогда не покончить всерьёз.

Перестаньте делить
Офицеров на «белых» и «красных».
Офицер – это суть,
Офицер – это совесть страны.
Лучше молча налить –
Смерть в бою не бывает напрасной –
И добром помянуть
Всех, кто не возвратился с войны.

18.09.2001 г.

ЮРОДИВЫЙ

С. Кобицкому

Однажды за столом один приятель
Сказал мне – ты «юродивый» у нас...
Теперь эпитет этот неприятен,
И смысл его совсем другой сейчас.

Когда-то на святой Руси считалось,
Что их коснулась Божья благодать,
Гремя цепями, в рубище скитались,
Живя лишь тем, что смогут им подать.

Жалели люди их, босых и грязных,
Не брезговали кров и пищу дать.
И в их речах, безумных и бессвязных,
Пытались Божью волю угадать.

Была в их жизни Высшая Свобода
От Страсти, от Корысти, от Труда.
И звали их «блаженными» в народе,
Блаженны «духом нищие» всегда.

Не ведали ни страха и ни боли,
Боялись и попы их, и цари.
Они одни могли себе позволить
Такую роскошь – Правду говорить.

И я бы мог гордиться этим званием,
Но недостойн. И гордыня – грех.
«Юродивый» – не кличка, а призванье
И награждает им Господь не всех.

2001 г., май

СЕКТАНТ

Валере А.

«Кто ищет истинного Бога,
Тот в Боге Истину найдёт.
Господь Единственной дорогой
Его к Спасенью приведёт...»

Ищи же, брат мой, да обрящешь
Свой Крест средь Избранных неси,
Спасенья в Вере настоящей
Смирненно Господа проси.

Прости, я грешен. Не спасенья,
А утешенья жажду я,
Меня пугает Воскресенье
И Бесконечность Бытия.

Я не хочу в число Избранных,
Молю лишь – помоги мне, Бог,
Чтоб путь земной, Тобой данный,
Я весь пройти достойно смог.

Земное счастье мне дороже,
Чем жизнь загробная в веках.
Молю лишь – помоги мне, Боже,
В сердцах остаться. И в стихах...

САТЫГА

Чейметову Игорю

В веках столицу князя Сатыгина,
Мансийского владетеля Конды.
Оберегали кедры – исполины
И батюшка-Туман, «тумэн воды».

Кормил Корсава-остров всех черникой
И всякой рыбой полон был Туман.
И гордый Кедр – царь тайги великой
Кормил и защищал родной урман.

Казалось – даже время здесь застыло
И этот мир – на долгие века.
Но злая зависть чей-то глаз застила,
И пал пустила чёрная рука.

И умирали кедры гордо, стоя,
Приняв со злым огнём неравный бой.
Ветвями защищали всё живое,
Прикрыв родную Сатыгу собой.

Их чёрные обугленные руки
И после смерти – словно оберег.
Как мощи тех, кто принял смерть и муки
За Истину и Веру на костре.

И нету сил рыдать над горем этим,
Глаза сухи, как их сухи стволы.
Лишь плачут их невыжженные дети
Янтарными слезинками смолы.
Мне этот плач кедровый больно слушать,
И колет совесть пиками хвои.
Мне слышится: «Спасите наши души –
Быть может, тем спасёте вы свои».

Давайте вновь кедровый лес посадим,
Чтоб детям нашим кедров нарастить,
Чужую и свою вину загладим,
Попросим, если можно, нас простить.

Одумайтесь, скорей покайтесь, люди!
Настало «время камни собирать».
Пусть это нашим искупленьем будет.
Пора просить прощения. Пора.

* * *

Нам в свой черёд придётся умереть,
Но, мыслью календарь вперёд листая,
Я через век хотел бы посмотреть,
Как возродится Сатыга святая.

* * *

Никогда не жалейте денег
На бокал дорогого вина
Для души. Куда её денешь?
Ведь душа, как и жизнь, одна.

Никогда не жалейте ласки
Ни для мужа, ни для жены.
Слову – голоса, кисти – краски,
Звука полного для струны.

Никогда не жалейте воли
Дать – своим или не своим.
А жалейте стыда и боли
И позора жалейте им.

Никогда не жалейте денег
На бокал дорогого вина.
Жизнь и душу уже не сменишь.
Жизнь одна. И душа одна.

1993 г.

* * *

Не обольщайтесь красотой,
Шипы имеют даже розы.
А полевой цветок простой
Согреет сердце и в морозы.

* * *

Цвели сады. И выпал снег.
Такое иногда бывает
Когда природа о весне
На время словно забывает.

На нежной молодой листве
Смотрелся он немного странно,
Как седина на голове
У молодого «донжуана».

Он был прекрасен, свеж и чист,
И до поры скрывал угрозу.
Фатою кутал цвет и лист,
Но жёг дыханием морозным.

Обжёг — и стоял. Был — и нет.
И солнце светит над садами,
Но этот яблоневый цвет
Не станет осенью плодами.

«М.Ч.Л.»

Вокруг — мафиозные кланы:
Начальство, жульё и менты,
У них безразмерны карманы,
У них ненасытные рты.

Сильны они волчьёю хваткой,
Порукой сильны круговой
И тянутся лапы украдкой
В мой тощий карман трудовой.

Не быть из-за них мне богатым,
Хоть полон и сил, и идей...
...Пора создавать нам, ребята,
Клан «Мафии Честных Людей».

13.05.2001

РАЗМЫШЛЕНИЯ. ПАСХА

Не разложить по полкам
То, что выпадет людям.
Больно режут осколки
Переломанных судеб.

Кто-то тянется к свету
Как трава из бетона —
Кто-то жизнь, как конфету,
Получает с пелёнок.

Кто-то рыбою бьётся
В льдину жизни разбитой –
Кто-то сыто плюётся
У большого корыта.

Это видит не каждый,
Не поймёт, кто не плакал.
Кто не был, хоть однажды
Беспризорной собакой.

Только Вера с Надеждой
Все равно остаётся.
И Любовь, как и прежде,
Тёплой искоркой бьётся.

Потому, что есть кто-то,
Кто тебя понимает.
И чужую заботу
На себя принимает.

Кто не просит награды,
А возьмёт – и поможет,
Потому что так надо,
Быть иначе не может!

***

Не было печали –
Ягоду мы брали,
рыбу добывали,
жили подобру.
Не было печали –
Техники нагнали,
нефть искать начали
на Сухом бору.

Не было заботы –
Лес, грибы, охота,
речки да болота,
ель, сосна да кедр.
Не было заботы –
Шибко умный кто-то
развернул работы
по освоенью недр.

Не было печали –
Деньги получали,
ордена-медали,
славу и почёт.
Не было заботы –
Лес стал реже что-то,
клюквы нет в болоте,
рыба не клюёт.

* * *

Какие, к чёрту, могут быть слова,
 Когда живёшь, как сорная трава,
 Когда душою до костей продрог,
 Когда покинул эту землю Бог,
 Когда не отпускаются грехи,
 Когда не сочиняются стихи,
 Когда болит с похмелья голова,
 Какие, к чёрту, могут быть слова?
 Какие, к чёрту, могут ноты быть,
 Когда «порнухой» учат, как любить,
 Когда кто хочет – лезет в мой карман,
 Когда в престиже ремесло «путан»,
 Когда на паперть вышли старики,
 Когда вверху – ворьё и дураки,
 Когда спокойней – плюнуть и забыть,
 Какие, к чёрту, могут ноты быть?

Какие, к чёрту, можно песни петь,
 Когда от жизни хочется хрипеть,
 Когда вздохнуть свободно не дают,
 Когда вокруг – то колотся, то пьют,
 Когда вокруг – то ненависть, то страх,
 Когда как в джунглях стало в городах,
 Когда спешат схватить, урвать, успеть,
 Какие, к чёрту, можно песни петь?

Плевать. Хочу самим собою быть,
 Пусть дорого приходится платить.

Открою душу, грешную мою,
 Себе пишу – друзьям моим пою!

Какие, к чёрту, могут быть слова...
 Какие, к чёрту, могут ноты быть...
 Какие, к чёрту, можно песни петь...
 – А просто надо, братцы, жизнь любить!

* * *

Господа Офицеры
 Шли на бой, как к барьеру,
 За Отечество, Веру
 И Царя, помолясь.
 Господа Комиссары
 Мир разрушили старый,
 И вселенским пожаром
 Запылала земля.

Господа Офицеры
 Шли на танк с револьвером
 За бездумную веру
 В комиссаров-вождей.
 Господа Комиссары
 На блиндаж и казарму,
 На барак и на нары
 Обрекали людей.

Господа Офицеры
 Шли на шахты и фермы

С чистой совестью веря
В светлый Рай на Земле.
Господа Комиссары
Сами стали как бары,
Всех загнали в казармы,
Сами сели в Кремле.

Господа Офицеры
Честью скованы верно,
Как рабы на галеры,
Шли на бой и в тюрьму.
Отдавали без меры
Господа Офицеры
Жизнь, здоровье и нервы,
Только честь — никому.

Господа Комиссары,
Вместо рынка — базары,
Вся Россия — товаром,
Всё, что есть — продают,
Всем торгуют с наваром
Господа Комиссары,
Только совесть задаром
Хоть кому отдают.

Господа Депутаты —
Вместо сердца — мандаты.
Господа Демократы —
Вместо дела — бардак.

Господа Комиссары —
Вы рабы, а не бары.
Не рабы Офицеры —
С нами Бог, господа!

* * *

Прости, Господь, что мы Тебя в себе
Надолго и беспутно потеряли.
Что предали любовь свою к Тебе
И души наши Дьяволу вверяли.

Прости, что возомнили о себе,
Что Заповеди выдуманы нами,
Что можно изменить своей судьбе,
Идя не за Тобой, а за лгунами.

Мы на Земле решили строить Рай
И Царствие Небесное проклинали.
И шли за ложь бездумно умирать,
И демонов богами объявляли.

Прости, что мы в греховной суете
Твоих пророков слушали в пол-уха
И, распиная Сына на кресте,
Отца забыли и Святого Духа.

ГРАНЬ

Меж Безумием и Гением –
Грань тонка.
Не спеши бросать камня
В дурака.
Нет Пророка во Отечестве.
(Умных – тьма)
Может, есть они, но лечатся
В дурдомах.
Мы глухие, толстокожие –
Не пробить.
А средь них Посланцы Божии,
Может быть.
Просто мы ключа к понятию
Не найдём.
Сразу тащим на распятие
И в дурдом.
Не спеши бросать камня
В дурака –
Меж Безумием и Гением
Грань тонка.

БРУСНИЧНЫЙ СОК № 1

Люблю я лес, когда берут бруснику,
Когда не льнёт рубаха от жары,
Когда листва ажурная поникла,
И не лютуют больше комары.

Прозрачный воздух на хвое настоян,
В лесу, как в храме, чинно и светло,
И дышит всё божественным покоем,
И кажется молитвою без слов.

Алтарь лесной из ягодника соткан,
Расписан свод сосновою хвоей,
И причащают здесь брусничным соком
И мысль светлеет, и душа поёт.

И бью поклоны я лесному богу,
Брусничке каждой в ноги поклонясь.
Здесь мой Собор, Мечеть и Синагога,
Мой рай земной и Родина моя.

16-28.07.2001.

* * *

Не прожить без грехов нам на грешной земле,
Не пишите стихов на замёрзшем стекле,
Станут строчки стихов ручейками воды.
Не ищите следов от упавшей звезды,
Счастья вечного нет, как и вечной беды.

Мы своё отживём, отпоём, и уйдём
В эту вечную землю целебным дождём,
И поможем ей снова зачать и родить,
И другие придут, после нас чтобы жить,
И рожать, и любить, и счастливыми быть.

Наши вечные души Господь сохранит,
Ледяные узоры прочней чем гранит.
Если любят и верят — беда не беда,
И запомнит стихи ледяная вода,
И сгорая, осветит дорогу звезда.

Если любят и верят – беда не беда...
Если любят и помнят – мы будем всегда...
И стихи, как и мы не уйдут в никуда.

ЕЩЁ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

Мальчишка Амур, понапрасну не трать
свои стрелы,
Они рикошетят, ломаются, гнутся о нас.
Мы ссохлись железно уже и душою, и телом,
Оставь для юнцов истощившийся боезапас.

Закрасили женскую прелесть косметикой деви,
Пожухли от курева яблоки в райском саду,
Чего же теперь молодые Адамы и Евы
Особо прелестного в плоде запретном найдут?

Быть может, поэтому Змей Искуситель со Змеем
Зелёным пасует в нелёгкой борьбе вновь и вновь...
...Мы многое смеем. Как жаль,
  что порою не смеем
Сказать не стесняясь обычное слово «любовь».

О, мы современные, умные, всё-то мы знаем!
Ни чуда для нас, ни секретов, ни тайн уже нет,
Но вот что такое любовь человечья, земная –
Для нас есть и чудо, и тайна, и вечный секрет!

* * *

Посиди пять минут не спеша и очнись
От земной суеты суматошной,
Посмотри на себя и вокруг оглянись,
В жизнь всмотришься беспристрастно, дотошно.

Посмотри и спроси: «А зачем же я есть? Тот ли я? Для того ли? Затем ли?»
Обнажи свою душу без страха, и влезь
В то, что спряталось глубже, и дремлет.

Что ненужно – отбрось, всё,
                                что спит – разбуди
И открой что-то важное очень,
И другими глазами на мир погляди,
И увидишь, как мир твой непрочен.

И увидишь, как часто ценил ты не то,
И не то, и не тех ненавидел,
И как часто не мог ты понять, кто есть кто,
Доброты не ценил и не видел.

И как часто не мог разглядеть красоты,
Проходя второпях равнодушно,
И как слепо порою отталкивал ты
Беззащитно открытые души.

Осмотришься не спеша, и в себя загляни
И спроси. И попробуй ответить,
Так ли ты и затем ли прожил свои дни,
Для того ли живёшь ты на свете?

1983 г.

РОМАНТИКА

Меняйте войлочные тапочки
На кирзовые сапоги.
Пишите мамочке и папочке
Про запахи ночной тайги.

Плевать на пыль благополучия
Люстр, унитазов и ковров,
Меняйте джинсы наилучшие
На зуд таёжных комаров.

Меняйте скуку и обыденность,
Тепло асфальта в городах
На то, что в жизни раз увиделось –
И не забудешь никогда.

Аллеи липово-кленовые,
Избитые миллионом ног,
Меняйте на рассветы новые
Впервые пройденных дорог.

Набить мозоли настоящие,
Влюбиться в крепкий дымный чай,
Ласкать ладонями горящими
Любимой письма и скучать,

Устав как зверь, уснуть за ужином,
Не мерить длинные рубли,
И телом чувствовать натруженным,
Что невозможное смогли –

Вот это вот и есть романтика –
Не турпоход на край земли,
Не сказка, не гитара с бантиком,
Не борода и не рубли.

1982 г.

* * *

Стихи тогда лишь хороши,
Когда рождаются из души,
И словно бы сама строка ложится,
Где нет насилья над умом,
И сердце думает само,
Там легче чувствам с рифмами ужиться.

Когда не дружат сон и ночь
И нечем, кажется, помочь —
Тогда спасёт обычный лист бумажный.
Простые, вроде бы, слова
Слагает чья-то голова,
И если рифма не права — неважно.

Попробуй, только честен будь —
Тебе себя не обмануть,
И строчку сердце верную подскажет.
Возьми перо, и в добрый путь,
И, может быть, когда-нибудь
Тебя спасёт кораблик твой бумажный.

ЧТО Я ЛЮБЛЮ И ЧТО Я НЕ ЛЮБЛЮ

*Памяти В.С. Высоцкого.
Подражание его стилю*

Я не люблю, когда в глаза смеются
И не люблю, когда плюют в лицо,
И если из корысти остаются
На стороне глупцов и подлецов.

Я не люблю насилья и обмана
И если кто-то пьет чужую кровь,
И если кто-то подло, из кармана,
Стреляет в обнаженную любовь.

Я ненавижу горы золотые,
Слепящие у совести глаза
И не люблю, когда слова пустые
Бросают, если нечего сказать.

Я не люблю, когда за ложь в ответе
Бывают правда, преданность и честь,
Но жизнь есть жизнь.
И если солнце светит,
То тень, конечно, тоже где-то есть.

Люблю я — просто жить на белом свете
И радоваться солнцу летним днем.
Люблю смотреть я, как играют дети —
Конечно, если только не с огнем.

Люблю, когда кипит, горит работа
И если жизнью правит не пятак,
И если незнакомый, сильный кто-то
Свое плечо подставит – просто так.

Вообще – люблю, когда без принужденья
Люблю дышать свободно, как в лесу,
И если – просто так, не в день рожденья
Подарок или радость принесут.

Того, что я люблю – намного больше,
Я думаю, что так должно и быть.
Хотелось бы прожить как можно дольше,
Попеть, наудивляться, долюбить.

1980 г.

ДРУГУ МОЕМУ

Сандалову Г. Н.

Долги копились да грехи
На этом свете.
Рождались дети – как стихи,
Стихи – как дети.

Я слышал – для себя живи,
Лови мгновенье...
Помилуй, как же – без любви,
Без вдохновенья?

Ночей бессонных не отдам
Сплошную муку
За толстых дядь и сытых дам
Мошну и скуку.

Всего не выпьешь, не сожрёшь –
Не хватит силы
И ничего не заберёшь
С собой в могилу.

Всё это только суета
И бег по кругу,
А счастья формула проста –
Скажу как другу.

Не гадь другим, расти детей,
Держись достойно,
Душа и руки в чистоте –
Дороже стоит!

7.11.2002г.

ЖЕМЧУЖИНА

Здесь нефть – живую кровь земли
В Сибири первую нашли,
И на людей она работает покорно.
Звезда Урая и судьба –
И в центре нашего герба
Она блестит жемчужиною чёрной

ШЕРЛОК ХОЛМС

Песня

1

В туманном Лондоне на улице с названием
Бейкер стрит
Под двести двадцать первым номером
обычный дом стоит
Великий сыщик Шерлок Холмс в том доме
раньше проживал,
Снимал у миссис Хадсон комнаты,
а может, и подвал.

2

Его приятель доктор Ватсон к ним частенько
заходил,
Своею логикой дурацкой их до смеха доводил,
Но на «приколы» обижаться он привычки не имел,
Хоть, между прочим, выразаться мог,
как истинный джентльмен.

3

Они встречались по утрам и пили кофе с коньяком,
Могли позволить и «сто грамм», но только позже,
вечерком,
Потом садились у камина, толковали про дела,
А миссис Хадсон их кормила и из дому не гнала.

4

А что ещё им было делать, без работы и без жён,
Поскольку каждый третий в Лондоне ходил тогда
с ножом?

А кое-кто ходил с обрезом, жизнь весёлая была —
Тут и не хочется — да влезешь в криминальные дела.

5

Они ходили без ножа, и не боялись ни хрена,
И их за это уважала вся лондонская шпана.
И сам Профессор Мориарти их за это уважал,
Играл частенько с ними в карты и никогда
не обижал.

6

А их приятель Конан Дойл на рюмку чая заходил,
Он тоже был джентльмен простой,
и тоже «выпить не любил»,
Но он имел один заскок — бумагу часто он марал,
Писать и днём и ночью мог, и очень многое привирал.

7

А в общем, был у парня дар, и тему верную нашёл,
И Конан Дойлу гонорар, и Шерлок Холмсу хорошо.
Пока один в притонах рыщет, всех расколет,
всё найдёт,
Другой про дело это пишет, и деньжата в банк кладёт.

8

Вот так вот, жили – не тужили, как хотели и могли,
Они простые парни были, сэры с лондонской земли.
И часто были сэры эти со Скотланд-Ярдом не в ладах,
Таких же сэров можно встретить
и в российских городах.

9

А мне без Холмса Лондон скучен – там то дождик,
то туман,
И ни к чему гитару мучить, если Шерлок Холмс –
обман.
И я б не пел про Лондон, если Холмс
не жил когда-то в нём
А чем ещё он нам известен – Шерлок Холмсом
да дождём.

АРИЗОНА

Песня

1

В далёкой солнечной стране, в просторах
прерии зелёной,
Где ветер вольный и хмельной,
и солнце жаркое горит.
Пасутся гордые бизоны
В счастливом штате Аризона,
И пыль в лицо – из-под копыт.

2

Надену джинсы, сапоги, и шляпу новую из фетра,
Возьму два «колыта» и лассо, мустанга выберу себе
И поскачу навстречу ветру,
Не меря длинных километров,
Навстречу ветру и судьбе.

3

Зайду в прокуренный салон,
и попрошу побольше виски,
Устрою праздник для души, и всех, кто рядом, угощу,
Ведь я же свойский, я российский,
Пить одному – большое свинство
И всё, до доллара, спущу.

4

Возьму я нежное банджо, спою я песню про Россию,
Про золотые купола и заповедные леса,
Спою про иней, синий-синий,
Про дали снежно-голубые
И голубые небеса.

ПАРИЖ

Песня

Никогда не увижу Парижа,
Рим и Лондон, Мадрид, Амстердам –
Ничего, что я их не увижу.
Не увижу – придумаю сам.

1

Париж – ты город моей мечты,
Париж – над Сеной твоей мосты,
Париж – поэма мансард и крыш,
Ты сказку даришь,
Милый Париж, нежный Париж.

2

Париж – галантен, как век назад,
Париж – как женский зовущий взгляд,
Париж, твой воздух – сама любовь
И хочется вновь
В милый Париж, нежный Париж.

3

Париж – Монмартр и Пляс Пигаль,
Париж – Версаль и Па ле Ройяль,
Париж – как музыка голос твой,
Как сон голубой,
Милый Париж, нежный Париж.

4

Париж – «бистро» и кафе-шантан,
Париж – улыбки прекрасных дам,
Париж – я не был ни разу там,
Но душу отдам
За твой Нотр-Дам, милый Париж.

Мне в Париж никогда не добраться,
Мне богатым не стать никогда,
Для богатства не стану стараться,
Я придумаю все города.

* * *

Речка, милая Конда,
Тёмная водица,
Словно жидкая руда –
Глаз не наглядится.

Меж лесистых берегов
Ты течёшь устало.
На веку своём плотов
Много потаскала.

Бороздили катера,
Танкеры ходили,
Звуки пил и топора
Душу бередили.

Пели нефти «Благовест»,
Всё от леса брали,
А тем временем окрест
Речки умирали.

Нефть и радость, и беда,
Кровь земли живая...
Ты возводишь города,
Кормишь, одеваешь.

На трубе, как на игле —
Счастье мнится вечным.
Не наскучила б Земле
Жадность человечья!

Что мы делаем? Каким
Мир оставим детям?
Хорошо ли будет им
После нас на свете?

Не плеснула бы беда
Нефтяным разливом...
Если выживет Конда —
Значит, будем живы!

1995 – 2003 гг.

В КРАЮ ЛЕСНОМ

Песня

1

В краю лесном, среди болот
Морошка-ягода растёт,
И сосны плачут янтарём, как свечи в храме.
Здесь жизнь неспешна и проста
Не то, что эта суета
В больших столицах за Уральскими горами.

2

А где-то на Большой Земле
Живут в комфорте и тепле,
«Мартини» пьют и нежатся на пляже
И то, что город есть такой
С Кондой, красавицей-рекой,
Где нефтяной реки исток, не знают даже.

Пр:

В реке Конда темна вода всегда,
Пускай шумят большие города,
Пускай манят неведомые страны,
А мне здесь нравится —
Я здесь останусь!

3

Рабочий маленький Урай,
В краю по имени Югра.
Не числится среди курортов модных,
Но я за то свой край люблю,
Что здесь не молятся рублю,
Здесь проще жить, и дышится свободней.

4

Здесь нефть — живую кровь земли
В Сибири первую нашли.
И край лесной обрёл дыхание второе,
Красив наш город небольшой,
С простой и щедрою душой,
И жизнь мы здесь себе красивую построим!

Пр.

Апрель — май 2001 г.

СЛЕД ЧЕЛОВЕКА

*Памяти Валентины
Фёдоровны Кардашовой*

Смерть стирает следы незаметных людей.
Жил. Смеялся. Пел песни. Лукавил.
Протрудился всю жизнь незаметно, и в ней
Вроде даже следа не оставил.

Не оставил?! Ну нет! Быть не может того!
Как же так? Ведь он жил и был нужен?
Пусть на первых страницах портретов его
Не печатали — чем же он хуже?

Пусть за всю свою жизнь знаменитым не стал —
В славе смысла не так уж и много.
Он в истории тропок своих не топтал,
Тихо, скромно шел общей дорогой.

Был он скромен и тих и не очень-то смел,
Но не врал и не брал он чужого.
И в глаза окружающим честно смотрел
И за совесть не брал отступного.

Он оставил свой след. Быть не может того,
Чтоб бесследно прожил кто-то жизнь до конца...
Смерть стирает следы. Но частичку его
Жизнь оставила все-таки в близких сердцах.

1979 г.

ИНТЕРВЬЮ ЛЮБВИ

Я возьму интервью у любви,
У любимой возьму интервью:
— Расскажите про беды свои...
— Расскажите про радость свою...

* * *

– Послушай... Тебе не дарили стихов?
– Не знаю. Но думаю – нет.
– А много ль ты видела розовых снов,
А много ль ты слышала ласковых слов,
А много ль дарила в ответ?

– Послушай... А часто была ты одна?
– Не знаю. Но думаю – да.
– Когда ты одна, и душа холодна
И хочется плакать, и выпить до дна –
Где ищешь тепла ты тогда?

– Послушай... А всё же хотелось тебе
Хотя бы в мечтах, иногда
От стука под сердцем на миг ослабеть,
От муки и счастья слегка оробеть?
– Не знаю. Но думаю – да!

* * *

Ты не скажешь «да»
И не скажешь «нет»,
И вот так – всегда
Лишь в глазах – ответ.
Думай сам – решай,
Не поймёшь – прости,
Сердцу – не мешай,
Душу – отпусти.

1981 г.

МЕЧТА № 1

И верю я, что ты ещё придёшь,
И верю я, что всё как чудо будет,
И что ещё теплом своим разбудит
Твоя рука, бросая сердце в дрожь.

И ты придёшь, теперь уж не во сне,
И на моей руке уснёшь беспечно.
И будет это счастье длиться вечно,
Коль ты своё тепло доверишь мне.

И буду я лежать, боясь спугнуть
Дыханьем тень твоей улыбки нежной.
И во Вселенной, тихой и безбрежной,
Лишь ты да я. И не смогу заснуть.

1981 г.

ВОСПОМИНАНИЕ № 1

Пьянея от твоих прикосновений,
От поцелуев, губ твоих и глаз,
Я замирал в святом оцепененье,
Дивясь и изумляясь всякий раз.

Каким-то чудом, тайною безбрежной
Хмельному, мне казалось в этот час,
Дыхание твоей улыбки нежной
И близость горячо любимых глаз.

Я в те минуты рад был всей Вселенной,
Как глупый расшалившийся щенок
И за мгновение часть души нетленной
Продал бы чёрту, если б только мог.

ПОДАРОК

Я бы хотел подарить все цветы,
Всё разнотравье земной красоты
Той, что люблю.

Я бы хотел подарить звёзды все,
Те, что купаются ночью в росе,
Той, что люблю.

Я бы хотел подарить всю планету,
Сколько прекрасного есть в мире этом,
Той, что люблю.

Но подарил лишь собачку лохматую,
Пса, что купил в детском мире когда-то я,
Милую, ласковую игрушку –
Пуговки-глазки, лохматые ушки,
Чтобы всегда верным другом он был
И хоть немножко меня заменил.

Той, что люблю...

1979 г.

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Ночь по земле бредёт,
Я под твоим окном.
Дождь всё идёт, идёт,
Люди все спят давно.
Только лишь мы не спим,
Двое с косым дождём.
Вместе мы с ним грустим
И терпеливо ждём.

Дождь устаёт грустить,
Дождь перестал идти.
Сможешь меня простить,
Так поскорей прости.
Только не знаю я
В чём же моя вина.
Разве вина моя
В том, что ушла весна?

Тихо встаёт рассвет,
Тихо уходят сны,
Только тебя всё нет,
Не возратить весны.
Осень цветным листом
Под ноги упадёт,
Разве что дождь потом
Вместе со мной пойдёт.

Будем с дождём смотреть
В окнах театр теней,
Ветер нам будет петь
Песню забытых дней.
Будем бродить с дождём.
— Спи, не грусти во сне.
Мы терпеливо ждём
Света в твоём окне.

* * *

Было счастье. Как сказочный гномик,
Как мираж вдруг исчезло, как дым.
Ты судьбы моей карточный домик
Поломала движеньем одним.

Всё, что строил я, ты поломала,
Всё, что знал я — неправда и бред.
Всё равно, я начал бы сначала,
Хоть и жаль зря потраченных лет.

Я б спросил... Но не будет ответа,
Всё равно не поймёшь, не любя.
Ты же умная. Ну посоветуй,
Где мне спрятать себя от себя?

Я не плачу... О нет, я не плачу!
Не подумай. Себя мне не жаль.
Ты решила — так лучше. А значит
Так и есть. Мне-то что за печаль?

Вру. Не слушай. Пустая бравада.
Плакать хочется, хоть и мужик.
Может, к счастью всё. Может, так надо.
Только ради кого теперь жить?

* * *

Всё прошло. Лишь в сердце боль осталась.
Где любовь была — там пустота.
Где любовь была — там лишь усталость,
Горечь от того, что всё не так.

Всё прошло. Но то, что всё проходит
Без следа — конечно же, враньё.
Для того, кого любовь находит,
Очень больно потерять её.

Всё прошло. Осталась лишь надежда,
Что ещё всё будет впереди.
Что всё будет. Что не так как прежде...
Если сможешь вновь любовь найти.

ПРИНЦ

Горько мне целовать твои сладкие губы,
Горько ложь их тепла на губах ощущать.
Ты не любишь — и счастьем твоим не могу быть,
Жаль, но сказочным принцем твоим мне не стать.

Встретить принцев и в их времена было трудно,
А теперь днём с огнём их нигде не найдёшь.
И не верят в любовь, как не верят и в чудо,
Благодоство и верность не ценят ни в грош.

Не умею я лгать, не смогу быть актёром,
Быть собою не смог, где мне принцев играть.
Я хрустальные туфли дарил без разбора,
Но размер на тебя не сумел подобрать.

Может, правда — нельзя ни любить и ни верить,
И хрустальная туфелька счастья не даст?
Или вновь обнаглеть и предложить примерить:
«Не сгожусь ли я в качестве принца для вас?»

1982 г.

* * *

И всё-таки — плевать на все невзгоды —
Люблю её. Ведь не моя вина
Что вышло так. Другая или годы
Загладят боль, что нанесла она.

Люблю, и всё! Пускай любовь не в радость,
Пускай не сплю, и мучаюсь, и злюсь
Пускай умом и знаю, что не надо,
А сердцем — всё равно её люблю!

МЕЧТА № 2

Когда-нибудь я всё-таки приду,
Уставший от тоски и от разлуки,
И выложу вечернюю звезду
В родные недоверчивые руки.

Скажу: «Сберёг немножечко тепла
И доверяю вновь твоим ладоням»,
И попрошу, чтоб ты его взяла
В подарок, ни добра, ни зла не помня.

И радость, промелькнувшую в глазах,
Поймаю с затаённым облегченьем
И толком не сумею рассказать,
Где был, чем жил, совсем-совсем ничей я.

А ты не догадаешься спросить,
И буду я за это благодарен.
Свою беду и боль свою носить
Нельзя в себе. Но бед друзьям не дарят.

Давай считать, что на моём пути
Легко всё было, просто и понятно.
Лишь от себя мне, видно, не уйти
И попрошу: «Возьми меня обратно!»

* * *

Я писать не буду –
Брошу это дело,
Всю отдам получку,
Перестану пить.
Буду мыть посуду –
Всё, как ты хотела,
И решу я лучше
Денежки копить.

Я друзей заброшу
И подружек старых,
Шахматы забуду,
Карты и бильярд.
Стану я хорошим,
Выброшу гитару ...
...Только это буду
Кто-то, но не я!

Если кто-то примет
Грешного, такого –
Я б дарил конфеты,
Песни и цветы,
И посуду б вымыл
Без худого слова...
...Только будет это
Кто-то – но не ты!

* * *

Давай устроим праздник для души,
Зажги свечу, налей вина в бокалы
И лишний свет в гостиной притуши,
Присядь со мной. Сними с души усталость.

Всё как-то нереально, как во сне,
Мы друг о друге знаем так немного,
Тяжёлою гардиной на окне
Завесь свои тревоги, ради Бога.

Ну что с того, что мы не влюблены,
И сердце не заходится от дрожи?
Без розовой любовной пелены
Простое счастье нам ещё дороже.

Мы будем говорить и танцевать,
Пить лёгкое вино и целоваться,
Душой друг в друге что-то открывать,
Сердцами не спеша приоткрываться.

Мне просто и легко с тобой сейчас,
Надеюсь, что тебе со мною тоже,
А дальше – ночь сама рассудит нас,
Попутал бес... Не бойся. Бог поможет.

* * *

Мы с гитарой вдвоём
Замечательно живём,
Посмеёмся и поплачем,
Поиграем и споём.

Для меня одна она,
И подруга, и жена,
Не устанет, не обманет –
Безотказна и верна.

И красива, и умна,
Не строптива и скромна
И фигурой – что надо,
Даже талия видна.

Не ругает, не ворчит,
Если надо – помолчит.
И друзей моих не гонит,
И про тряпки не трещит.

Нам с гитарой хорошо,
Лучше друга не нашел,
Только тронь её за струны –
Отзовётся всей душой.

* * *

Казалось мне, что я уже пропащий –
Кому я нужен? Кто меня возьмёт?
И никогда не встречу настоящей,
Той, что меня полюбит и поймёт.

Я это принимал как неизбежность,
Пенял неверно прожитым годам,
Измученной души любовь и нежность,
Казалось, никому уж не отдам.

За что мне Бог послал тебя, не знаю.
Быть может, за страдания и боль.
Ты просто мне поверь, моя родная,
И подарить тебе себя позволю.

Ты мне прости мои больные нервы
И выходки, и боль моей души,
И то, что часть беды моей, наверно,
Тебе со мной придётся пережить.

Я всё-таки счастливый, в самом деле,
Я буду всем – и братом, и отцом,
Мужчиной в жизни и слугой в постели,
Но никогда не стану подлецом.

Ты для меня, как солнышко сквозь тучи,
Ты больше, чем подруга и жена,
Мне не нужна ни хуже и ни лучше,
Мне только ты, лишь ты одна нужна.

* * *

Цветные облака
На розовом закате,
В руке твоя рука,
Лазоревое платье,
А я схожу с ума
От этого блаженства.
Ты всё пойми сама
Своей душою женской.

Цветные облака
Я выдумал, быть может,
И платье, и закат,
И наши встречи тоже.
Не верю счастьем я –
Поманишь – и обманешь,
Сегодня ты моя –
А завтра чьей-то станешь.

Цветные облака
Не выдуманы мною,
Я радуюсь пока,
Я счастлив и спокоен,
А дальше – Бог простит,
Подскажет и поможет,
Мне этот крест нести.
Ты мне всего дороже.

Цветные облака
Останутся, пока
В руке твоя рука
И наше счастье с нами,
И платья бирюза
Сквозь слёзы на глазах
Покажется цветными облаками.

ОПЯТЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ...

Песня

1.

День рождения у моей любимой женщины...
Подарить бы всё, что было ей обещано.
Положить к ногам весь мир, бантом повязанный,
Досказать слова, что были недосказаны,
Доказать на деле и любовь и преданность,
Чтоб печали и нужды ни в чём не ведала,
Чтоб тепло ей было, как в постели маминой,
Чтоб была за мной, как за стеною каменной.

Припев:

Пусть говорят, что от судьбы не убежать –
Тебе исполнилось всё те же двадцать пять!
Стоит шампанское и розы на столе,
Давай с тобой отметим этот юбилей.

2

Задарить бы всю цветами и подарками,
 Изукрасить всё любви словами жаркими,
 Поцелуями избаловать да ласками,
 Убаюкать комплиментами да сказками.
 Кто милее всех на свете и душевнее
 Ты не спрашивай у зеркала волшебного,
 Ты к гадалке не ходи, а ты спроси меня —
 Я-то знаю, кто же самая красивая!

Припев.

3

Благодарен я судьбе за то, что ты — моя
 И за то, что наша дочка — «вылитая» я,
 И за то, что мне домой под вечер хочется,
 И зову тебя я ласково, по отчеству.
 Пусть идут года, но будешь ты по-прежнему
 Молодая и красивая, и нежная.
 Я открыл один закон, и формула проста —
 У любимых женщин не бывает возраста!

Припев.

ПАМЯТЬ

Песня

1

Звук патефона с хриплой пластинкой
 Мне память, словно зеркало, разбил.
 Я вспомнил детства милые картинки,
 Всё, что давно, казалось бы, забыл.
 Там мама, как на фото — молодая
 Поёт с отцом «Рябину» под баян,
 И бабушка — седая, но живая
 И на руках её — притихший я.

Припев:

Старой пластинки надтреснутый диск
 И ничего ни вернуть и ни склеить
 Нельзя.

2

Там старый двор наш весь покрыт ромашкой,
 Я и мои братишки — малыши,
 И ластится наш добрый пёс Абрашка,
 О, память, пощади и не спеши.
 Не надо, пожалей, прошу, не надо
 Дальнейшие картинки открывать,
 Ведь это — Богом данная награда —
 Способность всё плохое забывать.

Ещё не разошлись, не разлетелись,
Ещё живые бабушка с отцом,
Ещё жилось и верилось, и пелось,
Ещё всё было – и семья, и дом.
Пусть все будут молоды и живы,
И судьбы не расколоты пока.
Оставь всё так. Я был тогда счастливый
У бабушки на ласковых руках.

ЗАВОДСКАЯ ВОСЬМИЛЕТНЯЯ ШКОЛА

Пять классных комнат.
Коридор.
Буфет.
Скрипучий пол и круглые камины.
В шкафу стеклянном гипсовый скелет,
И классики глядят с портретов чинно.

На партах «перочинников» следы
И выемки для ручек и чернильниц,
Свидетели и счастья, и беды –
Страстей совсем нешуточных и сильных.

Гранит науки грызли, кто как мог,
Влюблялись и о будущем мечтали.
И то, что ЖИЗНЬ – один сплошной урок –
По счастью, мы тогда ещё не знали.

А за окном – теплынь и благодать.
Цвели в пришкольном садике ранетки...
Ах, как хотелось повзрослеть тогда
И улететь из этой душной клетки!

Вот прозвенит звонок в последний раз,
И к новой жизни вырвемся на волю...
Вернуться б на минутку в этот класс
В уютной нашей восьмилетней школе!

Пять классных комнат.
Коридор.
Буфет.
Учительская рядом с раздевалкой.
Давно уж школы старенькой той нет.
Есть новая. А мне немножко жалко!

ЛОКАТОРСКАЯ ПЕСНЯ

Диспетчер снова просит «дальние» добавить,
И метки азимута вздумали пропасть,
А мне так хочется «подальше» всех отправить,
Но снова я иду настраивать «матчасть».

Припев:

А на экране самолёты – просто точки
И всё равно ему, «Ан-2» там или «Ту».

Локатор видит всё и днём, и тёмной ночью,
Пусть мирно дремлют пассажиры на борту.

2

Антенна вертится, а значит – всё в порядке.
И вновь найдут они родной аэродром,
И вновь вернутся на перроны и площадки,
И вновь увидят и семью свою, и дом.

3

А магнетрон в антенну гонит мегаватты
И кто-то врёт, что это вредно для мужчин,
Но медицина ошибается, ребята,
Подругам нашим обижаться нет причин.

4

Мы просто техники и просто инженеры
Но КДП на нас надеется не зря.
Ведь мы не просто технари – мы, офицеры,
Хоть и в запасе, откровенно говоря.

ОДНОКАШНИКУ

В. Самолову

Витёк, ты помнишь чёрную шинель
И желтые курсантские погоны,
Перловку под названием «шрапнель»
И нас, таких совсем ещё «зелёных»?

Ты помнишь те счастливые деньки,
Когда, сменив казарму на общагу,
Свободой наслаждались «чуваки»,
Любя девчонок, музыку и «брагу».

Ты помнишь инструмент «бутылофон»,
«Приколы» и игру на две гитары,
И старый добрый наш магнитофон
С катушками простых мелодий старых.

Свободны от «тюрьмы» и от «сумы»,
В веселье знали толк, а в пьянке меру
И больше офицеры были мы,
Чем самые крутые офицеры.

Ты никогда тех дней не забывай,
Сегодняшние мы – из тех, вчерашних,
Ну вот и всё, Витёк, здоров бывай,
Мой самый «однокашный» однокашник!

* * *

Тётя Валя, моя тётя Валя...
Поезд фирменный «Владик – Москва» –
В том году он на Омском вокзале
В ноль часов «по Москве» прибывал.

Я не знал ни купе, ни вагона,
Я две ночи тот поезд встречал
И в толпе на промозглом перроне
От бессилия чуть не кричал.

Ты не вышла – лежала больная,
И себя не могу оправдать,
Что не смог тебя встретить тогда я,
Напоследок не смог повидать.

Ты была, словно добрая фея –
Ждали мы, ребятишки, весь год –
Тётя Валя приедет, и с нею
В дом наш добрая сказка войдёт.

Это чудо какое-то было –
Запах яблок, и говор чудной,
Словно Крым ты с собой привозила
В наш сибирский посёлок лесной.

Ты, своих не имея, любила
Нас, племянников, словно родных,
И ответно, со страшною силой,
Были все мы в тебя влюблены.

Вот уж более четверти века
Не могу оправдать себя сам...
Потому я и «След человека» –
Стих свой первый тогда написал.

Июнь 2001г.

ЖУРАВЛИ

Песня

1

Автомобили шинами шуршат,
Ревут моторы. Плавится асфальт,
И все бегут куда-то, все спешат,
Торопятся от жизни не отстать.

2

А жизнь спешит, как белка в колесе,
И люди столько наизобрели,
Что кажется, и помнят уж не все,
Что есть такое чудо – журавли.

3

Что есть журчанье речки, синь озер
И теплым хлебом пахнущий закат.
И не заменит этого мотор,
Ведь жизнь дается нам не напрокат.

4

И вдруг, остановившись на бегу,
Как будто потерявши что в пути,
Побыть в лесу захочешь, на лугу,
Любовь и доброту в себе найти.

5

И где-то там, вдали от автострад,
От пропыленных городов вдали,
Курлыканьем далеким поманят
С природой снова слиться журавли.

1981 г.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Что же это? Что случилось?
Что случилось в нашем мире?
Словно вдруг окно открылось —
Стало всё светлей и шире.

Словно весело, лучисто
Солнце тысячи осколков
Разбросало. Стало чисто
Всё вокруг, светло и колко.

Словно вдруг всё ярче стало,
Словно дышится свободней —
Просто землю покрывалом
Первый снег накрыл сегодня.

1980 г.

БЕЛЫЕ НОЧИ

Романс

О, белые ночи с притихшими серыми окнами,
С ветвями черёмух, вспотевшими тёплой росой,
С лохматым туманом, лежащим сырыми волокнами,
Со странной своей незаметно, скромной красой!

Как можно сравнить вас с ночами горячими, южными,
Где звёзды прекрасны, где воздух настоян, хоть пей,
Где чудною песней, любовью

внезапно разбуженный,
Вдруг сердце встряхнёт захмелевший
от трав соловей...

О, белые ночи! Вы ближе, милее, душевнее
И тем, что рассвет догоняет закат до утра,
И лёгкими снами, мечтами такими волшебными
И грустной красой со светлым налётом добра...

...О, белые ночи!

1982 г.

БАЛЛАДА О СИЛЕ И КРАСОТЕ

Песня

Там, где над Дюнами Небо склонилось,
Росла молодая Сосна.
Росла выше всех и очень гордилась,
Что борется с ветром одна.
И видели Дюны седые, и видело мудрое Море,
Что всех красивее она.

Но только недолго она красовалась,
Море Шквал взволновал,
За Дюну корнями цепляясь, держалась,
Но ветер вершину сломал
И видели Дюны и Море,
что только вместе стоящим
Грозный не страшен Шквал.

Вершина засохла, и ствол изогнулся...
Шквал тот – давно улетел
Но он бы не справился, если б вернулся –
Она теперь в роще детей.
И видели Дюны седые, и видело мудрое Море,
Что главное – не в красоте!

1981 г.

ЗИМНИЙ ЭТЮД

Промчалось лето ясное,
Промчались ночи росные,
Сменялась хмарь ненастная
На солнышко морозное.

Пришла зима с метелями,
Прикрыла грязь осеннюю
Метели каруселями,
Кружась, тоску посеяли.

И вроде бы, нарядные
Стоят леса по-прежнему
Под белыми, парадными
Холодными одеждами.

Но, как невесты бедные
К венчанью за немилого
Несут берёзки бледные
Свою фату постылую.

И снится им, что стояли
Их платья подвенечные,
Что, наконец, оставили
Метели бесконечные.

Что вновь, с листвою зелёною,
Под звук концерта птичьего

Ждут с клёнами влюблёнными
Свидания девичьего.
Счастливые, влюблённые
Шептаться будут с клёнами.
Мужьями станут клёны им,
Берёзки станут жёнами...

...Пусть станут вновь счастливыми
И пусть не будет дела им,
Что косы их красивые
Зима седыми сделает.

1981 г.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Солнечный зайчик детской улыбкой
В окошко пробрался неслышно, несмело
И заскользил золотистой рыбкой,
Словно покой нарушать не хотел он.

Словно боялся, что кто-то заметит
И не хотел никого потревожить,
Словно стеснялся, что ярко он светит
И извинялся — иначе не может.

Тихо ладошкой его я накрою —
Хочется солнца кусочек потрогать,
Хочется взять это чудо с собою —
Пусть себе светит и греет дорогой!

Каждый, наверно, хотел бы немножко
Солнышка спрятать в нагрудный карман.
Только он выбрался из-под ладошки
И ускользнул от меня под диван...

СНЕЖИНКИ

Песня

1

Кружились снежинки холодными белыми стаями,
Кружились, летя — и боясь долететь до земли.
И в танце спешили пожить, и, бессильные, таяли
И слёз огорчённых своих удержать не могли.

2

А ветер играл им на голых деревьях аккордами
Мелодию грустного вальса, и жалко до слёз,
Что то, что казалось цветами холодными, гордыми,
Теперь стало просто слезами на ветках берёз.

Припев:

Снежинки, снежинки —
Холодные, белые, гордые дочки зимы
Снежинки, снежинки —
Вот так же когда-то в полёте растаем и мы.

3

И плачут берёзы о чём-то далёком, утраченном,
Роняя слезинки с уродливых, голых ветвей,
Наверно, о том, что природою им предназначено
Не знать ни полёта, ни танца при жизни своей.

4

...А сверху всё так же снежинки упрямо кружились,
Хоть знали, конечно, что стоило им захотеть
И в туче родной бы безбедно и долго прожили,
Но всё же летели — ведь надо ж кому-то лететь!

Припев.

СНОВА ОСЕНЬ

Песня

1

Снова эта осень
Душу опалила
Позднею красой
Снова неба просинь
Обожгло, омыло
Ледяной росой.

Припев:

Осень — это
Золотая пора...
Жаль, что лето
Было только вчера.
Птичьи стаи
Собираются в путь,
Птицы знают —
Лето можно вернуть.

2

Обожгла, омыла,
Опалила осень
Сединой виски.
Всё, что с нами было
Время вдаль уносит,
Как с берёз листки.
Припев.

3

Жёлтою листвою
Шелестят берёзы,
Лето вновь прошло
Затрещат, завоюют.
Вьюги и морозы,
А пока — тепло.

Припев.

А пока – листает
Жёлтые страницы
Ветер озорной,
Птицы улетают,
Чтобы возвратиться
С новою весной.

Припев.

ЭТО – ЗИМА...

Песня

На озябших деревьях хрустальные ветви звенят,
И морозное солнце в оранжевой дымке дрожит
Снова эта зима на бегу остудила меня,
И холодный «куржак» на ветвях
перламутром лежит.

Припев.

Это зима –
Всё замело,
Только в домах
Свет и тепло –
Это зима...

Шабутные сороки не смеют спугнуть тишину,
И колышется воздух холодным прозрачным желе.
Не замёрзла земля, просто время пришло отдохнуть
И под снегом пуховым тепло даже в стужу земле.

Спит заснеженный лес, речка спит

в темноте подо льдом,

Спит в берлоге медведь, отдыхает народец речной,
Отдыхает земля от осенних и летних трудов,
Набирается сил, чтобы встретиться с новой весной.

БРУСНИЧНЫЙ СОК № 2

Люблю я лес, когда берут бруснику,
Когда не льнёт рубаха от жары,
Когда листва ажурная поникла,
И не лютуют больше комары.

Прозрачный воздух на хвое настоян,
В лесу, как в храме, чинно и светло,
И всё вокруг багряно-золотое,
И греет душу позднее тепло.

И в этом небе, светлом и высоком,
Предвестница зимы – немая грусть,

А я её запью брусничным соком,
Я им и причащаюсь, и лечусь.

И бью поклоны я лесному богу,
Брусничке каждой в ноги поклонясь.
Прошу теплом последним хоть немного
Ещё чуть-чуть побаловать меня.

18.07.2001г.

* * *

Сигарета с ментолом,
Старый виски в бокале,
Галстук модно заколот,
В перстне с камешком палец.

Взгляд железобетонный,
«Парабеллум» подмышкой,
Куча денег зелёных
В толстой чековой книжке.

«Форд» мой лаком сверкает
И на вилле на личной
«Гёрл» меня ожидает
В позе малоприличной.

Свет реклам предлагает
Удовольствия хором...

...Я лежу и мечтаю.
Я лежу под забором.

Вижу жирный «чинарик»,
Нету сил дотянуться,
Голова как в угаре –
Мне бы раз затяннуться.

Мне бы только подняться
Да добраться до хаты,
Похмелиться, проспаться
Да дожить до зарплаты.

Эти жирные «урки»
В этой ихней Чикаге
Не стреляли окурки,
Не дурели от браги.

Месяцами не жили
Без жратвы и зарплаты.
И всю жизнь не ходили
В «без вины виноватых».

Зуб поставить могу я –
Им бы нашу «житуху»
На недельку-другую –
Передохли б как мухи...

...Жизнь моя, не чужая.
Здесь лежат мои деды.
Я себя уважаю —
Я к ним жить не поеду!

1992 г.

* * *

Какие страшные бывают вечера
И завтра кажется страшнее, чем вчера.
И вновь бессонная, мучительная ночь
И не прогонишь мысли путанные прочь.

А утром хочется подальше убежать
И руки, словно от похмелия, дрожат,
И сердце тоже странно ноет и дрожит,
И целый день душа к работе не лежит.

Тогда не хочется на белый свет смотреть,
И лезет подлая мыслишка — умереть,
И плакать хочется, и хочется запить,
Чтоб хоть на время боль в стакане утопить.

Но ничему не помогает алкоголь,
И не утопишь эту ноющую боль,
Не помещается в стакане боль души
И осуждать меня за слабость не спеши.

* * *

На душе погано
И на сердце «кошки».
Эх, встать бы рано —
До свету в окошке.

Засыпать бы сразу —
Только до постели,
Да тоска, зараза —
Мысли одолели.
Жить бы просто, ловко —
Как воды напиться,
Да тоска, чертовка,
Не даёт забыться.

Бросить бы всё к чёрту,
В сумку — две рубашки,
Каблуки не стёрты,
И — «привет домашним!»

Только почему-то
Совесть не пускает,
Не найти приюта
Мне нигде. Я знаю.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

1

Продам гитару и наймусь
На белый пароход
Простым матросом, только пусть
Меня он унесёт
Туда, где пальмы и песок
И синяя вода,
И где термометр минусов
Не знает никогда.

Припев:

Прости-прощай, Урай, я уезжаю,
Прости-прощай, лежит на сердце грусть,
Забытый папа нефтяного края.
Прощай, Урай, соскучусь – ну и пусть!
Любимый папа... (и т.д.)

2

Там носят белые штаны,
И кактусы цветут,
Унты и шубы не нужны,
Метели не метут,
Там ананасы продают,
Полцента за кило,
Там под гитару все поют
И круглый год тепло.

Припев.

3

В тельняшке грудь, в руках штурвал,
Фуражка с якорьком.
Ведь в детстве я всегда мечтал,
Что стану моряком,
Куплю себе я какаду,
Чтоб скуку разгонял,
В порту подружку заведу,
Чтоб кто-то ждал меня.

Припев.

ПРИВОКЗАЛЬНАЯ

Песня

1

Как птицы пролетают поезда,
Динамик что-то грустное играет.
На счастье мне, цыганка, погадай,
А хочешь – сам тебе я погадаю.

Припев:

Слепые, нестерпимые дожди
Мне душу этой осенью обложат,
Ты только всё стерпи и подожди,
Пройдут дожди, и я вернусь,
быть может.

2

А ты мне нагадаешь, что хочу —
Дорогу, даму «треф» и дом родимый,
И ручку я тебе позолочу —
За ложь платить вдвойне необходимо.

Припев:

Слепые, нестерпимые дожди
Мне сердце мокрой ватой обложат.
Ты только всё прости и подожди,
Пройдут дожди, и я вернусь, быть может.

3

А мимо пролетают поезда,
А сзади свет последнего вокзала,
Я сердцем вижу всё, и не беда,
Что ты не всю мне правду рассказала.

Припев.

А эти нестерпимые дожди
Кончаются, как всякая дорога.
Ты всё стерпи, прости и подожди —
Пройдут дожди, и я вернусь, ей-богу!

* * *

Кошки и собаки
Могут жить без драки.
Волки и овечки
Могут мирно жить,
Но не могут люди
Жить по-человечьи,
Чтобы не обляять
И не укусить.

* * *

Всё странно началось
И странно завершилось,
Чего-то не нашлось,
И что-то не решилось,
Чего-то не жилось,
И что-то не зачалось,
Одно не началось,
Другое — не кончалось.
Ни разу не пришлось
По жизни, как хотелось.
Что было — то прошло
И дымом улетело.

ДЕВЧОНКА

Песня

1

В подушку, мокрую от слёз, уткнулась девочка лицом.
Предмет её девичьих слёз вдруг оказался подлецом.
Забыть обиду не могла, и плечи хрупкие тряслись,
И ночью горькой не спала, и слёзы горькие лились.

2

И ослабели ноги вдруг, и закружилась голова,
Когда сказал ей лучший друг невыносимые слова.
Сказал, что больше не нужна, и что другую он нашёл,
Что та красива и нежна, и что им вместе хорошо.

3

Девчонка вспомнила, как он слова другие говорил,
Что был без памяти влюблён и розы белые дарил.
Она поверила ему, любила, мучилась, ждала,
Любовь девичью одному всю, без остатка, отдала.

4

И, как актёр в плохом кино, он равнодушно говорил,
Слегка прихлёбывал вино и сигарету закурил.
А ей казалось страшным сном —
проснуться б только и забыть
И будет утро за окном, и вновь захочется любить.

5

В подушку горьких слёз не лей,
от боли первой отрешись.
Того, что было — не жалея, того, что будет —
не страшись.
Всё это к лучшему, поверь — ещё найдёт тебя любовь.
Что чёрным кажется теперь — наутро белым
станет вновь.

Припев:

Не плачь, девчонка, по любви,
Она с шипами, как у роз,
Его не жди и не зови,
Ведь он твоих не стоит слёз.

1994 г.

КОЛОДЕЦ

Осклизлые стены, воды по колено
И призрачный свет,
Искусаны губы, исколоты вены
И выхода нет.

Сюда постепенно по скользким ступеням,
Как будто во сне
Скользил, оступался, и вот оказался
На илистом дне.

Сначала в подвале «косяк забивали»
От взрослых тайком.
Потом стало мало, и не «забирало»
Простым «косяком».

От первой затяжки до вен перетяжки
Немеряный срок.
Сначала «прикольно», не страшно, не больно —
«Колёса» и «смог».

Потом постепенно подсел на «систему» —
То «кайф», то кошмар.
От «кайфа» до ломки — сплошные потёмки,
Какой-то угар.

От ада до «рая» дорога прямая,
Там доза — билет.
От «рая» до ада билета не надо —
Открыт турникет.
А там, наверху, парни девочек любят,
Ромашки цветут.
Обычной дорогой счастливые люди
Куда-то идут.

Когда-то и я в тех ромашках валялся,
Без «кайфа» шальной
И нравилось жить, и в девчонок влюблялся,
И пахло весной.

Теперь эта жизнь театральной программкой
Забыта в столе.
И я задыхаюсь, как бабочка в рамке,
На грязной игле.

Я вылезть пытаюсь, я ногти ломаю
И снова на дне.
Надежда всё тает, и я понимаю —
Не выбраться мне.

«От марихуаны не стать наркоманом», —
Не верь этой лжи.
Не будь той затяжки, цвели бы ромашки,
Я просто бы ЖИЛ.

ОСТАВЬ СИГАРЕТУ

Песня

1

Оставь сигарету,
Покурим по-братски,
Войны вроде нету —
Живём по-солдатски.

Квартиры — казармы,
А жёны — старшины,
Бардак, словно в армии,
И матерщина.

Живём – где попало,
Едим – что придётся,
Заботы – навалом,
А повод – найдётся.

«Пузырь» разопьём
И друг друга уважим,
Покурим, spoём,
Анекдоты расскажем.

Отмякнем душой,
Отодвинем заботы,
А утром – с больной
Головой на работу...

...А утром – с пустой
Головой на работу...

2

Плесни в стаканы,
Не задерживай тару,
Не дрейфь, пацаны,
Лучше дайте гитару.

Всю душу вобью
В три блатные аккорда,
Плесни, я спою,
Я парнишка не гордый.

Нас снова обманут,
Мы снова не в доле,
Но я не продам им
Ни душу, ни волю.

Я им «шестерить»
За подачку не стану,
Оставь покурить
И наполним стаканы.

Пускай я напьюсь,
Чтобы лёжа качало –
Просплюсь и спою
Эту песню сначала...

...Просплюсь и спою,
Чтоб душа не молчала...

* * *

Тоскует душа по бутылочке пива,
Когда от работы немеет спина.
Про раков – не знаю. А с рыбкой – красиво
Присесть на часок, распластав муксуна.

Хорош окушок, только что закопченный
И жирный, колодкой солёный чебак,
А уж о стерлядке, жирком прослоённой,
Мечтают и тонкий гурман, и рыбак.

И тут уж бутылочкой не обойдёшься,
И рыбы, и пива должно быть с лихвой,
Но только без водки. А то надерёшься —
Весь праздник испортишь дурной головой.

14.09.2001 г.

БАННОЕ-ХУЛИГАННОЕ

Почти по В. М. Черномырдину

Я предложил: «Пойдём со мной»,
А ты сказала: «Не домой».
А я сказал: «Есть вариант
Покрасивей, чем RESTOURANT:

— Природа, дача, дух лесной,
Припас в чуланчике съестной,
Сухих дровишек наколю,
Пожарче баньку истоплю,
В кувшине потном терпкий квас
Томится в погребе для нас
И давней выдержки вино.
Запарю веник духмяной
И будем, как в Творенья дни,
Совсем нагие — и одни,
Вольны, как воздух и вода,
От предрассудков и стыда,
И тело нежное твоё
От наслажденья запоёт

В мужских внимательных руках...

Ты испугалась: «Ах-ах-ах!»

Сказала ты: «Какой пошляк!»
Дала «по морде» — и ушла...

Ты ни фига не поняла.

Хотел как лучше я тогда —
А получилось — как всегда !

Сентябрь 2001 г. — июнь 2002 г.

* * *

Некрасивых женщин не бывает,
Не грусти, подруга, без причины.
Просто иногда не понимают
Этого неумные мужчины.

Разве может мать быть некрасивой,
Разве может страшной быть сестрёнка.
Те, кто нам, крикливым и сопливым,
И носки стирает, и пелёнки.

Те, кто терпит всё и всё прощает,
Кто любовью нас обогревает? —
Жизнь без женщин блекнет и нищает.
Некрасивых женщин не бывает.

Не грусти напрасно – жизнь прекрасна,
Не кляни природу торопливо,
Сколько их – красивых, но несчастных,
Лучше быть неброской, но счастливой.

Лучше быть любимой, чем богатой,
Лучше жить одной, чем с дурачиной,
Надо ждать и верить, и когда-то
Встретит твой единственный мужчина.

Июль – сентябрь 2001 г.

МОНА ЛИЗА

Это имя – как шелест листа,
Как игра ветерка на поляне,
И улыбка на этих устах
Пять столетий волнует и манит.

Этот облик живой на холсте,
Словно светом, любовью пронизан
К Вечной Женской Земной Красоте,
Моне Лизе – Единственной Лизе.

МЫСЛИ СТОЛБИКОМ...

Поэтом быть – не просто дар особый –
Такое состояние души.
Не можешь не писать – возьми, попробуй,
Но если можешь – лучше не пиши!

Воистину – «В начале было слово...»,
А за слова придётся отвечать.
Слова – всему начало и основа.
Сказать легко. Труднее промолчать.

Иной строку к строке рифмует ловко
И хоть слова пусты и смысла нет.
Убогость мысли прячет со сноровкой
И – в грудь кулак – любите! Я поэт!

Я в облаках богемных не витаю,
Лепить стишки пустые не спешу.
Себя пока поэтом не считаю –
Я просто мысли столбиком пишу.

Стараюсь лишь сочнее рифму ставить,
Точней размер, прозрачнее сюжет,
Себе – не врать, с другими – не лукавить
И не пишу, когда охоты нет.

Пусть кто-то поругает и осудит,
За дело – не обижусь и пойму,
А если подобра оценят люди –
Я это с благодарностью приму.

Пусть не поэт... Да разве дело в этом?
Не звания важны, а дела суть.
Ты вовсе не обязан быть Поэтом –
Приличным человеком только будь!

23.01.2003 г.

КАЛЕЙДОСКОП

Видишь, зима какая?
Свежая, аж хрустит!
То хрусталём сверкает,
То снегирём свистит...

Видишь, весна какая?
Дружная, как салют!
В лужи зима стекает,
Нежно коты поют...

Видишь, какое лето?
Сладкое, как вино!
Солнечным нежит светом,
В берег шуршит волной...

Видишь, какая осень?
Терпкая, как хурма!
Царские платья носит,
Золотом бахрома...

Хочешь – и будет стужа,
Жгучая, как оса!
Хочешь – и будет в лужах
Солнечный дождь плясать!

Стёкла цветные эти
Лягут, как я хочу.

Ведь чудакам и детям
Многое по плечу!

Октябрь 2004 г.

* * *

Не обольщайтесь красотой;
Шипы имеют даже розы,
А полевой цветок простой
Согреет сердце и в морозы!

* * *

Цвели сады. И выпал снег.
Такое иногда бывает;
Когда природа о весне
На время словно забывает.

На нежной молодой листве
Смотрелся он немного странно;
Как седина на голове
У молодого «донжуана».

Он был прекрасен, свеж и чист;
И до поры скрывал угрозу,
Фатою кутал цвет и лист –
Но жёг дыханием морозным!

Обжѣг — и стоял. Был — и нет.
И солнце светит над садами.
Но этот яблоневый цвет
Не станет осенью плодами!

СНЕЖИНКИ

Песня

Кружились снежинки холодными белыми стаями.
Кружились, летя — и боясь долететь до земли;
И в танце спешили пожить, и, бессильные, таяли,
И слѣз огорчѣнных своих удержать не могли!

2

А ветер играл им на голых деревьях аккордами
Мелодию грустного вальса, и жалко до слѣз;
Что то, что казалось цветами холодными, гордыми,
Теперь стало просто слезами на ветках берѣз!

Припев:

Снежинки, снежинки —
Холодные, белые, гордые дочки зимы!
Снежинки, снежинки —
Вот так же когда-то в полѣте растаем и мы!

3

И плачут берѣзы о чѣм-то далѣком, утраченном,
Роняя слезинки с уродливых, голых ветвей;
Наверно, о том, что природою им предназначено
Не знать ни полѣта, ни танца при жизни своей!

4

...А сверху всё так же снежинки

упрямо кружились,
Хоть знали, конечно, что стоило им захотеть,
И в туче родной бы безбедно и долго прожили;
Но всё же летели — ведь надо ж кому-то лететь!

Припев.

У ЛАРЬКА

Мужики «соображали»
«Поутраине» у ларька.
Руки с мелочью дрожали.
Тяжко было мужикам.
Как обычно, не хватало
Трѣшки или пятака.
Пустяка недоставало
Для здоровья мужикам!

Им бы только подлечиться,
Им бы только по сто грамм –
Жизнь телегою помчится
По ухабам и буграм!
Им бы только бы работу
Кто-то стоящую дал,
Им бы только, чтобы кто-то
Дома к ужину их ждал,
Им бы только бы получку,
Не позорную, и в срок,
Им бы только жизнь получше,
Уважения чуток,
Им бы только не стесняться
Жизни нищей. А пока –
Похмелиться и проспаться.
Полегчало б мужикам!

И стоят «левши», поэты,
Музыканты и «бомжи»
За шекспировским ответом:
– Или пить?.. – Или не жить?..

21-23. 02.04г.

* * *

Всё странно началось –
И странно завершилось,
Чего-то не нашлось –
И что-то не решилось;
Чего-то не жилось,
И что-то не зачалось –
Одно не началось,
Другое – не кончалось!
Ни разу не пришлось
По жизни, как хотелось...
Что было – то прошло
И дымом улетело!

* * *

Ни медали не надо, ни ордена,
Ни зарплаты, ни даже жилья,
Лишь жила бы любимая родина,
Дорогая Россия моя!

Стало вольно ругать и охаивать,
Сыновей от призыва скрывать,
Деревенских – «палёнкою» спаивать,
Городских – «наркотой» добивать!

Слабаки «за бугор» поехали
На «халявные» с маслом хлеба,

И кичатся чужими успехами,
Нам же здесь, мужики, разгрести!

Здесь, в России, холодной, неистой,
Чуждой жирных буржуйских основ,
Нам самим нашу жизнь надо выстроить —
Чтоб потом не стыдиться сынов!

* * *

Был зимний вечер.
Во дворе собака выла.
В неверном свете фонарей
Пурга кружилась.
Кружило запахи еды
Из окон стылых.
Она не кликала беды —
Она грустила.

Хозяин у собаки пил.
Напившись — плакал.
Кормил нечасто. Чаще бил
И гнал собаку.
Собака предана была
Душой и телом.
Она и покусать могла —
Но не хотела.

Жалела пьяного его —
А как иначе?

Жизнь у него у самого
Была собачья.
Давно покинули его
Жена и дети,
И нет роднее никого
На белом свете.

Еды хотелось и тепла,
Живот сводило,
Но пост покинуть не могла
И тихо выла;
А вдруг проспится, позовёт —
Собаки нету?
Ну как же он переживёт
Досаду эту?!

Мечтаю я опять не стать
Такой собакой...
Судьба прищурилась: «Мечтать
Легко, однако...»

* * *

Это вредная привычка —
Красный свет не замечать;
Очень вредная привычка —
На начальника кричать;
Сильно вредная привычка —
К хулиганам приставать,
И любимые отмычки

У бандитов воровать!
Шибко вредно грабли ставить
В тот же угол всякий раз;
Тёшу с праздником поздравить,
Спрятав кактус ей в матрац;
Спать с боксёрскою женою;
Лошадь в пятку целовать...
Но всего вредней — со мною
При разливе мухлевать!

20.01.2004г.

НЕПОДВЛАСТНОЕ ВРЕМЯ

Как-то время странно длится —
То ползёт, а то — бежит,
То стремится быстрой птицей,
То — резиною дрожит.

Вот бы радости моменты
И мгновения любви
Прокрутить, как киноленту,
Задержать, остановить!

Вот бы годы горя, боли
До секунды спрессовать,
Силой разума и воли
Сократить, упаковать!

Было б счастье — бесконечно.
Было б горе — мигом. Но
Бог смонтировал навечно
Жизни странное кино.

УШЕДШИМ ПОЭТАМ

*... и режут в кровь
свои босые души.*

В.С. Высоцкий

Душа, изрезанная в кровь,
Рождает огненные строчки —
Не пошлое «любовь — морковь»,
А те, что сердце рвут на клочья!

На сердце не наложишь жгут,
На волю рвётся мысль живая.
Поэты жизнь нещадно жгут,
Острее сопереживая...

И потому-то на лету
Внезапно складывают крылья.
Потом —

рыдаем в пустоту,
И рвём рубаху от бессилья!

Февраль 2004 г.

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

А всё-таки, немножко чуда есть
В обычном разговоре телефонном!
Мне почему-то кажется, что здесь
Не просто глупой физики законы.

Не просто ток течёт по проводам
И отклоняет где-то там мембрану –
Я с ним души кусочек передам.
Хочу – совру. Не захочу – не стану!

Текут слова, струится мысли нить.
И даже хорошо, что глаз не видно;
Что можно просто взять – и позвонить!
Похвалят – ладно! Плюнут – не обидно...

Всё вытерпят стальные провода –
Их нервы к напряжению привычны.
А наши нервы терпят не всегда.
И рвутся, в основном,
при встречах личных!

2001 г – 3 марта 2004 г.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Расцвела на столе орхидея
Иероглифом в тайском саду...
Я китайским совсем не владею –
Я и с русским не очень в ладу.
Почему-то Господь не сподобил
Языком орхидей овладеть,
Смысл послания тайного чтобы
В иероглифе том углядеть.
В этих складках небесного шёлка,
В сочетанье белил и румян –
Не хватает российского толка
Без бутылки ту тайну понять!

Снять сермяжную нашу одежду,
Тело нежно укутать в шелка –
Мы лицом-то широкие тоже
(Желтизной не добрали пока),
Научиться обедать без ложек,
И Конфуция на ночь читать...
Только вряд ли всё это поможет –
Всё равно нам Китаем не стать!

Мы частенько бываем «косые»
И желтеем порой. От вина.
А Россия и будет Россией,
Горемычная наша страна!

На окошке – узор от мороза,
 За окошком – позёмка метёт,
 А у нас – не ромашка, не роза...
 А у нас – орхидея цветёт!

ТАЁЖНЫЙ РОМАНС

Пёстрым веером палатки,
 Шумным табором народ,
 Дым костров над фестивальной поляной...
 Что такое нас, ребята,
 Собирает каждый год
 К речке Тулья возле озера Тумана?

Позади дела, заботы.
 Все проблемы – за кормой!
 За душой – рюкзак, палатка да гитара.
 Здесь совсем неважно, кто ты.
 Раз приехал – значит, свой!
 Принц иль нищий, молодой ты или старый.

Здесь гитары до рассвета
 Песни чудные поют,
 Каждый здесь найдёт, чего душа просила.
 Здесь с собой кусочки лета
 В зиму долгую дают,
 Чтоб тепла тебе на целый год хватило!

Здесь с любой души слетает
 Скорлупа и шелуха,
 Открываются сердца к любви и свету.
 Угольком в ночи растает
 Суета и чепуха,
 Жаль, что эта ночь растает, как конфета...

Всё равно не напоёмся,
 Не успеем досказать,
 И палатки крылья сложат, словно птицы.
 Вот и всё. И расстаёмся
 Со слезами на глазах,
 Хоть и знали, что придёт пора проститься!

Вновь работы и заботы,
 Города и холода.
 Вечерами телевизоры, диваны...
 Только мне, ребята, что-то
 Снова хочется сюда –
 К речке Тулья возле озера Тумана!

* * *

Стихи – как благородное вино,
 Ценны не многословьем, но букетом.
 Как рифмой, хрусталём огранено;
 И ароматом балует, и цветом!
 Писать бурду, и пить бурду – грешно!
 Да здравствуют Гурманы и Поэты!

ШИПОВНИК

Женский романс

1

Алым цветом расцвёл на опушке шиповник,
Кружит голову розовый запах шальной.
Этот запах о счастье недавнем напомним:
Счастье было в руках, да прошло стороной!

2

Я с тобою цвела, словно этот шиповник;
За цветами не видела острых шипов.
И понять не могла я, что слово «любовник»
Не всегда происходит от слова «любовь»!

3

Хоть денёчек, да мой! Счастья вечного нету;
Я тебя отобью, украду, уведу...
Ходит горе бок о бок со счастьем по свету,
И другая тебя увела, на беду...

4

Летний ветер шальной бьёт шиповник по веткам;
Облетают с душистых цветов лепестки.
Ветер вдаль унесёт уходящее лето,
Лишь царапинки в сердце шипами тоски...

Припев:

Ой, шиповник! Хочется и колется...
Мой любовник на другую молится!
Ой, шиповник! Веточки колючие...
Был любовник, да любовь наскучила!

ТАТЬЯНИН ДЕНЬ

Была она не влюблена,
А он – слегка влюблён.
Была она слегка пьяна –
Совсем не пьян был он.
Вино «Шартрез» пила она –
И «кока-колу» он,
И был он пьян не от вина,
А от любви хмелён!

И было им вдвоём тепло,
Хоть холодно слегка;
И время речкою текло,
И вдаль несла река;
И, как кораблик на волне,
Качалось всё вокруг;
И дело вовсе не в вине –
Чего бы это вдруг?

А просто – ласточкой в зенит
Уносится душа,

И пульс бубенчиком звенит,
И боязно дышать!
Смешались — лето и зима,
День с ночью, свет и тень —
Как будто мир сошёл с ума...
То был — Татьянин день!

ЧЕТВЁРТАЯ ДОРОГА

Когда, казалось — три дороги:
В «психушку», «ящик» иль в тюрьму,
И пыль в душе, и сбиты ноги,
И жутко было одному,
Ты вдруг, как чудо, появилась
И от обрыва увела.

Ну кто ещё, скажи на милость,
Такие мог творить дела?
Ну кто ещё мог дать надежду?
Кто жизнь мне дать вторую мог?
Никто не сможет — думал прежде...
Теперь я знаю — Ты! И — Бог!

БЕС В РЕБРО

Один, но несомненный плюс,
Я вижу в каждом новом годе:
Чем старше сам я становлюсь —
Тем больше женщин мне подходит!

* * *

«Надежды выношей питают...» —
сказал поэт давным-давно...
Года идут, надежды тают,
А нам — как будто всё равно.

Уж светит лысина сквозь гриву,
Живот предательски висит,
А шаловливый глаз игриво
На юных девушек косит!

Теперь за деньги можно чудно
И угодить, и угостить,
И опыт, «сын ошибок трудных»,
Поможет дым в глаза пустить.

Но, хвост павлиний распушая,
Мужчина, не сходи с ума!
Хоть любит женщина ушами —
Глазами видит всё сама!

8 МАРТА

На 8 Марта небо голубое,
В небе перьевые тают облака.
На 8 Марта встретился с тобою —
Я тебя такого не видал пока.

Кудри бигудями завиты послушно,
Веером ресницы, омутом глаза!
В горле пересохло, как-то стало душно,
И забыл я сразу, что хотел сказать...

Бешено забилося возле горла сердце.
Как пацан, влюбился с полувзгляда я...
Ты в машину села. И закрыла дверцу.
А была машина явно не моя.

Чёрт с тобой, подруга, ездите на «Тойоте»!
В старенький «УАЗик» хмуро я бреду.
Что же вы, девчонки, все так принцев ждёте?
Я же здесь, я лучше, я не подведу!

Я же прибылями так не озабочен,
И не так налоги мучают меня;
Но зато любить могу я хоть полночи!
Ну, а если хочешь — хоть ещё полдня.

Да и где же принцев вам на всех набраться —
Эту жуть представить можно лишь в бреду!
Все мы где-то принцы, если разобратся.
Жаль, 8 Марта только раз в году!

СТАРЫЙ ПЛЮШЕВЫЙ МЕДВЕДЬ

Очаровательный и странный
Из детства мишка у «путаны»
Среди косметик дорогих
На дамском столике притих.

Чего-то всё же он дороже —
Повытерт плюш, помята рожа,
Но в глазках-пуговках душа,
Как у грудного малыша —
Чужда корысти и разврата.

А мир жесток. И нет возврата.

Лишь где-то, в глубине души,
Комочек плюшевый пришит...

30.11.2004 г.

* * *

В любви бывает иногда,
Что сам процесс важнее награды,
А цель достигнута, когда —
И ничего уже не надо!

Потом — похожи дни на дни
И не похожа быть на сказку...
А результаты — вот они:
Орут в кроватках и колясках!

Октябрь 2004г.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

*Микропоэма в стихах
и с грубой прозой*

ОН

Разреши за тобою ухаживать,
С полувзгляда желанья ловить,
Паутиною слов завораживать
И нескромные сны оживить,
Разбудить неземные желания,
Трепет сердца и песню души,
И хмельную волну обожания
В этот миг подарить разреши!

ОНА

Разреши за собою ухаживать,
О безумной любви говорить,
Кавалеров ненужных отваживать
И охапками розы дарить!
Разреши ему ревностью мучиться,
Благородства являть чудеса,
Даже если не очень получится –
Неумелые рифмы писать;
Будь сперва недоступной, загадкою –
А потом вознеси к небесам!
Пусть он, глупый, считает украдкою,
Что добился он этого сам!

ПОЭТ

Я могу ледники размораживать,
На вулкане картошку варить,
Я могу за тобой поухаживать –
И шутя целый мир подарить!
Ты увидишь вершины хрустальные –
И на самое спустишься дно;
Мы, поэты, всегда ненормальные –
Но – нормальной других всё-равно!

ГРУБАЯ ПРОЗА

Слушай, хватит за нею ухаживать,
В ступе воду словами месить,
Обещаньями «уши разглаживать» –
Не пора ли уж в ЗАГС пригласить?!

* * *

Я гляжу в твои серые очи,
Я держу твою руку в руке.
Отчего-то тревожно мне очень,
Словно стонет набат вдалеке.

Я и грешен, и счастлив безбожно!
Ты за кражу себя не кори.
Счастье даже купить невозможно,
Можно только терять. И дарить!

ЗВЕЗДА

Кто дал тебе такое право —
Мне душу на кусочки рвать,
И чёрной ревности отраву
По капле в ранку подливать?

Пусть не красавец я, так что же?
Пусть не могу дворцов дарить,
Зато в душе, дворцов дороже,
Звезда лампадкою горит!

Бывает, я впотьмах плутаю
В трущобах собственной души —
Она тихонечко мерцает
И осветить мне путь спешит!

Быть может, воля Провиденья
Моею действует рукой,
Когда неясные виденья
Ложатся чёткою строкой:

Мгновенья радости и боли
Словами я могу дарить,
Пока Звезда Любви и Воли
В душе хоть чуточку горит!

Быть может, я не прав.
Быть может!

Дай Бог, чтоб ты была права!
Моя Звезда и здесь поможет.
Не надо только душу рвать!

* * *

Я знаю, мне за всё воздастся,
Но такова душа моя,
Что не могу не наслаждаться
Общеньем с женщинами я!

Пускай как могут, так и судят.
Кто понимая, кто кляня.
Общенье — это роскошь, люди!
Авось, Господь простит меня!

ССАДИНА

Отчего так порою болит
То, что мы называем душою?
Доктора до сих пор не нашли,
Бестелесное и небольшое...
И всего-то с ладонь малыша,
И живёт между горлом и сердцем.
Но порой так мешает дышать,
Словно жгучим присыпано перцем!

Отчего так порою сильно
То, что мы называем любовью?
Ведь, казалось — забыто давно,

А бессонница льнёт к изголовью!
И всего-то: мгновенье одно,
Дуновение ветра, не боле.
Глуповато, наивно, смешно,
Страшновато, но сладко до боли!

Отчего так порою саднит,
Словно сбитое в детстве колено?
Я попробовал сердце винить,
Оказалось – душа приболела!
И всего-то? Зачем же скулить,
Экономить на чувствах напрасно?
Между горлом и сердцем болит;
Значит – жив ещё. Ну и прекрасно!

Л. П.

Твой голос льётся и журчит,
Как трель соловушки в ночи,
И нежных звуков благодать
Стремится слух мой услаждать;
Душа ликует, и она
Поражена, обнажена;
И я молчу, заморожен,
И нерв до боли обнажён...

Мне всё равно, о чём поёшь;
Ты – наслаждение моё!

* * *

У гитары женская душа;
Оттого она в руках мужчины
Может затаиться, чуть дыша,
Может горько плакать без причины,
Может от восторга хохотать,
Может застонать от наслажденья,
Может и тигрицей злобной стать,
И мурлыкать кошкой в умиление!
Женщине – её не покорить,
Хоть и тоже тренькают со скуки.
А гитара – нежность подарить
Может, лишь попав в мужские руки!

* * *

Пригорюнились цветы на окне...
Боже, может – так же ты обо мне!?
Их тревожит законный мороз,
А по коже – лишь дорожки от слёз...

В тёмном небе золотая Звезда.
Вот бы мне бы улететь бы туда!
Там не плачут от мороза цветы;
Это значит – будешь счастлива ты!

Там друг друга не ругают, не бьют,
И задумчивые песни поют,
И гитары там звенят до утра,
И всегда поймут меня у костра!

И соседей любят там, и гостей,
Уважают стариков и детей,
Там без зависти живут и вранья;
Это значит – буду счастлив и я!

Пригорюнились цветы на окне...
Боже, может – так же ты обо мне?!
Ты не плачь – оно бывает зимой.
Полетели лучше вместе со мной!

* * *

Не кляни ни тюрьмы, ни вокзала,
Ведь судьбы не читается нить.
Если вдруг тебя жизнь наказала –
Не пытайся кого-то винить.

Не жалею ни богатства, ни власти.
Даже если сегодня всё есть –
Завтра может пропасть в одночасье.
Самоценны лишь вера и честь.

Чтоб душевный покой не нарушить,
Надо ближних любить, как себя.
Ценность вечную – чистую душу
Не сберечь, никого не любя!

Ноябрь 2004 г.

НЕ ПОЙМИТЕ МЕНЯ ПРАВИЛЬНО...

То ли мало секса,
То ли лишку шнапса,
Пуля соли в кексе,
Пулей в тексте клякса;

То ли нет свободы,
То ли лишку воли.
Словно пули годы –
Пулю в сердце, что ли?

У виска покрутят,
Поведут к врачу.
С этим ведь не шутят!
...А я и не шучу.

Сентябрь 2004г.

РИКОШЕТ

Вот и опять просвистело –
Как бронебойный в войну!
Что же, судьба, ты хотела?
Предупредить? Припугнуть?

Вскользь зацепила «болванка»;
Видно, крепка у меня –
Как у солидного танка –
Сверху на «башне» броня!

Если бы чуточку ниже?
Если бы сам я подрост?
Господи, я ж ненавижу
Запах пластмассовых роз!

Стали ценнее минуты.
Ангел подставил крыло?!
Значит, так нужно кому-то,
Если опять повезло!

ДЕД ВЕРНУЛСЯ С ВОЙНЫ

*Памяти деда моего
Валериана Андреевича Петрова*

В предвесенние, в сорок втором,
Дед вернулся израненный в дом.
(Их немного осталось, поверьте –
Разминувшихся чудом со смертью
в подмосковных ноябрьских полях).
Долго маяли в госпиталях.
И списали: изранен, контужен;
Красной Армии больше не нужен.
«Подлатали» солдата: – Держись;
И налаживай мирную жизнь!

В провонявшей карболкой шинели;
Ковылял по избе еле-еле –
Видно, кости срослись ещё плохо!
Оступившись нечаянно, охал...

Подружились с соседом, Кириллом –
Тоже был инвалид-фронтовик;
Выпивали на кухне, курили;
И о чём-то своём говорили –
Только им был понятен язык.

Бабка деда лечила травами
И коровьим парным молоком.
Толковала соседка Клава:
– Худо-бедно, а всё с мужиком!
Вдов-то, ныне, почти полсела...
Дед неловко тянул:
– Да-а! Дела!

И вздыхал, будто был виноват,
Что живым возвратился назад.

О войне говорил без охоты:
– Ну, чего говорить про пехоту...
А Кирилл был за деда горой:
– Твой Валерий, Лариска, – герой!
Ты подумай сама: две медали.
В сорок первом «зазря» не давали!

Всю весну «отходил», поправлялся;
Во дворе понемногу копался.
То одни, то другие заботы.
Очень сильно скучал без работы:
До войны был историком в школе.

Звали в школу; и рад бы, но боли!
Ниже сердца – осколок «живой»
(Удалить невозможно его...).

Как же жить без любимого дела?
Вариант не устраивал деда!
– Ерунда. Вот чуть-чуть подлечусь,
Да опять на работу вернусь.

И в июне, собравшись тайком,
Укатил на неделю в Райком.

Возвратился, довольный собой:
– Есть приказ. Продолжается бой!
«Направляем директором школы».
Бабка в рёв: – Обалдели там, что ли?

– Слушай, мать, ты заканчивай визг;
Я ж с двадцатых еще – коммунист.
Дисциплина партийная, братцы!
Всё. Отставить. Давай собираться.
Не впервой: проживём как-нибудь.
Собирай-ка пожитки – и в путь!

Кочевали по школам, поселкам;
Так нигде и не пожили толком.
То бараки – сплошное гнильё,
То избушки худые – жильё.
Дети, четверо, часто болели.
Всё же Бог уберёг – уцелели.

Нет бы деду чуток подлечиться;
– Не могу: детям надо учиться;
Не освою программу, отстанут...
... Только раны – нет-нет, да достанут!
Было – прямо во время урока
Дед внезапно смолкал и бледнел;
Шел к столу очень медленно, боком,
Обронив неисписанный мел.
– Что, Валерий Андреевич, Вам худо?
– Ничего, обойдется покуда.

Посылал все болячки он к черту...
Но однажды, в полсотни четвертом
(Жили в городе Ханты-Мансийске)
Смерть подкралась совсем уже близко.

Так, с урока – и прямо в больницу:
– Всё, Андреевич, будем лечиться.

Их набралось к весне две палаты:
Как и дед – бедолаги-солдаты.
Оперировались, выживали.
Как могли. Было, и умирали.
Не во всём ведь сильна медицина!
А война всё стреляла им в спину.

Тем не менее, жизнь продолжалась.
Ах, весна! И сестрички влюблялись...

Всё нелепо и просто случилось:
На свиданье сестра торопилась,
Перепутала препараты.
Ночью... умерли обе палаты!

Н-да! Такой вот финал невеселый...
Провожали солдата всей школой,
На кладбище – в Чапаевский лог.

Помогали семье, кто чем мог.

Так ли важно теперь, чья вина?
Знать, судьба им такая дана:
Про «подранков» война не забыла;
Через годы нашла ... и добила!

02.05 г.

ГАРМОНИСТ И МЕДВЕДЬ

Про гармонику и мишу,
Я однажды случай слышал.
Было это, говорят...
(Дай бог памяти)
В общем, мн-о-ого лет назад.
Раньше, тут в лесах немало,
Всяких случаев бывало.
(Глухомань, медвежий край,
Сплошь – тайга, хоть год гуляй!)

Деревеньки небольшие,
Да и люди проще жили.
Если ты в какой беде,
Всякий рад помочь тебе.
Если свадьбу кто справляет,
Всей деревнею гуляют.
А на ней, как повелось,
Гармонист – желанный гость.
На почётном сядят месте,
Чтобы ближе был к невесте.
– На ко, чарку выпивай,
И наяривай, давай!

Перепляс начнут подружки;
Сыплют бойкие частушки.
Парни тоже, не зевают:
Им частушкой отвечают.
– Й-ех! Тряхну-ка стариной, –
Крикнет, выпив, тесть седой.
Да ка-а-к вдарит трепака;
Пыль столбом до потолка!

Гармонисту, знай, подносят,
Да играть погромче просят.
Парень этот был талант,
Настоящий музыкант.
Он и внешне – ничего:
Плечи – во! Ручищи – во!
Голосист, кудряв, речист;

Самый лучший гармонист.
 Как-то летнею порой,
 Шел с гулянки он домой,
 из соседнего села.
 Во дворе уж ночь была.
 Куролесит по дороге,
 Перебрал – петляют ноги.
 И про море, про Байкал,
 Песню громкую орал.

Ведь, идти по лесу ночью,
 Жутковато, между прочим.
 Это, все-таки, не день. –
 Что там: леший или пень?
 Ведьмой кажется коряга.
 Трусит малость наш парняга.
 Рвёт гармошку во всю мочь,
 Громкой песней будит ночь.

В двух верстах собаки лают.
 Ноги ходу добавляют.
 Ободрился: – Мне полати,
 Были б очень даже кстати.
 Вот пенёчек у дороги,
 Отдохну, устали ноги.
 Ну, не пень, а, прямо – стул.
 Сапоги переобул.
 – Фу, ты, ну, ты!
 С этой пьянки,

Комом-жомом все портянки.
 Сзади треснул, вдруг, сучок.
 Обернулся паренёк.
 И...давай глаза тереть:
 Позади стоял МЕДВЕДЬ!
 Страхом парня подкосило:
 – Тьфу ты. Сгинь, нечиста сила!
 Знать привиделось «опеть».
 Нет, однако. Сам медведь.
 Пьян, а верно разглядел.
 И ...почти, что отрезвел.

Мишка сыт. Настроен мирно.
 Метрах в двух уселся смирно.
 Парень думает: – А, может,
 Разойдемся, бог поможет,
 Стал тихонько привставать,
 Мишка – ближе. И – рычать.
 Парень к пню прилип опять,
 И со страху стал играть.

Много знал он разных песен,
 Грустно голову повесил:
 – Эх, прощай, хмельная жись,
 Смерть пришла, хоть в гроб ложись!
 Мне под музыку, видать,
 Веселее помирать.

Пропадать, так пропадать.
 Стал «Подгорную» играть.

Нет! Не трогает медведь.
Парень начал песни петь.
Уж устал, а все играет,
А медведь – не отпускает.

Видно, истинный ценитель,
Был тот мишка, не любитель!
Да еще, лохматый тать,
Начал тихо подвывать.

Гармонист в азарт вошел,
Первым голосом повёл.
Мишка, тоже – во всю глотку.
Только рёв по околотку.
И на десять верст в округе,
Люди слушали в испуге,
Как гармошка надрывалась.
Дело к утру подвигалось.

Утром ехали с реки,
На телеге мужики.

Стук колес едва слыша,
Шась в кусты, и сгинул миша.
Парень вовсе обалдел:
На телеге даже пел!

Говорят, что еле парня,
От гармошки оторвали.

Позже стали говорить:
– Гармонист-то бросил пить.
И вообще, остепенился,
Мол, не так давно женился;
По гулянкам бросил шляться,
Стал хозяйством заниматься.
Да к тому же, наш герой,
Из деревни – ни ногой!

1980 г.

ПОСЛЕДНИЙ ВЕТЕРАН

*Ветеранам ВОВ села Алтай
и Кондинского района*

1

– Здоров, земляк!
– Здорово, дядя Вася!
– Притормози! Куда так разогнался?
– За хлебушком, из школы по пути;
Потом на консультацию идти.
– Ты вечно, на бегу, да в суете.
Детишки-то, гляжу, сейчас не те!
– Георгич, всё меняется на свете:
Другие времена – другие дети!
Порой ещё подумать крепко надо:
Кто потрудней – родитель или чадо?
И что мы об учительской работе?
Давно не виделись. Скажите, как живёте?
Да и, вообще: здоровье ваше как?

— Что в старости хорошего, чудаки?
«Болячки» допекают, как всегда.
Теперь вот, вишь, со зрением беда.
Но я не жалуясь; такая нынче жисть!

И... всё: поговорили, разошлись.

Мы живы, ну, и, значит, всё нормально!
Обычный разговор односельчан.
А мне ещё подумалось печально:
«Старик-то — наш последний ветеран».
Не выдержав, гляжу украдкой вслед:
— И, слава Богу, крепок ещё дед!

Он, словно бы почувствовав мой взгляд,
Вдруг обернулся: — Что не весел, брат?
И пошутил: — Не вешай нос, Сергей;
Равнение налево, хвост — бодрей!

2

Здоровуюсь со встречными; киваю.
Иду домой. Попутно размышляю:
— Увы, увы — года бегут, летят,
И мне, уж, самому под пятьдесят.
А кажется, немного лет назад,
Картина вспоминается иная:
На митингах, в честь Дня Победы, в мае;
У стелы, к возложению венков,

Сходилось всё село: порой бывало,
Что клубное крыльцо едва вмещало,
Весь ряд односельчан — фронтовиков.

Простые мужики — сибиряки:
Не сразу углядишь в толпе народа,
А вместе — монолит! Фронтовики!
Надёжная, кремнёвая порода!

Под майским солнцем множество наград,
Особенно, торжественно сверкали.
А мы, в колонне стоя, толковали:
— Глядите, пацаны — вот это ряд!

Орлы отцы! Хоть нынче — на парад!

Но годы шли, и... таял, таял ряд.
И тихо уходили ветераны,
В заоблачные, светлые урманы,
Где нет врагов, и нет былой вражды.
Смывая с троп знакомые следы,
Всё плакали осенние дожди,
Укутывая в серый саван лес,
Кричали вдовам журавли с небес:
— Не жди!
— Прощай, рыбак, навеки, навсегда, —
Печалилась кормилица — Конда.

Вплетались выюги в серебро седин.
Похоронил друзей.
Теперь – за всех один!
Ссутулился и видит очень плохо.
А за плечами – долгая эпоха,
Вместившая в себя немало бед,
И кровью захлебнувшихся побед.

Он был горяч и юн, как вся страна,
Что пела песни о грядущем счастье.
Всё рухнуло однажды в одночасье:
Пришел июнь, и с ним пришла война!

Как и в труде, в военные години,
Не подличал, не прятался за спины.
Артиллерист, сапёр или пехота;
Такая, значит, выпала работа.

Железные полки сибиряков,
Не дрогнули под натиском врагов.
У стен Москвы, в руинах Сталинграда,
Свой ратный долг исполнили как надо!

Госпиталя, бои, бомбежек ад –
Всё вытерпел, всё вынес наш солдат,
И путь его – от Волги и до Праги,
Путь героизма, чести и отваги!

В тылу трудились, верили и ждали.
Да всей деревней женщины читали
Скупые «треугольнички» с фронтов:
«Мол, – Жив, здоров!
Чего и вам желаем.
Сейчас без остановки наступаем,
И бьём с однополчанами врагов».

Но каждый шаг вперед, и каждый бой,
Оплачены кровавою ценой!
А сколькими смертями заплатили?!
Молчат об этом братские могилы
вдоль фронтовых израненных дорог.
Сгоревший танк, да оспины – воронки,
И серые бумажки – «похоронки»:
«Пал смертью храбрых» –
Скучно о беде.
И жутко выли бабы на Конде.

Он выжил;
Не достала смерть-старуха.
Добил войну, и новый враг – разруха.
Сил не жалел, не бегал от работы;
Добавились семейные заботы.
Дочь вырастил; хороших сыновей –
Порядочных, заботливых людей.

Детей не баловал; старался быть примером.
И старший сын, и младший – офицеры.
Избрали труд, и риск во имя жизни,
Профессию – защитников Отчизны!

А в сны его врывается война:
Он вновь – в атаке; бьется врукопашной...
Трясёт за плечи по ночам жена:
– Проснись! Проснись!!
Чего кричишь так страшно?

А по щеке его, непрошено – слеза;
Он прячет виноватые глаза.
– Чего стыдишься?
В чём твоя вина?
Всему виной – проклятая война!
То испытанье памятью войны:
Десятки лет – одни и те же сны.

Я знаю – редко плачут ветераны.
Спроси о том ночную темноту:
Бессонница и боль неведомую –
Терзают недолеченные раны!

Но от обиды, горшей во сто крат,
Слезу мог уронить порой солдат;
Когда ему плевали нагло в душу,
Холодным равнодушием чинуши!

Короткий этот майский разговор,
В подробностях, я помню до сих пор.

Старик болел, и мы встречались мало.
А в августе Георгия не стало.
Прошёл свой путь, исполнив до конца,
Долг человека, долг солдата, долг отца.

Меня холодный разум убеждает:
– Пойми: людей бессмертных не бывает.
Ведь, ход времен не ведает сомнений –
Закономерна смена поколений.
Бессмертна память. Смертно только тело.
А чувство – всё село осиротело!

Торопимся, чего греха таить.
В стремлении добыть, продать, купить,
О мёртвых и живых мы вспоминаем,
В День пожилых, да в День Победы – в мае!
И только ли у нас, а по стране?
Всё почему-то думается мне,
Что эти старики в себе носили
И боль, и совесть Родины, России!

Умела ли ты, Русь, ценить седины,
Тех, кто сберёг тебя в тяжёлые годы?
Осталось мало их; растёт в душе тревога.

Живите же, родные, ради Бога.
И те, кто воевал, и кто в тылу работал.
Беречь вас — наша главная забота!
И помнить не вернувшихся с войны,
Священный долг народа и страны!

30.10.04 — 4.11.04 г.

СТАРИКИ

На пригорке, у самой реки,
В трёх избёнках, от времени серых,
Доживают свой век старики:
Клим, Трофим; третий дом — бабы Веры.

Три окошка глядят на восход
На заречные синие дали.
Иногда проплывёт теплоход;
Скрипнут доски на старом причале.

Развалилось село, а народ,
Разбежался «по весям и градам».
Лишь черёмуха буйно цветёт,
По заросшим крапивою оврагам.

И остались одни старики;
Помогают друг другу по-братски.
На троих — двести лет, а крепки;
Люди прочной, кержацкой закваски!

Шустрый, кругленький, маленький Клим —
Матерщинник и спорщик безбожный.
Бородатый, высокий Трофим —
Работящий, спокойный, надёжный.

Баба Вера чужда суеты;
Худошавая, среднего роста.
На лице — след бывшей красоты.
Одевается скромно и просто.

И, хоть с виду — сама доброта;
Клим при Вере словарь убавляет.
Есть какая-то в ней чистота,
Словно в храме, где грязь оскорбляет.

Соцработник не раз приезжал;
Зазывал — в интернат престарелых.
И стыдил, и ругал. И...отстал:
— Как хотите. А мне надоело!

Депутат пару раз побывал;
Проворчал: — Что поделаешь с вами!?
Но, мужик — молодец: помогал,
И ремонт провести, и с дровами.

После пенсии, Клим запряжёт
кобылёнку, и едет на бричке
до райцентра; оттуда везёт,
Пуд муки, керосин, соль да спички.

Иногда застучат каблучки
на крыльце, почтальоночки Светы,
– Вот вам пресса. Привет, старички!
Всей-то прессы – «районка»-газета.

Неприменно чайком напоят,
Да проводят к почтовой ГАЗели.
И усядутся друженько, в ряд,
Обсудить ход событий недели.

Дед Трофим надевает очки,
И отчётливо, громко читает.
(Туговаты на слух старички)
Ну, да в старости с кем не бывает.

Скажем, Клим начинает ругать,
Вялый ход коммунальной реформы.
А Трофим: – Тут у нас, мол, опять,
Не совсем совпадают платформы.

И заспорят:
– Молчи, дерьмократ!
– Коммуняки своё отрулились!
Разругавшись, по избам сидят.
А наавтра уже помирились.

– Вымирает страна; стало быть,
В де-мо-гра-фии надобна мера.
– Нищету что ли бабам плодить!? –
Говорит рассудительно Вера.

– Так, ведь, бабы на то и нужны,
Чтобы пахарей, воинов рожали.
– А потом не дожидаться с войны!
– Вер, прости.
Старики замолчали.

До войны был известен колхоз
Трудовыми рекордами Веры.
Женихов возле девки вилос!
Клим с Трофимом – в числе самых первых.

А она, к удивленью села,
(В душах женщин пойдя, разбирайся),
Своё сердце навек отдала
Трактористу, курносому Васе.

Эх, на свадьбе народ погулял!
(Ради Веры, колхоз не скупился.)
Клим кадрили на гармошке играл,
А Трофим – от обиды напился.

Веселилось село допоздна.
(День субботний – позволили власти.)
Кто же знал, что наавтра – война.
И... закончилось Верино счастье.

Женский плач вторил плачу гудков.
Лишь бодрилась гармошка визгливо.
Увозил пароход мужиков:
И Трофима, и Васю, и Клима.

Разбросала война земляков,
От Карелы до тихого Дона;
И о судьбах соседей дружков
Узнавали по письмам из дома.

А войне всё не видно конца.
Иногда до родимой сторонки,
Фронтовое письмо от бойца,
Доходило поздней «похоронки»!

Клим на фронте баранку крутил.
(Как «поддаст», его если послушать –
Он фашистов один разгромил
На своей легендарной «Катюше»!)

И любовь свою там же нашёл:
Медсестру в полковом медсанбате.
Капитан говорил: – Ну, орёл!
Даже женится парень на Кате.

В сорок пятом, в Литве, эшелон,
Обстреляли «зелёные братья».
Лишь две пули попали в вагон;
И одна – в сердце Катеньке-Кате.
Клим тогда – поседел! Тосковал.
С фотографией милой в кабине,
мстил врагам, как умел; воевал
до последнего залпа – в Берлине.

Воротился в родное село.
Мать сказала: – Довольно печали:
Эвон, сколько невест подросло!
Мол, женись; вот, хотя бы, на Гале.

Был женат; и не раз, но – «гулял».
Больно влюбчивый; меры не знает.
И однажды Трофиму сказал:
– Бабы этого не понимают!

Друг сердито ворчал: – Вот беда!
Что ты головы бабам морочишь!?
Жизнь одна, и любовь – навсегда!
Разберись, наконец: чего хочешь?

Клим, возможно бы, и возразил;
О коварности женской, к примеру,
Но смолчал: ведь, Трофим-то любил,
Несмотря ни на что, только Веру!
– Уж, таким уродился – в отца,
Мать, бывало, вздыхала покорно!
– Как упрётся – стоит до конца;
И помрёт, но добьется. Упо-орной!

Это свойство природы, его
на войне, да и после, хранило.
Натерпелся же парень всего;
Тут и на две бы жизни хватило!

А на фронте Трофим был орлом:
Бортстрелком на стремительном «Иле»;
И везучим, но в сорок втором,
их машину на Волховском сбили.

С перебитой ногою, пилот,
Поминая фашистов и чёрта,
Дотянул до земли самолёт.
Так и плюхнулись – брюхом в болото!

Две недели Трофим – бортстрелок,
Волоча на загровке пилота,
По тылам, в стороне от дорог,
Добирался до линии фронта.

Чудо, нет ли, а Бог сохранил:
Вышли к нашим.
С учётом раненья,
Лейтенанта отправили в тыл,
А Трофима – «до выяснения».
Между делом, хоть выспался всласть.
Вскоре вызвали и объявили:
– Ну, курортник, катись в свою часть.
Кстати, вас там уже... схоронили!
На «попутках» отправился в полк.
– Телеграмму пошлём, если хочешь.
Подполковник вздохнул: – Н-да-а, сынок;
«Похоронки» теперь не воротишь.
И опять – боевая страда;
Все бои не припомнятся даже.

Прилетали «домой» иногда,
С полусотнею дыр в фюзеляже!

А везло, или нет – как судить?
Есть приказ, боевая работа;
И при этом, не дай себя сбить.
Тут уж дело стрелка и пилота.

Через год – оказался в плену.
Чистый случай: в беспамятстве взяли.
(Над мостом через Березину,
при штурмовке, зенитки достали.)

А потом – рудники и барак.
«Рейх» нуждался в дешёвой рабсиле.
Был побег, да куда – от собак!
Конвоиры едва не добили.

В эшелоне Трофим разузнал:
Их везут в лагерь смерти, под Краков.
Разобрав пол в вагоне, бежал;
Партизанил в отряде словаков.
Позже, вышел к своим. Только, зря
не сберёг при бомбёжке бумаги.
Как докажешь? И вновь... лагеря,
(Из-за плена) – в родимом ГУЛаге!
Весь кошмар повторился опять:
Нары, пайка, конвой и собаки.
Повезло или нет – как сказать?
Но нашли его чехословаки.

Как сыскали? Другой разговор.
 Комендант прорычал: – Вот же... в дышло!
 Что ж, ты, парень, молчал до сих пор?!
 Свечку ставь, что амнистия вышла!
 Отпустили! Сам консул вручил
 Высший орден; на том основании,
 что Трофим героизм проявил,
 В знаменитом словацком восстании.

Вот и дома! А Клим – обормот,
 Уж орёт, извещая бабёнок, –
 – Ой! Смотрите: покойник идёт!
 Отощал – после двух «похоронок»!
 – Всё шутикуешь? Здорово, сосед!
 Обнялись. Клим вздохнул, прослезился,
 – Ёлки-палки! Одиннадцать лет!!!
 Хорошо, что воскрес; воротился.

Вера Ваську-то ждёт до сих пор.
 (Сгинул – «без вести», в сорок четвёртом).
 Ух, – характер! Один разговор:
 – Мол, никто, ж, не видал его мёртвым!

С сорок первого Вера жила
 Ожиданием весточек с фронта;
 Как и многие жёны села,
 Заглушая тревогу работой.
 Письма добрые издалека
 Грели сердце, несли утешение:
 – Жди, родная! Победа близка.
 А потом, вдруг, пришло сообщение...

Попросила на фронт отпустить,
 Но Райком отклонил, возражая:
 – Ваше дело – страну накормить.
 Бейтесь, милая, за урожай!

Годы шли; объявился Трофим.
 Не сказал, но понятно – откуда.
 И одним возвращеньем своим,
 Пробудил в ней надежду на чудо.

А Трофим своих чувств не таил.
 Вера разумом всё понимала:
 – Любит так же, как прежде любил!
 Жаль, но Верино сердце молчало.

Дни бежали, и лет череда,
 Как речная вода на ладони:
 Что ушло – не вернуть никогда!
 То, что в завтра – никак не догоним!

Наша Вера упорно ждала.
 Может, в пику всем кумушкам местным,
 Из детдома мальчонку взяла;
 Воспитала бесстрашным и честным.

Сын – Володя, вырослел, и мечтал,
 Стать десантником-офицером.
 И всегда почему-то считал
 Жизнь Трофима – хорошим примером.

Вера знала об этих мечтах,
И под сердцем опять поселились
Те тревога и колющий страх,
Что, казалось, с войны позабылись.

Был, к тому же, ещё вариант,
Тот, что прочили все педагоги:
— Сын у вас — медалист, мол, талант;
И пойдёт по научной дороге.

Только Вере ли сына не знать.
Как-то, встретив Трофима, сорвалась,
— Перестань на Володьку влиять!
Мало, что ли, на фронте досталось?!

Клим орал: — Верка — дура, как есть!
Раскудахталась, язви ты в темя.
Офицер! Это... это — мужество, честь!
И потом, нынче — мирное время.

Сын сумел на своём настоять;
Крепко ратному делу учился.
— Вот бы Васе об этом узнать.
Он бы нашим Володей гордился! —
Рассуждала довольная мать.
На уме уже было другое:
— Не пора ли невесту искать.
Наше дело теперь молодое!

Служба. Отпуск. Родительский дом.
— Сколько будешь гулять неженатый?!
— Всё, мамуля, своим чередом:
И невестка тебе, и внучата!

Но, дано ль нам предвидеть судьбу?
Дали сыну уже капитана.
Ждали в отпуск; вернулся — в гробу
Из далёкого Афганистана!
Как от горя с ума не сойти,
Когда скорбь твоё сердце сжигает;
Не сломаться и силы найти,
Только русская женщина знает!

Эти силы в душевной борьбе,
Обретали и ныне и прежде,
Не вовне, а, скорее — в себе:
В женской вере, любви и надежде.

Вера горе смогла превозмочь,
Что согнуло, казалось, вначале,
Постепенно рассеялась ночь
Беспросветной тоски и печали.

Как-то Клим заглянул. Посидел,
— Понимаешь, тут дело такое:
Наш Трофимка совсем обалдел —
С похорон — в непрерывном запое!
— До чего мужики дурачье-ё!

И отправилась Вера к соседу;
Растрясла, покормила. Ещё
Провела вот такую беседу:
– Хватит! Горя вином не залить.
Доведёшь сам себя – околеешь.
Перестань себя, Троша, корить.
И... прости меня. Если сумеешь!

Как безжалостен времени ход.
Поменялись эпохи и власти.
Ну, а Вера? Ждала пароход,
Что когда-то увёз её Васю.

В День Победы, в хороший денёк,
Старики ордена надевают;
Разведут у реки костерок,
И друзей фронтовых вспоминают.

Поминают добром земляков,
Что остались навек молодыми.
Так, уж, вышло: из всех мужиков,
Только двое вернулись живыми.

На пригорочке, возле реки,
В трёх домишках, от времени серых,
Доживают свой век старики:
Клим, Трофим; третий дом – бабы Веры.

05. 1995 г. – 05.2008 г.

Стихи разных лет

СТИХИ 70 – 80 годов

ТРЕТИЙ КУРС. (ЛЕТО.
ХАНТЫ-МАНСКИЙСК)

В «Муз-педе» – сессия; играем днём и ночью;
Свободных кабинетов не найти,
А за окном – июнь, и, между прочим,
Здесь многим, чуть побольше двадцати!

Как хлеб студенческий порой неблагодарен;
Над пьесою сажу, баян браня.
Сомнение:– А, может, я бездарен;
И музыка, вообще, не для меня?
На этой стадии решаю прогуляться.
Шаг – 2/2; ремарка – «не спеша».
Иду за «Перековку» любоваться
Разливом удалого Иртыша.
Присел на брёвнышко; простором опьянённый,
Гляжу на прихотливую волну.
Ночь белая укрыла город сонный,
Почти затмив сиянием луну.
Ветра июньские приветствуют как друга;
В них ароматы Северной горы,
Дыхание ромашкового луга
И лёгкий дым – вдали горят костры.
По лунной тропочке девчонкой быстроногой,
Ночь белая торопится в зенит.
Представилось: – Сейчас от мамы строгой

Девчоночке, наверное, «влетит»!
А город кораблём всплывает в утро,
Под парусом оранжевой зари.
На облаке, устроившись уютно,
Луч солнышка над крышами парит.
Могучая симфония рассвета
Вливает силы новые в меня.
И сердце новой радостью согрето
К родной стихии музыки маня.
Жаль, ночь промчалась как-то незаметно.
Пора домой, а завтра буду знать,
Что ждёт меня мое ночное лето;
И вновь приду на берег помечтать.

22.06.1977 г.

ПОЛДЕНЬ

Я с покоса шагаю тропинкой;
Жарко! В травах кузнечиков звон.
Небо знойной подёрнулось дымкой:
У природы полуденный сон.
Вот Конды прихотливая петля
Огибает зелёный мысок.
В тихой заводи бег свой замедля,
Лижут волны шершавый песок.
Выгибая зелёную спину,
Как котёнок под теплой рукой,
Тонкий хвостик опушки откинув,
Тихий бор прикорнул за рекой.

1980 г.

ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Расписал мазками алыми
Вечер ветреный закат.
Солнце скрылось за увалами;
Сосны тёмные шумят.
Берег узенькой полоскою
Убежал за поворот.
Теплоход огнями-блёстками
У горы вдали плывёт.

Ночь плащом дырявым кутает
Подожжённый небосвод;
В дальний плёс, гудком аукая,
Удалился теплоход.
Туча тёмною громадою
Вдалеке утюжит синь.
И тяжёлыми раскатами
Гром тревожит лист осин.

1979 г.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

День затих, приходит вечер,
С мягким шелестом берез.
Светом розовым подсвечен
На реке широкий плес,
Сосен темные макушки
Тают в зеркале Конды.

И далёкий крик кукушки,
И журчание воды
слышны в воздухе прохладном.
Из низин ползёт туман;
Слился с небом неоглядным,
Неба синий океан.
Вот закатная полоска
Растворилась вдалеке.
Засверкали звезды-блёстки,
Ночь настала на реке.

1979 г.

* * *

Племяннику Дениске

Я с работы прихожу,
И к племяннику спешу.
— О! Да ты всю уж лазишь!
А сестра кричит мне:— Сглазишь!

Суеверная совсем.
— Слушай, я ж, его не съем!
Доник, ну-ка, поиграем,
Мячик яркий покатаем!

Нос измазал шоколадом;
Всё ему потрогать надо.
Ух!!! Разбил флакон духов,
И с испугу поднял рёв.

Он доверчивый такой,
Любопытный и смешной.
На головке волосинки,
Невесомей паутинки!

И смеётся звонко-звонко.
Бело светятся зубёнки.
Спать пора. Приходит вечер
До свиданья, Человечек!

1979 г.

ИМЕНИННИЦА РЕКА

Месяц речку одевает
В платье, цвета серебра.
Лесом плечи укрывает,
Словно шкурою бобра.
Ниткой жемчуга озёра
На груди её лежат.
Ветерок принёс из бора
Сосен мягкий аромат.
Ей болота моховые
Туфли мягкие дарят,
И цветами полевыми
Луг вершит реки наряд.
Ветер ласковой рукою
Гладит вод её шелка.
И течёт среди покоя
Именинница река.

1980 г.

ЗАМЕТКА НА ПОЛЯХ

Пишу порой и странно и нелепо,
Мечтами улетаю высоко.
Легко вообразить себя поэтом,
Но доказать стихами – нелегко!

1977 г.

ЛЕСНАЯ НОВОСТЬ

Берёз кудрявые макушки,
Бродяга-ветер шевелит.
Ель, притулившись у опушки,
С сосной о чём-то говорит.

Их разговор подслушал ветер,
И на невидимых крылах,
Разносит весть по белу свету:
Шепнёт и спрячется в ветвях.

Осины шумно, громогласно,
Начнут ту новость обсуждать;
Могучий кедр кивнёт согласно,
Предпочитая промолчать.

Качнутся сосны с медным звоном,
На молодняк роняя тень.
Ручей подхватит камертоном,
И невзначай разбудит день.

1977 г.

Иней, сыпя мимоходом.
А по веткам побежали
вдруг оранжевые искры;
Вниз рассыпавшись, упали
Звездопадом: близко-близко.
Ветра тихое дыханье
Белым призраком уплыло.
Ну, а лунное сиянье
Снова ветви оживило.
Сон ли, явь, не понимаю;
Уплывает постепенно,
От дыханья тихо тает.
На стекле узор волшебный.
Мне теперь приснится, знаю,
эта сказка. Непременно!
И исчезнет, как бывает:
С пробуждением — мгновенно.

1980 г.

ТЫ КРАСИВА ПРОСТО ТАК

О.И.

Помню, как-то ты сказала:
— Быть красивою — не мало!
— Я стихами «воспою»
Прелесть дивную твою,
бесподобные черты!
Это — ген. При чём здесь ты?

То родителей заслуга.
Ну, не злись! Не злись, подруга.
Рядом ты. И это — факт!
Ты красива просто так.

1979 г.

ОБСКАЯ ГУБА

Песенный вариант

Не река, не озеро
И еще не море,
Но с морской повадкой
И морской судьбой,
Облако вморозило
В голубом просторе,
Белой куропаткой,
Над Обской губой.

2

День полярный мается,
Солнышко катает
Биллиардным шаром:
Вправо и назад.
П.Т.С. качается,
Буруны гуляют.
И завис над баром,
Снеговой заряд.

Иней, сыпя мимоходом.
А по веткам побежали
вдруг оранжевые искры;
Вниз рассыпавшись, упали
Звездападом: близко-близко.
Ветра тихое дыханье
Белым призраком уплыло.
Ну, а лунное сиянье
Снова ветви оживило.
Сон ли, явь, не понимаю;
Уплывает постепенно,
От дыханья тихо тает.
На стекле узор волшебный.
Мне теперь приснится, знаю,
эта сказка. Непременно!
И исчезнет, как бывает:
С пробуждением — мгновенно.

1980 г.

ТЫ КРАСИВА ПРОСТО ТАК

О.И.

Помню, как-то ты сказала:
— Быть красивою — не мало!
— Я стихами «воспою»
Прелесть дивную твою,
бесподобные черты!
Это — ген. При чём здесь ты?

То родителей заслуга.
Ну, не злись! Не злись, подруга.
Рядом ты. И это — факт!
Ты красива просто так.

1979 г.

ОБСКАЯ ГУБА

Песенный вариант

Не река, не озеро
И еще не море,
Но с морской повадкой
И морской судьбой,
Облако вморозило
В голубом просторе,
Белой куропаткой,
Над Обской губой.

2

День полярный мается,
Солнышко катает
Биллиардным шаром:
Вправо и назад.
П.Т.С. качается,
Буруны гуляют.
И завис над баром,
Снеговой заряд.

3

С якоря снимаемся;
 Разошлась погода,
 А валы катаются,
 Через левый борт.
 Если постараемся,
 За три вахты хода,
 Мы прикувыркаемся
 В гавань Новый порт.

4

Капитан ругается,
 – Вот же, блин, штивает!
 Бакена качаются.
 С Богом! Полный ход!
 А в трюмах болтаются,
 И, пардон, воняют,
 Десять тонн капусты.
 – Кушай, Новый порт!

1976 г.

П. Г.

Песня

Ты ушла; звук шагов замирает вдали.
 Мне бы крикнуть: – Постой! Оглянись!
 Неужели же, всё?
 Хоть зови, хоть моли.
 И дороги у нас разошлись?

Так проходит июнь в сказке белых ночей.
 Без тебя всё – как тягостный сон.
 И хожу я один: и не твой, и ничей.
 И упорно молчит телефон.

Потерялись во времени, недолюбя,
 А сентябрь желтеет в саду.
 Телефонный звонок: – Не могу без тебя!
 Жди меня. Я в пути. Я иду!
 (Припев к песен. вар.)
 Этот путь мы прошли от начала;
 И ещё далеко до конца.
 То любовь, словно цепью сковала
 Беспокойные наши сердца.

1981 г.

ЛОЖЬ

Абажуром на столбах
 Дождь.
 Ты пришла, а на губах
 Ложь!

Ночь повисла на окне –
 Мрак.
 И за что же это мне
 Так.

Ты, наверное, сейчас

Стоит жить!!!

Ждёшь.
Что прошу в который раз
Ложь?

Я читаю по глазам —
Врёшь!
И цена твоим словам —
Грош!

Двери настежь — Уходи!
В дождь.
И с собою прихвати
Ложь.

1984 г.

Н. П.

Как обманчив апрель:
Где под солнцем проталины млели,
Там сегодня метель
Белоснежную стелет постель.
Что нам делать теперь?
Чья вина, что опять не успели
Распахнуть в счастье дверь.
И уходит ручьями апрель.

Если можешь, прости.
Я не твой и теперь уж не буду.

Мне тропу не найти,
Что могла бы к тебе привести.
А ручьям всё нести
Судьбы-капельки к летнему чуду;
И на этом пути,
Каждый счастье сумеет найти!

1985 г.

* * *

*Океанолог Саша Тупилов —
о сайровой экспедиции 1989 года*

Мы долго сайру дожидались,
А сайра всё не поднималась.
В эфире в «капитанский час»,
Японец выходил на нас.

В той реплике японец весь:
— Эй, руси, слушай, сайра есть?
И сам же выдавал ответ:
— Нет сайра, открывай Совет.

Наш капитан сорвался вскоре,
Отбросив всякий этикет,
Ответил так, как на заборе,
Уже не пишут много лет.

От Алеут и до Курил,
Сотрясся в хохоте эфир.

Боясь, что «джап» не всё поймёт,
Корейцы дали перевод.

А «янки» из «береговой»,
Летевший мимо нас домой,
В восторге что-то проорал,
И сбросил виски прямо в трал.

За смелость капитана все хвалили,
Но визу ему всё-таки – закрыли.

1989 г.

НЕ ХАМИ!

Анекдот, песенный вариант

Пример того, как хамам бог готовит кару:
Однажды нильский крокодил попал в Сахару.
Гулял с гиенами рептил и веселился,
А, протрезвев, сообразил, что заблудился.

Лягушек милых не слышать; не видно цапли.
Приходит время помирать – воды ни капли.
И вдруг, откуда ни возьмись, из-за бархана,
идет баран.

А может быть – мираж барана?

Рептил, собрав остатки сил, орёт барану:
– Эй, ты, козёл, иди сюда. Не лезь в барханы.

– Я не козёл!
Ему баран ответил гордо.
– А мне плевать.
Веди к воде, козлячья морда.

Шагают день, шагают два;
и вместо речки
В долине видит крокодил...
стада овечьи.
Баран сказал: «Воды здесь нет,
и вряд ли встретишь,
Но за «козла» ты, крокодил,
сейчас ответишь!»

1982 г. (перераб. 20.04)

ФЕВРАЛЬСКИЙ РОМАН

Греет солнышко смелее
И зима уже не та:
Наша зимушка стареет;
Увядает красота.
Но она еще блистает
В обрамлении мехов.
Кавалеров завлекает
В свой серебряный альков.
А сегодня привлекает
Удалого жениха,
И метелью обновляет
Потускневшие меха.

– Вам румян на щёчки мало?
 Мне для вас, мадам, не жаль.
 И рассвет украсит ало
 Непоседливый февраль.
 Серенадой услаждает
 Слух подруги иногда,
 Меж столбов перебирая,
 Словно струны провода.
 На пушистые сугробы
 Тени синью наведет.
 За капризною особой
 Шлейф поземкою несёт.
 До небес снега вздымает
 Распалившийся буян.
 Но зима уж понимает:
 – Будет короток роман, –
 Стал задумчив. В сердце пусто.
 Не желает угождать.
 И зима вздохнула грустно:
 – Мне его не удержать.
 И ушел февраль тропкою,
 Март с капелями грядёт;
 Он насмешливой рукою
 Макияж зимы сотрёт.
 Плачет старая кокотка:
 – О-о! Соперница сильна:
 Длинноногая красотка,
 Вечно юная весна.

1982 г. (04)

КАРАКОЛЬСКИЕ ОЗЕРА

Песенный вариант

1

Тяжела дорога в горы;
 Группа требует привал.
 Ну, и где же те озёра,
 Что инструктор обещал?

Припев:

Каракольские озёра,
 Россыпь жемчуга среди скал.
 Если не был в Караколах,
 Ты полжизни потерял!

2

Там два «лешие», напару,
 Берегут покой и мир.
 Поет «Лапка» под гитару,
 И гуляет кот – Чифир.

Припев.

3

Кто-то ищет вдохновенья,
 Кто-то ищет красоту.
 Боготаж глядит надменно
 На людскую суету.
 Пр.

Над Белком гуляют тучи.
Дождик – это не беда.
Что нам Крым! Мы летом лучше
Соберёмся вновь сюда.

Припев.

Красота здесь и приволье.
Здесь особых красок мир.
Не теряйтесь, Боря, Толя!
И дождись нас, кот Чифир.

(Горный Алтай. Перевал Боготаж)

1987 г.

СТИХИ 90-х – 2003 гг.

МНЕ БОЛЬНО ВИДЕТЬ...

Мне больно видеть нынешний бардак!
Кто виноват? Кто много лет нам врал?
Все наперекосяк, и все не так.
А прав лишь тот, кто больше своровал!

Кто нынче демократ? Кто коммунист?
Где стрелочник? И где наш поворот?
В кабине полупьяный машинист,
Не знающий, куда везет народ.

Зарплаты нет полгода; вот вопрос:
– Какую ждать ещё от вас беду?
Куда бежать? Страна – не паровоз:
Не спрыгнешь из вагона на ходу.

А я не демократ, не большевик,
Поскольку, верю в бога и отца,
По «заграницам» бегать не привык.
С моей Россией буду до конца.

1991 г.

РУСЬ МОЯ

Эх, ты, Русь моя, Россия –
 Невезучая страна!
 И могуча, и красива,
 И богата, и умна.
 Мы живем своеобычно,
 Как в одной избе большой.
 Европейцы по обличью,
 С азиатскою душой.
 Необъятные просторы:
 Нам бы жить, да поживать,
 Но куда там; лезут воры,
 Чтобы Русь к рукам прибрать.
 Гунны, половцы, монголы,
 крымчаки, Наполеон.
 Бьёшь мечом, колотишь колом;
 Снова лезут на рожон.
 В вековом порочном круге,
 Ко всему мужик готов:
 Крест на шее, длань на плуге,
 Сабля тут же – для врагов!

Русь-Расеюшка родная,
 Видно, жребий твой таков:
 Жить и биться, мир спасая,
 От тиранов и врагов.
 Умирала, воскресала,
 Начинала все с нуля.

И сынами удобряла
 Европейские поля.
 Мы от них не ждем «спасибо».
 Нос воротят от Руси.
 Кочевряжатся спесиво,
 А прижмёт, бегут: – Спаси!

Разлетятся вражьи тучи;
 Убежит заморский бес,
 Так свои ничем не лучше:
 Что с коронами, что без!
 Отсидятся на престоле,
 За народною бедой.
 Просим:– Дай народу волю.
 – Хрен вам! Ну-ка – бороздой.
 – Не даёшь?! Тогда мы сами
 Сможем волюшку найти.
 Взбунтовались, как цунами,
 Всё, сметая на пути!

Есть примета: за шатанье
 Бог безумную страну
 Отправляет в наказание,
 На гражданскую войну.
 Заменяли Марксом Бога;
 Крест – на серп и молоток.
 – Братцы, влево есть дорога.
 – Может, сходим? Будет толк!

Водку пили, песни пели,
Прославляя вожака.
И брели к какой-то цели,
Не заметив тупика.
— Будет всё, что обещали;
Манна свалится с небес! —
Нам вожди с трибун вещали,
Волосатые и без.

А по кухням уж роптали:
— Где обещанное? Где?
Мы все ноги оттоптали,
В окаянной борозде!
Вождь бормочет виновато:
— Это горе — не беда:
Заблудились мы, ребята:
Вышли малость не туда.
Перестроимся направо,
И опять пойдём вперёд.
— Ты бы глянул, кучерявый,
До чего довёл народ!?
Как с похмелья — морда бита,
Возмущённая душа;
У разбитого корыта,
И в кармане — ни гроша.

Мы — народ упрямый, стойкий,
Нас так просто не согнуть.
Одолеем перестройки

И найдём достойный путь.
Мы достойны лучшей жизни:
И Россия, и народ.
Верю я: моей Отчизне,
Наконец-то, повезёт.

1993 г.

ПРОВОЖАЮ XX ВЕК

Обычный новогодний ритуал:
Куранты после речи президента;
Шампанского искристого бокал,
Условная торжественность момента!

Так в прошлое ушел двадцатый век.
Тысячелетие второе тоже, кстати.
Что изменилось?
За окошком тот же снег,
И лают растревоженно собаки.

Людмила с младшей дочкой спят давно;
Дочь старшая ушла на дискотеку.
Смотрю телепрограмму; пью вино.
А что еще-то нужно человеку?

— Скучища! Мой зевок похож на всхлип.
Век новый начинается забавно:
Ветлицкая — её дурацкий клип;
И ретро старых песенок «о главном».

С кем чокнуться? Никто мне не нальёт.
Сиж у запотевшей четвертинки;
И отмечаю то ли Новый год,
То ли по веку прошлому поминки.

Зашел сосед – в компанию зовёт.
Пускали фейерверки, водку пили.
Всё – как всегда: обычный Новый год.
Слегка вздремнул.
Проснулся – похмелили.

Вошла Россия в двадцать первый век.
Село гуляет. Возле клуба – драки.
Что изменилось?
За окошком тот же снег.
И лают растревоженно собаки.
31.12.99-1.01.2000 г.

КОТ И СКВОРЦЫ

Песенный вариант

На сосне висит скворечник.
Кот Василий – старый грешник,
Вдруг, почувствовав к скворчатам,
Неподдельный интерес,
Длинно, хищно потянулся,
Воровато оглянулся;

Подошел к сосне неспешно,
И к скворечнику полез.

А скворцы кружатся рядом.
(На кота удары – градом.)
Так его атаковали,
Что подняться не дают.
Бесполезно отбиваться.
Кот пытался оправдаться:
– Ну, чего, чего пристали?
Просто... я гуляю тут.

Тут ещё соседи – стаей!
И кота-таки, достали.
Совершив с сосны на землю
Героический прыжок,
Васька кляузно мяукал.
Это, брат, тебе наука:
Справедливо наподдали:
Не разбойничай, дружок!
2000 г.

РАЗГОВОР СО ЗНАКОМЫМ ПСОМ

По дороге на работу

– Здорово, Грэмушка!
 Тоскуешь, старичок?
 Глядит как сфинкс:
 Надменно и печально.
 – Здорово, мол, и ты –
 Весёлый мужичок. –
 И цепью забренчал
                                   немузыкально.
 – Все ясно, Грэмушка.
 Придется потерпеть.
 Пришел апрель,
 А ты порядок знаешь:
 Собачек всех на цепь
 Велели запереть,
 Но ты своё
                                   зимою наверстаешь!
 А знаешь, Грэмушка,
 Я тоже на цепи,
 И эта цепь,
 Порой стегает больно.
 Но с нею мне идти
 Уж до конца пути.
 Притом, на той цепи я –
                                   добровольно.
 Вот так-то, Грэмушка!
 Попробуй убеги.

Мой жизни долг
 Покрепче всякой цепи.
 О, боже! Помоги
                                   успеть вернуть долги!
 Но все мои молитвы так нелепы.
 Ну, ладно, Грэмушка,
 Бренчи, мой старичок;
 Блюди свой долг:
 Облаивай прохожих.
 Про разговор – молчок.
 Хоть ты и дурачок,
 Но цепи наши в чем-то
                                   так похожи.

(2003 г.)

СОНЕТ О КРАСНОМ ГИГАНТЕ

К картине Г. Курнина

Красный гигант на закате,
 Как морщины, полосы-тучи.
 Был когда-то он ярким, могучим.
 Старость – всегда так некстати.

Дремлют округлые горы;
 Скальный мыс, словно когти дракона
 Или сказочного грифона,
 Впился в плоть алого моря!

Так умирают планеты
В сумерках алого цвета,
В неспостижимой дали.
Ну, а мы, через тысячи лет
Видим слабо мерцающий свет
Той звезды и умершей земли.

2003 г.

МОЙ МОСТ В ГРЯДУЩЕЕ

Зелёным маятником сосен,
Ветра измеряют бег времен.
И в жизни есть весна и осень;
Взамен зимы — лишь вечный сон.

Но остаются наши дети:
Наш мост в грядущие года.
Окончив путь на белом свете,
Мы в них продлимся навсегда.

И я в роду не стану точкой:
Есть дочка — плоть моя и кровь.
Она в поэме жизни, строчкой,
Продлит меня, мою любовь.

Уйду и стану лесом, лугом,
Летучей тенью облаков;
Землёю, стонущей под плугом,
И где-то, в череде веков,

Я на берёзе лопну почкой,
Весною, через много зим,
Чтобы прикрыть листвою пра-дочку,
Когда прольюсь дождём косым.

2003 г.

ВЬЮГА СРЕДИ ВЕСНЫ

Зациклонило, задуло;
Зашумел тревожно лес,
То зима снежком дохнула
Из нахмуренных небес.

Затянуло всю округу
Непроглядной пеленой,
И завывала злая вьюга,
Торжествуя над весной.

Несмотря на визг метели,
Из соседнего леска
Раздавались птичьи трели,
И редели облака.

Солнце яркими лучами
Разорвало пелену.
Вьюга плакала ручьями
От обиды на весну.

04.03 г.

ЧАРЫМ

Хитрый апрель: днём слегка обогреет;
 Ночью дохнёт ветерком ледяным.
 Снег, пропитавшийся влагой, твердеет
 толстой корой.

Называют – чарым.

Мне интересно гулять по чарыму:
 Чудно – не нужно ни троп, ни дорог.
 Так и шагаю маршрутом любимым:
 Через болото на ближний борок.
 Снег на болоте нетронутый, чистый.
 В каждой снежиночке – радужный блеск,
 Сыплет в глаза мириадами искр.
 Вдруг... раздаётся предательский треск.
 Ухнул по пояс, да в снежную кашу;
 Около сосен чарым тонковат.
 Эти насмешницы ветками машут.
 – Правильно, девушки! Сам виноват.
 Дивная рощица: сосенки-крошки;
 Здесь они выше плеча не растут.
 Всё это кажется сказкой немножко:
 Я – Гулливер, а лесок-лилипут!
 Выложу прутики в стрелку-указку.
 Завтра же дочку сюда приведу.
 Вместе придумаем славную сказку.
 Ну, а потом... снова сказку найду.

04.03 г.

ФЕВРАЛЬСКАЯ ДОРОГА

Над селом буран бесился;
 Хулиганил в темноте,
 Во дворе моём кружился
 В бесконечном фуэте;
 И грозил оконной раме
 Мутно-белым кулаком.
 Бедный дом скрипел боками
 Под разбойным ветерком.

Утро выдалось на диво:
 Солнца ярь; сияет даль.
 Сквозь берёзовые гривы
 Тени вычертил февраль.
 Эти тени на дорогу,
 Словно клавиши легли.
 Я по ней пройдуся немного,
 И узнаю – что вдали?
 Бестолковая позёмка,
 Из сугроба, скок-поскок;
 Как дворняжка-собачонка,
 Заюлила возле ног.
 Спела нотку и пропала.
 Шутки шутит друг февраль,
 А дорога зазвучала,
 Как серебряный рояль.
 Репетирую с ветрами,
 Сочиняю на ходу.

Там, за синими борами,
Я к мелодии приду.

Пусть мелодия дороги,
Над уснувшею рекой,
Унесёт мои тревоги
И вернет душе покой.

2003 г.

БОБКА И АТЛАНТ

Заметка на полях

В угаре мнимого таланта
Загавкал Бобка на Атланта.
И грозно лапку поднимал,
Но... лишь опрыскал пьедестал
Невозмутимого гиганта.

ПРО ВАНЮ-ДУРАКА

*«Агитка» для МЧС
Песенный вариант*

Как на тоненький ледок
Выпал беленький снежок.
Ай, люли, вот Пролог:
Тонковатый был ледок.

Не случилась чтоб беда,
Знак стоит у кромки льда.
Кто неглупый, тот поймет,
Что закрыт еще проход.

С детства Ваня был удал.
И на всех всегда плевал,
А поскольку был дурак,
То плевал он и на знак!

Ехал Ваня под хмельком,
В «Жигуленке» вечером.
И под Ваниным «Би-Би»
Треснул лед реки Оби.

Так уплыл дурак Иван
В сине море-океан.
Зря искал на этот раз
Добрый дядя – водолаз.

А какая тут мораль?
Лично мне, Ванюшу жаль.
Добрый молодцам – урок.
На прощанье – Эпилог.

На высоком берегу
Крест по Ванюшке-дружку,
А внизу журчит река –
Ждёт другого дурака.

2003 г.

АЛТАЙСКИМ БАБУШКАМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Их загнали в теплушки-вагоны,
С узелками, с грудными детьми.
И горели кроваво погоны
На плечах тыловой солдатни.

Молдаване, румыны, калмыки;
Прахом жизнь, надежды, мечты.
Скорбный путь: паровозные крики;
Вдоль путей на могилах кресты.

Степь Калмыкии, Тиса, Карпаты,
Всё ушло с перестуком колес.
Лишь конвойные злые солдаты;
Обь, Конда да сибирский мороз.

Те, кто выжили лютой зимою
И оплакали свежий погост,
Жили ягодой, жили рекою;
Поднимали детей и колхоз.

И глотая скупые слезинки;
Руки неводом в кровь бередя,
Пели песни девчонки-румынки,
К дальней родине сердцем летя.

Здесь встречали судьбу и влюблялись
В работающих, красивых парней.

Пели свадьбы, и дети рождались.
И неважно: каких уж кровей.

Финны, русские, ханты, румыны;
Все когда-то хлебнули сполна.
Пережитого пепел – седины!
Где та власть, да и, в общем, страна?

В общей радости, в общей печали;
Всех сроднила судьба на века.
Ах, как славно когда-то певали
Эти бабушки в сельском ДК!

Так заложено, видно, в природе:
Сладко ль, тяжко, а сердце поёт,
И не вытравить душу в народе,
Коль душа эта в песне живёт.

23.03.03г.

ВЕСЕННЕЕ СВИДАНИЕ

Солнцепоклонница сосна
Воздела к небу руки-ветви,
А синь бездонна и ясна.
Вокруг весна и море света.

Сосна уже не первый век
Глядится с белого обрыва
В разлив речушки Теулек,
Но без друзей ей сиротливо.

Здесь хорошо встречать рассвет
И провожать закаты вволю.
Здесь время замедляет бег
И осязаемо до боли.

Здесь мой покой для размышленья,
Здесь я — частица тишины.
Здесь берег моего спасенья
И обретения весны.

Не помню, уж который год
Я прихожу к ней на свиданье.
Молчим вдвоём над гладью вод.
И не торопим миг прощанья.

О чем сегодня мы молчим,
Пока закат не смежил веки?
Его последние лучи.
Мерцают в речке Теулеке.

Сосна — о прожитых веках;
О том, что берег подмывает.
Я — о своих учениках,
Что всё весною забывают.

Иду в поселок в темноте,
Твердя в душе как заклинанье:
— Живи, сосна, на высоте;
Дождись весеннего свиданья!

05.2003 г.

ЗОВ

Мне плохо, я иду к лесам.
Во мне тревоги и сомненья.
Прими молитву, дай спасенье!
И зов умчится к небесам.

Есть вековая мудрость бора
И ход неслышный облаков,
И синь небесного простора.
Так было тысячи веков.

Быть может, сотню лет назад,
Мой предок новообращённый.
И второпях, как я, крещёный,
Ходил сюда тайком камлать.

Со скромной жертвою смиренно,
Взор, обративши к облакам,
Молился он сосне священной,
И падал ниц к её стопам.

Неужто, это бабки-манси
Проснулся зов в моей крови.
— Пришел! Тогда не сомневайся
И духов предков позови.

2003 г.

БОРЮСЬ С ДЕПРЕССИЕЙ

Депрессия. Не пишется ни строчки!
 Уныние во мне и темнота.
 Так катятся впустую дни-денечки;
 Ни дела, ни работы – ни черта!
 Депрессия холодными руками
 Заткнула рот, чтоб не сорвался в крик.
 Порой минуты кажутся веками,
 Порою день проносится как миг.
 Бессмысленными видятся движенья:
 Зачем? Ведь, от себя не убежишь.
 Противен сам себе до омерзенья.
 Встал. Закурил. Прошёлся. Вновь лежишь.
 Противно всё: работа, дом, коллеги,
 Хотя, они-то вовсе не при чем.
 Откуда столько дури в человеке?
 Такой, что и не лечится врачом.
 Тяжелый год и нервная работа;
 Устал, озлоблен. Отпуску не рад.
 Прочесть Задорнова или сборник анекдотов
 Или над Швейком Гашека поржать?
 Листаю том, и стало веселее.
 А вот и Швейк: – Осмелюсь доложить:
 Сейчас мы, пан, депрессию – по шее.
 – Спасибо, Йозеф. Значит, будем жить!

2003 г.

УСЛОВНОСТИ

– Привет!
 И я в ответ: – Привет!
 – Ну! Как дела?
 Сказать, что плохо?
 Тогда он спросит:
 – Почему?
 Ну, и зачем это ему?
 Ответить: – Просто, лучше всех!
 Начнёт смеяться. Не поверит.
 Так надоело лицемерить.
 И обрывая диалог.
 Я отвечаю: – Нормалёк!
 Формально-вежливый ответ.
 По форме – «Да».
 По сути – «Нет».

2003 г.

«ЕРЕТИК»

Быть может, я сошёл с ума
 Или, вообще, дошёл до края?
 Но еретизм как чума.
 Смутил мыслишками о рае.

И пусть, не верю в чудеса;
 Моя профессия мешает.
 Но есть же кто-то в небесах,
 Кто наши души утешает.

Господь, допустим, всё решил,
В непостижимом совершенстве,
И душам тех, кто не грешил,
В награду выдал жизнь в блаженстве.

Какой же будет им Эдем,
Глядеть с небес на скорбь любимых,
И кто утешит их и чем,
Средь райских куц необозримых?

Тогда, Господь им должен дать
Напиток вечного забвенья.
Не знать! Не помнить! Не страдать!
Страшней не выдумать мученья!

Прости, Всевышний, дурака!
Имел ли право усомниться?
Но я бы, в средние века,
Попал в подвалы инквизиции!

2003 г.

ОБРАЩЕНИЕ К ИОАННУ СЕБАСТЬЯНУ БАХУ

Герр Себастьян, я Вам готов признаться:
Орган меня совсем околдовал.
Токката! Как же ей не наслаждаться,
Я с ней про всё на свете забывал.
Токката — это радость или мука?

Паденье в ад или взлёт под небеса?
Какая тайна скрыта в этих звуках?
И я дерзнул сыграть токкату сам.
Так, мучаясь ночами над баяном;
Проигрывая фразы сотни раз,
Я заставлял его звучать органом,
В упорном постижении Вас.
Июньский день и солнце на паркете,
Раскрыты окна; пух на тополях.
В тот день я на мгновение, поверьте,
Сумел коснуться Вас, великий Бах!
Гремел баян почти на грани бунта,
Глашатаем души моей нагой.
В стремительном разбеге контрапункта,
Я брал одну вершину за другой.
И, наконец, токката отзвучала.
— Постиг ли? — думал я, покинув зал.
Комиссия экзамен обсуждала,
И вынесла вердикт: мне — высший балл!

1978 г.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА

Где тот июнь?
Умчался без возврата.
Всё это было в семьдесят восьмом.
Мне сорок семь — года идут к закату.
Нашел ли я ответ в себе самом?

Герр Себастьян, я вновь искал вершины;
 В гордыне не замаливал грехи,
 А жизнь меня вернула в те долины,
 Где ждали недопетые стихи.
 Я червь земной, но видел вход в обитель,
 Где звездами заоблачных высот,
 Царили Вы, где каждый небожитель
 Высоким вдохновением живет.

Герр Себастьян, Вы не рязались в тогу,
 Вы говорили, только-то всего:
 Ты – человек, и ты подобен Богу,
 Поскольку, есть творение его!
 Токкатою гремит мятежный разум.
 Вы верили, как верую я сам:
 Не об пол лбом в молитвенном экстазе,
 А фугою к пресветлым небесам.
 Смешно: Вас отлучением пугали;
 Рим отвергал токкаты звонкий глас.
 За что? Да Вы и сами понимали:
 Им нужен бог над нами, а не в нас.
 Не снобам прятать музыку в клавиры,
 Которые пылятся по углам.
 Ваш гений отыскал дорогу к миру!
 И мир принадлежит отныне Вам.

1978-2003 г.

К 300-ЛЕТИЮ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Санкт-Петербург справляет юбилей.

Есть вечный Рим, Афины и Багдад.
 Для них, три сотни лет – почти мгновенье,
 Но для России этот славный град
 Стал символом эпохи обновленья.

Зажав Россию в жилистый кулак;
 Невиданной мечтою окрылился.
 Царь – воин, царь – работник, царь – моряк,
 Хозяином на Балтику явился.
 И деликатно дым, сдувая вниз,
 Голландец-шкипер спорил осторожно:
 – В таких болотах строить парадиз,
 Сэр Питер, извините, невозможно!
 Но тысячи за дело принялись,
 Выкашливая легкие в болота,
 Чтоб умереть, построив парадиз,
 Столицу молодую, базу флота.

С энергией и волею Петра.
 Не спорили ни люди, ни природа.
 И пели гимн над шпилями ветра
 Терпению российского народа.

Злорадствовала старая Москва,
 Вручая восприемнику корону,

Она была по-своему права:
 Всегда опасней тем, кто ближе к трону.
 Пожары, наводнения, пиры.
 На трон рвались шуты и бабы-дуры.
 Балы екатерининской поры;
 Интриги и галантные амуры.

Что приобрел, и что он потерял?
 В столичном бытие его крутились,
 Студент, авантюрист и театрал.
 Ваяли, пели, строили, учились.

В нем что-то от Петра, его судьбы;
 Моряк и воин; в нём всего достало.
 Он гложет от революций и стрельбы.
 Чего-чего, а выстрелов хватало!
 Что приобрел, и что он потерял?
 Ему бы власть над временем,
 Без спора,
 Из биографии наш Питер бы убрал
 Два выстрела — Дантеса и Авроры.

Сокровища бесценные хранил;
 Оплакивал царей и декабристов.
 В блокаду сотни тысяч схоронил
 И выстоял,
 Прогнав от стен фашистов.
 Корону возвратив, не потерял
 Достоинства и чести; и гордится,

Что дерзкий враг ни разу не пограл
 Земли священной северной столицы.

И как когда-то стаи кораблей
 На зов Петра явились в пене бриза,
 Слетаются друзья на юбилей,
 Воздвигнутого в дебрях парадиза.

Санкт-Петербург справляет юбилей.

Энергией и волею Петра
 Построен, посрамив саму природу.
 И гимн поют балтийские ветра
 Великому российскому народу!

29 — 31.05.03 г.

ДВА ЗАКАТА

Заметки на полях

1

На темный лес вечерняя заря
 Легла полоской цвета янтаря
 И сделала ажурным старый лес,
 И отделила землю от небес.
 Торжественно над линией заката
 Плывут, плывут небесные фрегаты,
 А солнышко, отмывшись на реке,
 Легло вздремнуть в прозрачном сосняке.

Линия янтарного заката
Высветила ярко старый лес,
Уплывает облако куда-то,
В бездну фиолетовых небес.
И кусочек солнца догорает,
Протянув дорожку по реке.
Лучиками-спицами сплетает
Кружево в прозрачном сосняке.

27-28.05.03 г.

**РАЗГОВОР ЗЕМЛЯКОВ
В ЗАЛЕ ОЖИДАНИЯ
АЭРОПОРТА г. Х.-МАНСИЙСКА**

По поводу американского вторжения в Ирак

— Ага! Прохлопала Лубянка.
Теперь долгов нам не вернуть.
— Теперь в Багдаде янки в танке.
И их ничем не сковырнуть.

— Гляди: сидит-то как вальяжно.
— Чего сидит? Какого...ждёт?
Нахально брякает на банджо
И с высоты на всех плюёт.

— А оккупанты все похожи,
Сегодня ль, сотню лет назад.
Такие же тупые рожи,
И вытворяют, что хотят.

— Я помню кадры кинохроники:
По Минску наших гнали в плен,
А немец с танка, на гармонике,
Пиликал, гад, «Лили Марлен».

— Они Вьетнам уже забыли.
У них — Вьетнам, у нас — Афган.
— Там нас, формально, пригласили.
— И надавали по рогам!
— Тут, мужики, вы дали маху:
Их так сентябрь напугал.
Что колошматят всех со страху
Подряд — кто под руку попал!

— Насчет «подряд», пожалуй, круто.
Россия им не по зубам.
Ну, накладывают еще кому-то,
А разгребать ООН и нам.
— Наш Путин тоже не зевает:
«Ковбою» поубавит прыть;
Россию он не запугает.
Как жили, так и будем жить.

- Наш объявили: регистрацию.
- А нам еще часок сидеть.
- Тогда, счастливо оставаться,
- А вам счастливо долететь!

4. 2003 г.

«ДЫМ»

Заметка на полях

Томный блюз под названием «Дым».
Майский вечер. Я был молодым.
Блюз струился над кронами сосен,
Уплывая в небесную просинь.

И, казалось, так будет всегда.
Кто в шестнадцать считает года,
начиная свой путь от истока?
Наша зрелость далёко-далёко.

Тот же блюз под названием «Дым».
Здесь когда-то я был молодым?
То же место у бронзовых сосен.
Где тот май? Впереди моя осень.

2003 г.

БЕЛАЯ НОЧЬ

Песенный вариант

1

Белая ночь, словно фея,
Спустилась с небес,
Ленту заката вплетая
В кудряшки берёз.
В зеркале озера спит
Околдованный лес,
Под колыбельную
Редко мерцающих звезд.

Припев:

В белые ночи беспечен и юн,
С нами прощается месяц июнь.
Что для него и года, и века?
Белая ночь, жаль, что ты коротка.

2

Белая фея скользит
В бирюзу на восток,
Легкий туман укрывает
Озёрную гладь.
Ветви берёз шевельнул
Озорной ветерок;
Тихо вздохнул и улёгся
В туман досыпать.

3

Легкой прохладой сменилась
Дневная жара.
Белая ночь невесомо
Над нами парит.
В розовой дымке «сегодня»
Ушло во «вчера»;
В «завтра» уже протянулась
Полоска зари.

22.06.2003 г.

К 80-ЛЕТИЮ КОНДИНСКОГО РАЙОНА

Песенный вариант

1

Среди сотен озёр, где ветров хоровод
Ароматом тайги напоён.
Здесь живет работающий, певучий народ.
Здесь частица России – Кондинский район.

Припев:

А за кормой – вода.
А за спиной – года.
Все также вдаль спешит Конда.
Пусть ты суров, мой край,
И не похож на рай,
Но я с тобою навсегда.

2

Где боры-корабли в серебристой дали
Караваном плывут на закат,
Дерзким росчерком, вписанным в пламя зари,
Буровые бессменную вахту стоят.

3

Пусть морозы трещат, но сердцам горячо.
Зверовод и речник, и рыбак,
Рядом друга рука и крутое плечо.
И тогда нам любая работа – пустяк.

4

В желтый бубен луны бьют крылом журавли,
Над весенним разливом реки.
Пусть умножится слава югорской земли
Вашим дружным, умелым трудом, земляки.

18.12.2003 г.

СТИХИ 2004 г.

СЛЕД ДЕТСТВА

Мы с детством расстались без боли,
За юностью вслед торопясь,
А тех, кто задержится долее,
«Салагами» звали, смеясь.
Не чувствуя горечь утраты,
(Как юность бывает слепа)
Ушли мы в неё без возврата,
Под рок и попсовые «па».
Во взрослом своем разумении,
С проблемами дач и квартир,
Так хочется, хоть на мгновенье,
Вернуться в безоблачный мир,
Где хлеба ржаного краюшка
Из маминых ласковых рук,
И долгие годы кукушка
Сулит в перекличке подруг.
Там сердце летит к горизонту
На взмахах качелей тугих.
И с ливнем бежишь вперегонки,
В объятиях струй ледяных,
Там травы духмяные лета;
Аврал сенокосной страды,
И алые брызги рассвета
Над плесом любимой Конды.
Там в вечных царапинах руки,
Надёжных друзей – пацанов.

И не было тягостной скуки,
Фальшивых улыбок и слов.
Там крылья мечты не ломались,
Под гнётом житейских забот.
Дружили, дрались и влюблялись.
И был и напор, и полёт.

2004 г.

КАРНАВАЛ...?

Во все ли мы игры сыграли?
А детство назад не вернёшь.
И мы карнавалы признали,
Как очень красивую ложь.
Безумств карнавалов чураясь,
Я грустное видел в смешном:
Где зрелость от будней спасалась,
Причина, скорее, в ином:
Для нас карнавалы – лишь бегство
Из душевных, комфортных квартир,
В свое позабытое детство;
В навечно утраченный мир.

2004 г.

УЧИСЬ ПОЛИТИКЕ, МОЙ ДРУГ

Мы наблюдаем телеповесть:
 Как кандидат идёт «во власть»,
 Забыв про стыд; отбросив совесть,
 Чтобы «нацарствоваться» всласть,
 В восторге воев прихлебатель.
 Приходит вожделенный миг.
 Доволен спонсор-покупатель:
 – Мой кандидат во власть проник!
 И протестует естество:
 – Избрали тех, кого не надо!
 В итоге – правит меньшинство,
 А мы-то кто? Неужто стадо?
 Вот так замкнулся хитрый круг,
 Мы с вами – жертвы умных игр.
 Учись политике, мой друг,
 Твоя забота – сделать выбор!

4.01.04. г.

БОРЫ – КОРАБЛИ

Над родимыми местами,
 Снег, раздувши на версту,
 Вертолет, жужжа винтами,
 Набирает высоту.
 Я гляжу в иллюминатор;
 Уплывает вниз село.

Солнце клонится к закату.
 Всё вокруг белым-бело!
 Бесконечные болота.
 Снежно-белый океан.
 Здесь вчера искал чего-то
 Заблудившийся буран.
 Над борами – кораблями
 Розовеет полоса,
 Это ветры облаками
 Поднимают паруса.
 Синь вдали – тепла предтеча;
 Тени длинные легли.
 Вновь плывут весне навстречу,
 Мои боры – корабли.

2004 г.

МОЕ «ЭГО» – БЕДА

Приходя, мы не знаем,
 Как стар этот мир.
 И всю жизнь прозреваем,
 Поняв под конец,
 Как был ложен кумир,
 Мудр лысый сатир;
 И, отнюдь, не наивен
                     безусый юнец.
 Морда битая? Что ж,
 Поднимайся с колен.
 Мечь и злоба, и ложь,

Это разума плен,
 Выжги начисто душу
 От зависти тьмы.
 Цену этой борьбы.
 Хорошо знаем мы.
 Мое «эго» – беда!
 Я иду с ним на бой.
 Ведь труднее всегда
 Поединок с собой.

8.03.04 г.

РИФМУЕМ С ДОЧКОЙ ВЛАДОЙ

Летний вечер.
 С дочкой Владой
 Мы гуляем за оградой.
 С этим славным человечком
 Есть о чем потолковать.
 – Посмотри-ка, в нашей речке
 Умывается закат.
 – Пап, а, может, порифмуем?
 – Что рифмуем?
 – Всё. Попряд!
 – Ладно. Вот сидит сорока. Рифма?
 – Рифма – «Бокоскока».
 – Гм-м?
 – Потому, что скачет боком.
 Пап, чего тут не понять?

– Хорошо. Начнём опять.
 Пес бежит, соседский Мишка. Рифма?
 – «Мишка-драчунишка»!
 – ...?
 – С нашим Барсиком подрался
 Из-за косточки вчера,
 И ещё, с котом ругался
 У забора до утра!
 – Кстати, кошечка в окне. Рифма?
 – Рифма – «Как в кине!»
 – Нет! Окно – это «оно».
 – Ясно! Ну-у, тогда «кино».
 – А у кошки кличка – Физа.
 – К «Физе» рифма... «Телевизор».
 Потому что перед нами
 «Физа» будто на экране.
 – Кошка села на окно?
 – Начинается кино!
 – Вот домой бредёт корова.
 – Знаю! Рифма будет – «Рёва».
 – Но она ж, молчит. Жуёт.
 – Прожует. Ка-ак замурёт!
 – Слушай, нет такого слова.
 – Значит, будет. Что такого?
 – Всё, дочурка: поворот.
 У калитки мама ждёт.
 Что желает папа доче?
 Рифма?
 – Ну-у! «Спокойной ночи».
 Только, чур, не приставай,

С этой рифмой «Баю-бай».
Каравай. Бабай. Трамвай.
– Нет. Умоешься и спать.
– Классно! Рифма – «На кровать».
– Баю-баюшки-баю.
– Папа. Я тебя люблю.
– Папа тоже: очень-очень!
Спи, Ладуш! Спокойной ночи.
25.07.04. г.

СНЕГИРЁЧКИ

Папа, папа, посмотри:
Прилетели снегири.
Замелькали там и тут;
С веток ягодки клюют.
Снегирёчки, снегирёчки,
Как живые огонёчки!
Сели на ограду
И глядят на Владу.
Папа, папа, посмотри:
Удивились снегири.
– Потому, что твои щёчки.
Ну, совсем, как снегирёчки!

КОТИК-КОМПОЗИТОР

Котик сел на лесенку
Сочиняет песенку.
Помурлыкал и затих:
Не понравился мотив.
– Вот сейчас
чуть-чуть вздремну я
И придумаю другую.

СИНИЧКА

Вот синичка-поскакушка,
Ярко-желтенькое брюшко,
Черненькая шапочка,
Вся такая лапочка,
Скачет под окошками:
– Угостите крошками.

РАЗГОВОР СО СТАРШЕЙ ДОЧЕРЬЮ

– Ты, наверное, снова летала во сне,
к серебристой луне;
И в ладонях лелеяла звезды?
Снова, рядом был принц
на волшебном, крылатом коне?
– Что ты, пап, – отвечает серьезно, –
В восемнадцать летать уже поздно!

13.06.04 z.

2.

Припев.

3.

2004 г.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СВИДАНИЕ. (ШУТ.)

Песенный вариант

1.

Над Кондою дремлет лето;
Вечер тих и фиолетов.
Там девчоночка у бережка
На свиданье ждёт дружка.

Припев:

А сердечко – «Тук-тук-тук».
– Где же ты, любимый друг?
Может быть, меня забыл;
И другую полюбил?

2.

Гаснет свет уже в окошках.
– Подожду ещё немножко.
Пусть теперь пеняет на себя,
Так решила, уходя.

Припев.

А сердечко – «Тук-тук-тук».
– Не идёт ли милый друг?
На минутку задержусь,
Может, всё-таки, дождусь.

3.

Ох! Не зря болит сердечко:
Песня слышится над речкой.
Провожал непостоянный друг
Сразу двух её подруг.

Припев.

А сердечко – «Тук-тук-тук».
– погоди ж, неверный друг.
Я обиды не прошу.
Неприменно отомщу!

2004 г.

ОРАНЖЕВАЯ ЛУНА

Огромный диск оранжевого цвета
Украсил горизонт ночного лета.
Из тайного, безмерного далека
Взирает немигающее око.
Восход луны. Подумаешь, явление.
И всё же, замираю в восхищенье.
О! Как всё это необыкновенно!
Быть может, там, в оранжевой вселенной,
Красавица неведомая ждёт,
Что рыцарь серенаду ей споёт?
По озеру струится лунный свет,

Багряную дорожку выстилает;
 Эол — луны восторженный поэт,
 На этот подиум торжественно вступает.
 Не смея потревожить тишину,
 Взор устремив горящий на луну,
 Читает тихим шепотом сонет,
 И прелесть неземную восславляет,
 С загадочной улыбкой Моны Лизы;
 (Влюблённым нынче будет не до сна)
 Заслушалась на облачном карнизе
 Её планетное величество — луна.

06.04 г.

ПОСВЯЩЕНИЕ «КЛИНСКОМУ»

С лицом, не искажённым интеллектом,
 Спешит куда-то парень жарким летом.
 На узкий лоб стекает грязный пот,
 Пацан бежит и на весь мир плюёт.
 Плюёт он на Манежи, Эрмитажи
 И средней полосы родимые пейзажи;
 Плюёт на Пушкина и Гоголя с Белинским!
 Не до того ему:
 Скорей. Скорей за «Клинским!»
 Признаюсь честно, слушатель, читатель:
 Я, в общем-то, паршивый предсказатель,
 Предчувствие меня бросает в дрожь,
 (Да обратится предсказанье в ложь)

Боюсь — примчится наша молодёжь
 Когда-нибудь, в разгар другого лета.
 Туда, где в море «Клинского»
 Ни капли интеллекта!

07.04 г.

АЛЕКСАНДРУ СЕРГЕЕВИЧУ ПУШКИНУ

Череда поколений лелеяла гены,
 И венцом их трудов в мир является гений.
 В долгой цепи рождений и скорби кончин
 Ярким факелом гений сияет один.
 Он как точка венчает усилия рода.
 Скуповата на гениев мама-природа!
 Гений — точка отсчёта, эпохи примета.
 Пушкин — это звезда; царь — всего лишь планета.

4.03.04 г.

БУДЕМ, СОСЕД

Песенный вариант

1

Я тону в бытовщине,
 В мелькании буден;
 И в пучине проблем
 Захлебнуться готов.

Но к лицу ль мужику
Ныть о том, что путь труден?
Ноем мы, между тем,
От начала веков.

Припев:

Загляни в холодильник,
Друг, сосед-собутыльник.
Пиво – это по теме!
Будем! Будем, сосед!
Ну, их, к черту, проблемы.
Пусть коньяк – для богемы.
Их не будит будильник
На работу чуть свет!

2

В каждом времени есть,
И проблемы и беды.
И мужик волокет
На горбу этот крест.
– Нам проблем и не счесть,
Рассмеялись бы деды, –
Бьемся, пашем... и пьём.
Что, уж, есть, то, уж, есть!

Припев.

3

Мы воспрянем, и вновь.
Все – в трудах и заботах.

Есть семья и дела.
Снова буден поток.
– Друг, давай за любовь!
– И за нашу работу!
А запой добела
Наш, российский заскок!

15.03. 04 г.

ОРАК ГАЛИНЕ ВИКТОРОВНЕ

*Старейшему воспитателю
д/с с. Алтай*

Как быстро годы пролетели.
И вновь, как много лет назад,
Я открываю эти двери:
– Привет тебе, мой детский сад!

Свои проблемы и заботы
В воспоминаньях берегу.
И на любимую работу,
Как на свидание бегу.

Теперь сюда приходят внуки.
Тех – самых первых Саш и Ир.
И снова ласковые руки
Их поведут в волшебный мир.

Игрушки, музыка и сказки
И жизнь чудесна и проста.
Как много здесь тепла и ласки;
Здесь правит миром доброта!

Жаль, не бывает детства дважды.
Уже сединки в волосах.
А здесь, в саду моем, всё так же,
Звенят ребячьи голоса.

И пусть на свете нету средства,
Вернуть былое время вспять.
Но есть моя планета детства:
Планета детства – детский сад!

18.04.04. г.

БЕСЛАН! БЕСЛАН!

Да что ж, творится, Господи, на свете!?
Будь проклят, кто придумал этот план,
Чтоб нелюди стреляли в спины детям.
Дай Бог тебе все вынести, Беслан!
Гулаг, Освенцим; ужас холокоста,
Они единой цепью скреплены.
Кровавое распятие «Норд-Оста»,
Клеймом калёным жгут чело страны.
Не верил я, что может быть страшней.
Ни разум, ни душа не принимают,

Безумия сентябрьских этих дней.
Такого! Никогда не забывают!

2 – 3.09. 04 г.

*Выпускникам Алтайской школы
60-х годов*

Среди житейской суеты,
Удач и разочарований
Есть уголок воспоминаний.
Куда нечастоходишь ты.
И всё знакомо там до боли:
Воспоминания о школе!
Ах! Эти школьные года!
Их не забудешь никогда.
Записки, шутки, переглядки;
И кто-то бешено строчит
У «хорошиста» из тетрадки,
(«Сдувает». Надо поспешить,
Чтоб «пару» не заполучить!)
Линейка первого звонка:
Банты, зазорные мордашки;
Ладошка крошки-«первоклашки»
В большой руке выпускника.
Осенний бал и Новый год;
Гирлянды, елка, хоровод.
Шумит и мчится перемена,

Стоит жить!!!

319

Потом, вдруг, со звонком мгновенно,
 Пустеет школьный коридор;
 Стихает шум и разговор.
 Стихи, материки и даты,
 Задачи, формулы, диктанты.
 И как корабль, каждый класс,
 Уводит в плавание нас.
 Как много предстоит проплыть им
 По морю знаний и открытий.
 А жизнь всё торопит нас,
 И вот уже последний класс!
 Экзамены, прощальный вечер.
 И в путь, друзья, до новой встречи!
 Прощай, любимый школьный дом;
 Как много пережито в нём.
 На крыльях юности взлетая.
 Во взрослый мир, в его дела,
 Уносим память об Алтае,
 И школе на краю села.
 У каждого — своя судьба,
 У каждого — своя дорога,
 Но через многие года,
 Вы вновь у школьного порога;
 Вы вновь приехали сюда:
 В таёжный маленький поселок,
 На берегу Конды-реки.
 Друзья, вы — гордость нашей школы!
 Вы все её выпускники!

2.04 г.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР В АЛТАЕ

Песня

1.

Звездный дождь над вершинами сосен.
 Как-то лето закончилось вдруг.
 О! Вы нынче прекрасны, сударыня осень,
 В золотом хороводе березок-подруг.
 В гулких сумерках улицы тают,
 Лишь закатные краски ясны,
 Звездный дождь
     над таёжным поселком Алтаем
 Нам обещает звёздные сны.

2.

Над кострами-осинами просишь,
 Угасает под натиском тьмы.
 Как вы нынче печальны, сударыня осень.
 Будем вместе теперь до зимы.
 Ветер желтые листья сметает,
 Память лета и прошлой весны.
 А над крышами дождь,
     звёздный дождь над Алтаем,
 Нам навевает звёздные сны.

3.

Свет окошек в домах на откосе
 Отражается в водах Конды.

А по улицам бродит хозяйюшка-осень,
Оставляя листочки-следы.
Убаюкал поселок в урмане,
Тихий шепот кондинской волны.
Да минуют вас беды, односельчане;
Пусть вам приснятся звёздные сны.

10.04. г.

ДЕКАБРЬСКИЙ ПОДАРОК

Как трудно с нами осень расставалась:
Прощалась, уходила, возвращалась.
И что она забыла, интересно?
То с крыши, совершенно неуместно,
На свежие сугробы льёт капель.
То, вдруг, без паузы – сердитая метель.
Зиме всё, очевидно, надоело,
И в декабре она взялась за дело:
С утра за «минус сорок».
Рассвело.
Морозный пар укутал все село.
Безветрие.
Белёсыми столбами,
Дымы из труб струятся над домами.
(Чуть-чуть фантазии:
Представьте – каждый дым,
Ползущий из бутылки сонный джинн).
Дымы всплывают в линию рассвета,

Слоёной тучей пепельного цвета.
И солнце в полосатой этой мгле,
Как апельсин на мутном хрустале.
Холодное безмолвие вокруг,
Лишь эхо караулит каждый звук.
Немного всё таинственно и странно:
Морозно, напряжённо и туманно.
Шаги звучат то глухо, то тревожно,
А тишина – хрупка и ненадёжна.
По-стариковски крикает забор:
Мороз расщелил доски как топор;
Безмолвие взрывает громкий треск,
И эхом разлетается окрест;
Испуганным зайчишкой попетляло;
Умчалось в бор и где-то там застряло,

А солнце поднимается всё выше,
Окрашивая в розовое крыши,
Лучи, прорвав туманную завесу,
Сквозь кроны ткутся кружевом по лесу.
Рассеянные блики тут и там,
Блуждают по деревьям и кустам.
Вот надо же – такие чудеса!
Стою, любуюсь добрых полчаса.
А думалось – всего лишь, на минутку,
Мороз-то пробирает не на шутку!
Щипал, щипал и, вдруг, как злобный пес,
Нацелился и тяпнул прямо в нос.
Пора домой. Хорошего – помалу.

А ну-ка, рысью, чтобы жарко стало!

В избе уют; тепло идёт от печки,
А я, представьте, снова – на крылечке!
Наверное, вы скажете: – Чудак!
Постойте рядышком.
Смотрите – славно как!
Пусть холодно – какие пустяки;
Потерпите, ведь вы ж – сибиряки!
Какое солнце! День так свеж и ярок.
В середине декабря, для нас – подарок.
Такая роскошь на исходе года.
Спасибо тебе, матушка природа!

25.12.04 г.

СТИХИ 2005 г.

**РАЗМЫШЛЕНИЯ
В РОЖДЕСТВЕНСКУЮ НОЧЬ**

Вот и пришло святое Рождество!
А лик Спасителя и светел, и печален.
Он близок нам – земное божество.
Непостижим порой, и полон дивных тайн.
Христос не жрец, не царственный кумир.
Растил добра цветы средь гнусности и блуда.
И чем же на добро ответил мир?
Одним предательским лобзанием Иуды!

Отдав Христа на страшные мученья.
Чего же жаждем мы?
Забвенья? Всепрощенья?
Забвения грехов, чтоб новые творить,
Не в силах изменить свою природу.
Или покаяться, и Господа молить,
О помощи заблудшему народу.
Гордыню обуяв, вернуться вновь,
К тому, чем Русь всегда была богата:
Духовность, сострадание, любовь!
Любите ближнего! Любите словно брата!
Без зависти в душе пожмите руки;
Скажите искренние, добрые слова.
Неужто, зря Спаситель принял муки?
Творите, люди, добрые дела.

В ночь с 6 на 7.01.05 г.

РАЗГОВОР О ПОЭЗИИ

— Мой друг, мне кажется безвкусной,
 Твоя привычка рифмовать;
 Кто сможет здесь тебя понять,
 И что ты хочешь доказать,
 Своей деревне захолустной?
 Я говорю тебя любя.
 Мне, кстати, небезынтересно:
 Зачем ты мучаешь себя,
 Эквилибристикой словесной?
 Заметь: есть Пушкин, Блок и Фет;
 Ты, рядом с ними — не поэт,
 И вся твоя мазня бездарна.
 Сия стезя неблагоприятна.
 О чём ты можешь рассказать,
 Давно пресыщенному свету?
 Последуй доброму совету:
 Пока не поздно, брось писать!
 — Дружище, а не слишком ли ты строг?
 И в откровенности — жесток;
 В поэзии же видишь что-то,
 Сродни квартальному отчету.
 Но главного понять не смог,
 что есть другое измеренье,
 Где в магии и ритме строк
 Есть пламя, страсть и есть боренье,
 И зов непройденных дорог.

Как лучик света в темноте
 Стремится разум в тесноте
 Душевного волненья
 К той лаконичной простоте,
 Где рифма — акт творенья.
 Ты ворошишь словесный рой;
 Равняешь мысли в строчку.
 Готово!
 Кажется порой,
 Что можно ставить точку.
 Но душу гложет непокой;
 Пришло другое слово.
 И рифма кажется не той.
 И стала точка запятой.
 — Начнём, пожалуй, снова.
 Вновь поиск, и идут в отвал
 Находки, откровенья.
 Ворчишь себе: — Ты — коновал:
 Здесь сократил, а там убрал,
 Сгубил стихотворенье!
 Увяз в проклятой запятой,
 Убит словесной глухотой.
 Вдруг, вспышка озаренья:
 Приходишь к истине простой,
 И ты взлетишь над суетой,
 На крыльях вдохновенья.
 Паришь вне временных оков,
 Над сонмом радуг, облаков,
 А впереди — за далью — даль,
 Восторг и светлая печаль.

Ты нереален словно сон;
 Всесилен и всевластен.
 Душа и разум в унисон поют,
 И ты, как камертон,
 Звенишь согласно с ними в тон.
 И в этом, друг мой, счастье!

Ты говоришь мне – «Бездарь», «Шут».
 Жестоко, без сомнений,
 Что, мол, осудят, не поймут,
 Все те, которые живут
 В наземном измерении!

Да, черт возьми, я – рифмоплёт,
 И критику подсуден.
 Пусть судит, если он поймёт,
 Что есть, назло всему, полёт,
 Над прозябаньем буден!
 Есть смысл жить от запятой,
 Одной-единственной мечтой,
 Ради того мгновенья,
 Когда взлетишь над суетой,
 На крыльях вдохновенья!

2-3.02.05 г.

СЛЕД ЛЮБВИ

Ты не верила в вещие сны.
 Очень жаль.
 Что осталось от той весны?
 Лишь печаль.

Через множество зим и лет
 Эти тропы хранят наш след.
 Там, где старые сосны спят,
 Они в кольцах своих хранят;
 В глубине вековых стволов,
 Незабывтую ту любовь.
 Помнят сосны другие дни;
 Как бродили мы здесь одни.
 Может, прячется где-то эхо
 Твоего весёлого смеха.
 Ты не раз приходила ко мне
 Во сне,
 Звонкой памятью о весне.
 Это всё, что осталось мне,
 Сладкой болью на склоне дней.
 Как случайно затронутая струна,
 Отзывается болью она.
 Сколько ж минуло зим и лет,
 А любви остаётся след.

4.03.05 г.

ВОЗВРАЩАЛИСЬ КОНДИНЦЫ С ВОЙНЫ

Песенный вариант

1

Отгорели зарницы Второй мировой,
 Возвращались кондинцы-солдаты домой.
 Ордена на груди, за спиной – вещмешок.
 Пол-страны позади, эшелон – на восток.
 Дома ждали, о встрече мечтая,
 В тишине одиноких ночей,
 Жёны Карыма, жёны Алтая,
 Евры, Ягодного, Нахрачей.

2

Над Уралом июньские грозы гремят,
 А гармошка в вагоне устала играть,
 – До свидания, друг,
     мне в Свердловске сходить,
 Вот тебе адресок, приезжай погостить.
 На перронах с друзьями прощались;
 Догоняли вагон на ходу.
 А колёса стучали, вращались:
 – На Конду, на Конду, на Конду!

3

Подплывает к родному селу пароход.
 На пригорочке хата, жена у ворот.

Только вдруг затуманило что-то глаза,
 Покатилась скупая мужская слеза.
 Поднимают победные чары
 За солдат, за друзей боевых
 Юмас, Леуши, Кама, Болчары.
 В память павших, во славу живых!

4

Много лет миновало с победной весны,
 Над Кондой зори мая, как прежде ясны.
 Вековые боры над Туманом шумят.
 К обелиску пришел постаревший солдат.
 У подножья цветы полевые,
 Имя в мраморе, в длинном ряду.
 – Здравствуй, друг! Мы навечно живые,
 Как тогда – в сорок пятом году.
 Мы награды себе не просили,
 Погибая в кровавом аду.
 Как могли – защищали Россию.
 Защищали родную Конду!

23-25.03. 05г.

ХОЧУ СБЕЖАТЬ

Песенный вариант

С уважением к творчеству С. Трофимова

1

С утра до вечера проблемы, дом, работа.
И я верчусь, как белка, в этом колесе.
Послать подальше всё и выкинуть чего-то:
Такого странного, чтоб удивились все!

2

Россия пялится, бессмысленно зевая,
В очередной, дурной бразильский сериал.
Я заплевал физиономию «Фуная».
В гробу я видел сериал и ваш канал!

3

Нас ждут причёсанные новости в эфире.
Леонтьев вечером, и метео с утра.
— Смотри, Чубайса почему-то не убили?
— Теперь злодеев нам отыщут «опера».

4

И я, как в клетке, в этой социальной роли,
Где всё расписано: что можно, что нельзя.
Раздвину прутья, и сбегу-ка я на волю,
Чтоб только музыка, природа, и друзья.

5

Куда — подальше, от реклам и магазинов,
Построим с Людой дом в глухом-глухом лесу.
И будем вместе слушать честного Трофима,
А не киркоровскую мутную «попсу»!

26.03.05 г.

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

Конда моя, чудесная Конда!
По шёлку трав, по бархату болот,
Твоя неторопливая вода
Течёт навстречу зорям — на восход.
Пусть нет в тебе величия Оби,
И бурного разбега Иртыша,
Но ты щедра, как женщина в любви;
По-своему мила и хороша.
Избранница языческих богов,
Щедра Конда просторами лугов;
Богатые таёжные дары,
Хранят твои сосновые боры.
В прохладной глубине Конды-реки
Бесчисленные рыбы косяки.
Болота и леса твои дают
Зверью и птице корм и приют.
Заветы предков чтя, из века в век,
В ладу с природой жил здесь человек.

В суровых буднях, отданных труду,
 Берёг свою красавицу – Конду.
 Нагрянула эпоха перемен;
 Народам, сыновьям земель иных
 Ты отдаёшь богатства недр своих
 И ничего не требуешь взамен.
 Ты держишь на ладонях корабли,
 Несущие дары твоей земли,
 Туда, куда стремится твоя душа:
 На бурные просторы Иртыша.
 Душа твоя в величии Оби,
 В журчании лесного ручейка.
 А я дарю тебе, моя река,
 Мужское объяснение в любви!

17.03.05 г.

ИСПОВЕДЬ ДЕЛОВОЙ СТЕРВЫ

Эй, поэт, мою подлость воспой-ка!
 Как живу в подхалимстве и лжи,
 А душа моя, словно помойка,
 Где гуляют мыслишки – бомжи:
 Что мужик – кошелек для карьеры;
 Опустел и не нужен он мне,
 А любовь, честь и верность – химеры.
 Я продам, коль сойдемся в цене.
 Посмотрите, как я улыбаюсь:
 Чистота, обаяние само.

Отвернитесь, и я постараюсь
 Окунуть вас поглубже в дерьмо.
 Плохо мне, я другому нагажу;
 Пусть ему будет хуже вдвойне,
 Мне нетрудно – мерзавке со стажем,
 Я с добром в постоянной войне.
 В пресмыкание не ведаю меры.
 Жалко: совесть нельзя схоронить.
 Тварь! Мешает мне делать карьеру,
 А без совести легче прожить.
 Доверяйте мне смело секреты,
 Эти тайны я тут же продам,
 И пройду к своей цели заветной
 По телам вашим и головам.
 Час придёт – я возвысюсь над вами;
 «Аз воздам» и друзьям, и врагам.
 Для меня все вы – грязь под ногами,
 Что налипла в пути к каблукам!
 Ах, как славно я царствовать буду:
 Лбами сталкивать, ссорить, карать.
 И сбегутся ко мне лизоблюды,
 Чтобы сплетни на ушко шептать.
 Негодяек найдется немало,
 Хорошо в их кругу отдохнуть.
 Я со сплетен сама начинала
 Свой тернистый, несправедный путь.

Но! Однажды случится кошмарное:
 Я пригрею змею на беду.

И она меня — неблагодарная,
 Упокоит в поганом пруду.
 И напишет поэт в эпитафии,
 Без злорадства и скорбной слезы:
 — Здесь окончилась биография
 Той, что вечно купалась в грязи!

5-7.04.05 г.

СЛЕДУЕТ ЖИТЬ

Минуло время юной беспечности.
 Зрелость прошла в бесконечных трудах.
 Я приближаюсь к берегу вечности,
 Но не жалею о прошлых годах.

Делая шаг, оглянись на прощание:
 Что я оставил на долгом пути?
 Радость открытий, счастье познания,
 Всё, что уйдет за последним «прости».

Делая шаг, оглянись на прощание;
 Мир остается, а мне — уходить.
 Впрочем, не рано ль, писать завещание.
 Жизнь прекрасна! И следует жить.

Следует жить для любви и для радости,
 Делать добро и награды не ждать.
 Внуков растить — утешение старости.
 Если уйду, им меня продолжать.

Что меня ждет? Может, мрак и забвение;
 Разум угаснет, как гаснет звезда.
 Мысль последняя: — В это мгновение
 Я уйду навсегда в никуда.

Или — иные миры и пространства
 На бесконечном вселенском пути,
 Вечные поиски, вечные странствия,
 Что-то ещё и узнать, и найти.

Ну, а пока — испытать, что отмеряно.
 Время торопит, и надо спешить,
 А потому, заявляю уверенно:
 Жизнь прекрасна, и следует жить!

5.05.05 г.

НАШ ИЮЛЬ

Песенный вариант

1

Лето отмечталось;
 Лето вдаль умчалось,
 Журавлиным клином
 Кануло в закат,
 А любовь осталась,
 Счастье продолжалось.
 Осень, помоги нам
 Счастье удержать.

2

Сентябрины. Вечер,
И горят, как свечи,
Звезды голубые
В зеркале реки.
Твои губы шепчут:
— Как ждала я встречи.
Жаль, что ночи были
Слишком коротки!

3

Иней белоснежный,
Зимние рассветы.
От улыбки милой
В комнате тепло.
С поцелуем нежным
Мы вернемся в лето.
Как же нам, Людмила,
В жизни повезло!

4

Кружат год за годом
Плавным хороводом.
Нам порою грустно
Средь житейских бурь.
Вопреки природе,
При любой погоде,
С нами наше чувство,
С нами наш июль.

Пр. к пес. вар.

Люда, Люда — Людмила,
Как давно это было.
Те июльские ночи
Мне припомнились вновь.
Люда, Люда — Людмила,
Ведь и ты не забыла,
Как июль напрогочил
Нам с тобою любовь.

4 — 6.06.05 г.

НАЗЛО ГОДАМ

Песенный вариант

Неделю мучила жара;
Неделю льёт как из ведра.
Я на июнь обиделся.
Ведь, я его так долго ждал,
А он пришел и убежал,
Как будто бы привиделся.

Вот так же и мои года:
Бегут неведомо куда.
Мы незаметно старимся,
Но перед тем, как постареть,
Так много надобно успеть,
Пока совсем не свалимся.

Трудись, пусть даже трижды лень.
Далёк еще тот самый день,
Когда покроюсь плесенью.
Поднимем тост назло годам
И рассмешим почтенных дам
Своей весёлой песнею.

8.05.05 г.

ПЕТУХ

Красный гребень, пышный хвост.
Всем хорош: фигура, рост.
Он идёт походкой важной,
Гордый, строгий и вальяжный;
И великий, простой,
«Куд-кудах» – такой крутой!
Горлопан, на драку скорый,
Он не любит разговоры,
А из всех возможных тем,
Только «Я» и «Мой гарем».
Вот он замер в гордой позе,
Кур зовет издалека:
– Я нашел для вас в навозе
Во-о-т такого червяка!

06.05 г.

КОНЕЦ МАЯ

Вечер

Быстротечной весной расколдованный
Лес шумит изумрудной листвою.
Я гляжу на него, очарованный
Волшебством этой сказки лесной.

День, умывшись обильными росами,
Взбил подушкой туман у земли,
И устало прилёг под березами,
На перину вечерней зари.

В палисаде рябины невестятся;
Разомлели в вечернем тепле,
И рога любопытного месяца
Серебрятся в оконном стекле.

Небо точками – звёздами светится;
За дорогой увиделось мне,
Как созвездье Большая Медведица
Задремало на старой сосне.

26.05.05 г.

ОБЛАКА. ПОЭТ. МЕЧТЫ

По небесной реке облака
 Чередой бесконечной плывут.
 Их высокая жизнь коротка,
 Им неведом покой и уют.
 Облакам все лететь и лететь
 За капризную розой ветров,
 И закатом багряным гореть,
 Умирая на грани миров.
 Возрождаясь в росистых ночах,
 Им, увы, суждено новым днем
 Раствориться в горячих лучах
 И упасть серебристым дождем.

— Ты ответь мне, дружище поэт:
 Неужели вам мало Земли?
 Чем влечет вас заоблачный свет?
 Что вы здесь отыскать не смогли?
 Почему же всему вопреки,
 Не боясь ледяной высоты,
 Вновь упав, поднимаешься ты,
 Над простором небесной реки?

— Я плыву облаками мечты,
 Вопреки притяженью Земли,
 Чтоб, познав краткий миг высоты,
 Раствориться в небесной дали
 И росой уснуть на лугах,

И туманом над речкой парить,
 Видеть счастье в любимых глазах,
 И рассветы любимой дарить.

Ярче видеть и яростно жить,
 Постигая мечту— высоту,
 И зелёную Землю любить,
 Воспевая её красоту!

11 – 14.07.05 г.

КРАЙ МОЙ ТИХИЙ

Край мой тихий, печаль вековую
 В красоте твоей чувствую я.
 И люблю и немножко ревную:
 Неужели, есть краше земля?

Загляделись июньские зори
 В зеркала серебристых озер.
 Всё знакомо. Знакомо до боли:
 Дом над речкой; за озером бор.

Здесь всё так же, как с юности помню я,
 И, наверное, было всегда:
 Пребывают в извечной гармонии
 Небеса, чистый бор и Конда.

22.06.05 г.

ИЮНЬ. РАССВЕТ

Ночь светла – у природы бессонница,
 Горизонт розовеет вдали.
 Купол ясного неба, как звонница,
 Распростёрся над храмом Земли.
 Пропускать это диво не хочется.
 До рассвета опять не усну.
 Где-то птаха поет полуночица,
 Звонкой флейтой пронзив тишину.
 Плачут росами травы душистые,
 Оживает предутренний плес,
 И рассвета лучи золотистые
 Заструились по листьям берез.
 Тают медленно клубы туманные,
 Поднимаясь из тени долин,
 А над ними, как трубы органные,
 К небу тянется бор – исполин.

Сосны высятся прямо и гордо,
 В инозвёздные дали маня.
 Три стихии могучим аккордом
 Начинают симфонию дня.
 Я люблю эти чудо восходы,
 И оно не подвластно векам,
 Чудо северной, скромной природы,
 Как же здесь не рождаться стихам!

23.06.05 г.

РЕЧНИКАМ ТЕХНИЧЕСКОГО УЧАСТКА

*Посвящается памяти
 Владилена Павловича Максимова –
 старейшего капитана Конды*

Забуянил март чего-то;
 Крутит вьюгу над рекой,
 Но вовсю кипит работа,
 В техучастке, в мастерской.
 Всюду стружки, дух сосновый;
 Штабель досок у окна.
 Дед Максимов с Ивановым
 Дружно ладят бакена.
 Мужикам знакомо дело,
 Не один десяток лет,
 И работают умело,
 Как сыгравшийся дуэт!
 Все дощечки по размеру;
 Каждый гвоздик – точно в цель.
 Я б, наверное, к примеру,
 От такой работы пел.
 Бакенов, уже готовых,
 За избушкой целый ряд.
 Аккуратных, деревянных,
 Пирамидочек трехгранных.
 Штук, пожалуй, пятьдесят.
 Белым цветом красят доски,

На решетчатых боках.
Бакен смотрится в полосу,
Как тельняшка речника.

Под капельное стаккато
Скоро речка оживёт,
Понесёт по перекатам
Ноздреватый, темный лед.
Весь сияя свежей краской,
От форштевня и до рей,
«Кобчик» – катер техучастка,
В рейс торопится скорей.
Суетится белый катер,
От темна и до темна,
Выставляя на фарватер
Вешки, знаки, бакена.
Ювелир в своей работе,
Капитан не подведет:
Сорок лет уже на флоте,
Знает каждый поворот.
Все коварные участки,
Обозначит, чтоб могли
Совершенно без опаски
Плыть по руслу корабли.
Точно выверив все створы,
Катер выйдет, как всегда,
На иртышские просторы;
Здесь кончается Конда.
Возле Тюлей, аккуратно,

Встав у яра, отдохнёт,
А потом пойдёт обратно:
На Конде работа ждет.
И огромный танкер мимо,
проходя, дает гудок,
Поприветствовав учтиво,
Работающий катерок.
Речники отлично знают,
Цену этого труда,
Потому и уважает
Капитана вся Конда!

От Амура и до Ейска,
На фарватерах соров,
Волжских или Енисейских,
Много трудится путейских
Неприметных катеров.
Пожелать хочу ребятам,
Чтоб хотели и могли,
И суда по перекатам
Не сидели на мели.
Ни штормов вам, ни тумана,
Только легких ветерков,
Долгой жизни капитанам,
Всех путейцев-речников!

03-07.05 г.

ПО ПОВОДУ СТРАСТИ

Страсть ослепляет как-то вдруг,
И в паранойе ослепленья
Не видишь ничего вокруг,
Кроме предмета вожделенья.

Пополнив племя дурачков,
Мы невпопад смеемся, плачем.
Сквозь стекла розовых очков
Мир видишь несколько иначе.

Друзья смеются: – Ну попал!
Ей далеко до совершенства.
Но ты-то видишь идеал,
И символ райского блаженства.

В таком придуманном раю
Нет неприступных бастионов,
И все моральные табу,
Сминает вал тестостеронов.

А нагрешив, потешив страсть,
Корим себя и сожалеем:
– Ах, боже мой, так низко пасть!
И прозреваем, и умнеем.

По морю будней поплывём,
Себя, утешив тем, отчасти,

Что вновь не скоро попадем,
Под власть подобной бурной страсти.

07.05 г.

ПАМЯТИ МИХАИЛА ЕВДОКИМОВА

40 день со дня гибели Михаила Евдокимова

Рождённый в глубине большой России,
Надёжный, настоящий сибиряк;
Как и Шукшин, и Заволокин, и другие –
Романтик и немножечко чужак.
При внешности простой, мужиковатой,
Веселый, громогласный и большой.
С зарядом яркого народного таланта,
С ранимою и чуткою душой.
Достиг всего: и славы, и успеха.
Тебе в «Аншлаг» было суждено
Быть дирижером только искреннего смеха,
Что в их цеху не каждому дано.
Цени мужскую, истинную дружбу,
Ты был душой компании любой.
И свой талант не ставил пошлости на службу,
А был всегда, везде самим собой.
Обидно – все же видели и знали:
Политика – твоё ли ремесло?!
Ведь, в ней все честные, как ты – не выживали,
Там слово бьёт сильнее, чем весло!
Затопчут в грязь любого Дон-Кихота

И высмеют мечту и доброту,
Там, на таких как ты, загонная охота;
Бегут толпой – Ату его! Ату!
Теперь скорбим, но нам ли спорить с богом,
Не дожил ты до праведных седин.
В большой России губернаторов так много,
Но, только Евдокимов был – один.

В родном селенье свежая могила;
Все как при нём: деревья, облака,
А наша Русь в который раз похоронила,
Воистину, святого мужика!

ЮБИЛЕЙНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Отныне мне уже за пятьдесят.
Подарки. Поздравления. Звонят.
Не верится: я прожил столько лет?!
Но радости особой что-то нет.

Конечно, юбилей не так и плохо,
Но мне претят шумиха, суматоха.
Отметил как обычный День рожденья:
Семья, родные,
Прочим – извиненья.

Надеюсь, всё поймут. Поняв – простят.
Ведь, это только цифры – пятьдесят.

Бывал я на подобных юбилеях,
И громких, и значительно скромнее.
Вот и сейчас, дурачусь, веселюсь,
Но чувствую внутри, подспудно, грусть.

Куда от них сбежишь, от этих лет,
А сколько впереди? Ответа нет.

Законный повод сесть поразмышлять,
О том, кто я сейчас, и кем мог стать.
Поелику, к несчастью или к счастью,
Принадлежу к педагогической династии:

Дед, мама, тётя, дяди, сёстры,
Семейный долг и всё не так-то просто,
И нет метаний в поисках дороги:
Мой путь был предначертан – в педагоги.

Я делал своё дело. Что ещё?
И смею думать, делал хорошо.

Размеченная трелями звонков,
Судьба моя – в судьбе учеников.
Учебный план расписан наперёд,
Мерило всех вещей – учебный год.
И всё бегом. И только успевай.
Вчера – сентябрь, а сегодня – май.

Новации, реформы – ерунда,
А школа и учитель – навсегда!
Я знаю, что за отпуском грядет:
Моя работа. Мой учебный год.

Порассуждал; за окнами рассвет.
И, в сущности, вопросов больше нет.
А, кстати, мне уже за пятьдесят.
Пора беречь здоровье. Ну-ка – спать!

15.08.05 г.

СОМНЕНИЯ...

Кого порой не мучило сомненье:
«В чём, собственно, твоё предназначенье?»
Меня, коль верить собственной натуре,
Помимо прочего, влекло к литературе.

Но филологии занудство ненавижу.
Писать стихи – мне это как-то ближе.
История – мой труд, а все метанья,
В конфликте дела, долга и призванья.

И новое сомнение при этом:
А стал бы ты значительным поэтом?
И так ли твои рифмы хороши?
Отнюдь!
Теперь лишь хобби – для души.

А в юности могло бы быть иначе,
Но дело жизни требует отдачи.
Сильнее оказался всё же долг,
А хобби – заповедный уголок!

Но как же в этом случае мне быть?
Попробую-ка их объединить.
Конфликт, вполне решаемый по логике:
Пусть хобби помогает педагогике.

Какой-то математик в свое время
Придал стихом изящность теореме.
И, главное, все формулы-стихи
Восприняли его ученики!

А в рамках обозначенной проблемы
История лиричной теоремы.
Суша, суша теория, мой друг,
А в жизни всё рифмуется вокруг!

19.08.05 г.

ЮГРА – ЮГОРИЯ

Песенный вариант

1

Необъятная земля;
Край преданий и туманов.
Кедры древние хранят
Заклинания шаманов.
Семь холмов, Иртыш-река;
Кедрачи у крутояра,
Помнят струги Ермака,
Помнят княжество Самара.

2

Где Югра за веком век
Сберегала свои клады,
Пробивался человек
Сквозь таёжные преграды;
Верен был своей звезде,
А Югра сдалась не скоро,
От Шаима на Конде,
До гиганта Самотлора.

3

Летом – тучи комаров,
А зимою – вьюги крутят.

Люди спали у костров
И мечтали об уюте.
Вырастали навсегда
На пустом, казалось, месте
Голубые города,
О которых пелись песни.

4

Ясный ум у нас в чести
И мозолистые руки.
Здесь успели подрасти
Наши дети, наши внуки.
Им работать здесь и жить;
Быть Югре еще красивей
И немало послужить
Возрождению России.

Припев:

Пусть где-то есть края теплей,
Не спорю я,
Но мне дороже и милей
Югра – Югория.
Она суровой красотой
Своей горда.
Земля, летящая мечтой
В грядущие года.

29.08.05 г.

РЕКС И КУСАТЕЛЬНЫЙ РЕФЛЕКС

У щенка по кличке Рекс,
 Изорвательный рефлекс;
 И еще – кусательный,
 И чуть-чуть – жевательный.
 Рекс с утра, совсем немножко,
 Покусал у кресла ножку,
 Пожевал матрац из губки,
 Это он так точит зубки.
 И слегка порвал ковер.
 – До каких же это пор? –
 Молвит мама со страданием. –
 Не щенок, а наказание.
 Собрались мы на совет.
 – Пес хороший, спору нет,
 Даже необыкновенный,
 Но пока он подрастет,
 Дома будут только стены,
 Рекс всю мебель изгрызет, –
 Говорит сердито папа, –
 Не-е-т! Так дело не пойдет.
 Кстати, за непослушанье,
 Есть система наказания.
 Тут вмешалась дочка Влада:
 – Наказание не надо.
 Я вообще, считаю лично,
 Это – не-пе-да-го-гич-но!
 Наказание – не средство.

Вы своё забыли детство!
 – Доча, ты не наезжай.
 Ты решение давай.
 – Есть решение. Нашло-ось!
 Мы подарим Рексу кость.
 Это вкусно и практично.
 И вполне пе-да-го-гич-но.
 И в квартире с той поры,
 Целы мебель и ковры.
 Кость грызет усердно Рекс;
 Тренирует свой рефлекс!

4.11.05 г.

НЕФОРМАЛЬНЫЙ УРОК

– Добрый день. Начинаем урок.
 Кто дежурный?
 Садитесь, ребята.
 За окошком ноябрь. Снежок.
 – Ну-с! О чём потолкуем, девятый?
 В рамках темы: «Серебряный век»,
 Кто готов, отвечают нормально,
 Но подросток, такой человек:
 Ему хочется неформально
 обсудить, что волнует его,
 Разрушая привычные схемы.
 А вопросы, брат, о-го-го!
 Например, вот такие проблемы:

– Что привносят в культуру «Та-ту»?
 – Это – накипь.
 – А Вы против геев?
 – О! Какую несем мутоту!
 Был Чайковский, и есть Моисеев.
 Мы их творчество вправе судить,
 А постель – личный «бзик» человека.
 Люди, к теме: пора говорить
 О поэтах ушедшего века.

У «девятого» есть, как всегда,
 Сто вопросов, и все без ответов.
 – Почему-то в России беда:
 Краткость жизни великих поэтов?
 – Не ищите готовый ответ,
 У меня только версия, братцы.
 Что такое в России поэт,
 Вам самим предстоит разобраться.

– И для них роковое число,
 Тридцать три. Как рубеж, как экватор!
 – Нас опять не туда занесло.
 Я ж, историк, а не литератор!
 Объясняю: число тридцать три;
 Это зрелость подводит итоги:
 Что успел? Оцени, посмотри.
 Есть ли силы для новой дороги?
 Не утратил ли ясность ума;
 Свежесть чувств, удивление миром?

Или – всё позади. Дальше – тьма.
 И не быть тебе больше кумиром!
 Что поделать: не всем суждено,
 Пережить испытание славой;
 И забвением, ибо, оно,
 беспощадно бросает на дно.
 Переменчивы моды и нравы.
 Впрочем, слава – туман! Ерунда!
 Во-вторых, так сложилось от века,
 Что большие поэты всегда
 Неуютны царям и генсекам.
 Да, поэт уязвим и раним,
 То душа кровоточит как рана.
 Он – не быдло, он – гражданин.
 Значит, враг для любого тирана.
 Ведь, тираны никак не поймут:
 Есть законы большого искусства,
 Где не действуют окрик и кнут,
 Где мотивы – высокие чувства.
 Невозможно поэта купить,
 Годы ссылки молчать не заставят.
 Неуютен! Убить! Затравить!
 На Руси это часто бывает.

Зависть бездарей, злобный навет,
 Отторжение кичливого «света».
 И – нацеленный пистолет
 В совесть нации, в сердце поэта.

Так-то, братцы!
Не стоит рядить:
совпадают ли годы и сроки.
Важно – как эти годы прожить,
Чтоб оставить бессмертные строки.

Как всегда, и некстати – звонок.
– До свиданья!
– До встречи, ребята.
Вот такой неформальный урок.
И уходит притихший «девятый».

14.11.05 г.

СТИХИ 2006 г.

СПОРНЫЕ МЫСЛИ

Заметки на полях

1

Дурак – не значит, вовсе нет мозгов,
А, просто, склад ума его таков:
Он отличается в конкретной ситуации
Иной системой обработки информации.

2

Поэт, художник, музыкант;
Неважно, я держусь позиции,
Что одаренность и талант
Лишь мера божьей интуиции.

3

В чём Казанова гениален:
Не вылезал из женских спален?
Но свыше власть ему дана:
Знать душу женщины до дна.

4

Злой гений – страшно и противно,
Ведь гениальность позитивна!
Господь ошибся потому,
Что дал не то,... и не тому.

5

Честолюбивый середняк,
Пусть даже трудится до поту,
Не станет гением никак.
Ну не дано ему... и все тут!

6

По большей части, людям невдомек:
Все наши мелодрамы, охи, ахи.
Вмещаются в весьма короткий срок:
Чуть больше лошади, и меньше черепахи.

7

Приходится, как лошади, пахать,
Всю жизнь свою, единственно, из страха,
Что старость не удастся продремать,
Как старая, больная черепаха.

03.06 г.

ЧТО НОВОГО?

С крыш закапали капли.
Это, в общем, хорошо!
Утром слышал птичьи трели.
Тоже славно. Что ещё?
Новостей великих нет.
Цены выросли за свет.
Это в новость не годится:

Это – в области традиций.
Вот чего не ожидали:
Сахар, соль подорожали.
Ха! Нашли чем удивлять.
Это следовало ждать.

На «Лендроверах» богатых
Зачастили кандидаты;
Агитацию ведут.
Значит, выборы грядут.
Это всё второстепенно.
И вполне обыкновенно.
Что бы не происходило,
Солнце ярче засветило.
Новость главная одна:
Ожидается весна!

03.06 г.

МЫСЛИ НА ЭКЗАМЕНЕ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Диалог: кн. Андрей – Пьер Безухов

– Ах, Пьер, мой добрый толстячок,
Какой от этой жизни прок?
Куда спешить? Куда бежать?
За что сражаться и бороться?
Мне в этой жизни остаётся
Считать года и доживать.
– Андрей, я говорю любя:

Стоит жить!!!

Не стоит хоронить себя,
Ведь жизнь нам дает подчас
Второй, а то и третий шанс.
Пока ты чах, себя жалел,
Усохший дуб зазеленел.
Да оглянись же ты вокруг.
Я говорю тебе как друг,
Ищи, ищи свой новый шанс,
И счастье не минует нас!

ПРИРОДА. ВДОХНОВЕНИЕ

Заметка на полях

Природа, как родник с прохладною водой
Дарит поэту чудо вдохновения.
Тропой давно прошедшего здесь гения
...Припёрся графоман на водопой.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

В скорбях ли, радости своей
Искал поэт отдохновения,
У чистоты родных полей,
Ловя прекрасные мгновения.
Резвится баловень – Борей,
Над завитушками кудрей,
А плод подобного союза –
Весьма изысканная Муза.

2.06.06 г.

ВЕНГЕРСКИЙ МОТИВ

Андрей Эшпай и славный Ференц Лист;
Душа романтика и сердце музыканта.
Порой мне жаль до слез, что не сошлись
В одной эпохе два больших таланта.

Как далеки марийские леса
От Венгрии, а Волга от Дуная.
Но музыке подвластны чудеса,
Она летит, преград не признавая.

Поют ветра на струнах ковылей,
Наполнив степь от края и до края.
Дерзай, рапсод! Играй же веселей!
Пой, красоту земную прославляя.

Играют ветры гривами коней;
Уносится мелодия Эшпая,
Туда, где волны вольных ковылей,
Сольются вскоре с волнами Дуная.

Лежат на шее верного коня
Свободными забытые поводья.
Пой, скрипка, как поёт душа моя,
Мелодию степи – её рапсодию!

8.07.06 г.

ЗАБЛУДИЛСЯ В ЛЕТЕ

Лето. Вечер. Озеро.
Проверяю сети.
Мечутся стрекозы,
Заблудившись в лете.
Волны чуть колышутся,
Солнышко качая.
Издалёка слышатся
Крики алых чаек.
У воды берёзки
Тихо засыпают.
На листе полосками
Лучики играют.
Прилетели ветерки
С водного простора,
Потревожив лозняки
У подножья бора.
Легкий, белый штришок
Облако в зените.
Протянуло на восток,
Серебрянки-нити.
Закатился солнца диск
В частокол урмана.
Над болотом поднялись
Полосы тумана.
В чистом зеркале воды
Звёздочки мерцают.
И от этой красоты

Сердце замирает.
Зачарованный пейзаж;
Для души отрада.
Как бывает подчас,
Чудо сказки рядом.
Лето.
Ночь по часам.
Я забыл про сети.
Неужели, и сам
Заблудился в лете!

11.07.06 г.

АКРОСТИХ. (Ф.Г.С.)

Грядущее прозреть сквозь сутолоку дней,
А это – лишь частица сверхзадачи.
Любить людей и делать мир добрей,
И Вы живёте так, а не иначе.
На тонких гранях бытия иных миров,
Алмазы духа редки, как и в этом.
Фальшь не приемлющий, и светел и суров,
Есть божий дар наставника поэтов.
Дано ли всем постичь Ваш звёздный путь?
Одно мне постижимо как поэту:
Ряды его сторонников растут,
Открывших сердце разуму и свету.
Вам суждено дорогу освещать,
А нам за Вами к истине шагать.

15.07.06 г.

КТО Я? КТО МЫ?

В звездную ночь взор устремляю
на небеса.

Это ль не чудеса!

Взгляд мой вбирает Вселенную,
Разом!

Кто я? Пылинка? Космический разум?
Там, наверху – звёздная млечность
и бесконечность;

Космос, холод, метеоритный лед.

Оно не живёт,

И это печально.

Но то – Изначальное

Лишь через нас познаёт

Понятия «жизнь, живёт».

Мы в этой Вселенной

на дальней окраине,

И тысячи-тысячи лет

Летит к нам космический свет,

Но и мы приобщаемся к Тайне,

К таинствам Мироздания,

Через разум и наше сознание.

07.06 г.

ДИАЛОГ ЗРЕЛОСТИ И ЮНОСТИ

Зрелость живёт осмотрительной мудростью,
Юность спешит без оглядки вперёд.

Зрелость предвидит возможные трудности.
Юность на трудности просто плюёт.

Зрелость – сторонник пути осторожного,
Ибо устроена, есть, что терять.

В юности нет ничего невозможного;

Если обжётся – всё снова начать.

Юность шагает по жизни беспечно,

Тратит без счета и дни, и года.

Зрелость печалится:

– Всё быстротечно,

То, что ушло – не вернуть никогда.

Юность порою смеётся над зрелостью:

– Мне твоя мудрость совсем не нужна.

Всё одолею напором и смелостью.

Просто, иные сейчас времена.

Зрелость ответила с грустью и нежностью:

– Годы покажут, и ты, может быть,

Вдруг, осознав приговор неизбежности,

Всё же найди в себе мужество жить.

07.06 г.

О ВАЖНОМ

Я на этом большом белом свете
Муж, учитель, отчасти – поэт.
И надеюсь, что внукам и детям,
Хоть какой-то останется след.

Наставлять вас не стану вальяжно;
Пустословие – наша беда.
Просто, выскажусь кратко о важном,
Что лежало на сердце всегда.

Мы не гости на празднике жизни
И не шлак в эстафете времен.
Надо жить для России, Отчизны.
В этом я глубоко убеждён.

Может, скажете:
– Как старомоден.
Отыскался «ура-патриот».
Кто поверит в такое сегодня.
Нынче всяк под себя лишь гребёт.

Но, поверьте, и хуже случалось.
Путь наш, в целом, не так уж и плох.
Ведь Россия всегда возрождалась
Птицей Феникс из пепла эпох.

Поработаем с чувством и толком;
Мы большие, спешить нам не след.
Постепенно вернется к истокам
Наш особенный менталитет.

Дайте время, у нас поубудет
Пессимистов и дураков.
А Россия была, есть и будет.
«Ныне, присно, во веки веков».

28.07.06 г.

ПРИЕЗЖАЙТЕ В АЛТАЙ

Песенный вариант

1

В череде зим и весен,
Среди зелени сосен.
От райцентра далёко;
Вёрсты зря не считай.
За крутым поворотом,
Меж рекой и болотом,
Примостился посёлок
Небольшой наш Алтай.

Припев:

Чудо-зори над Алтаем.
Полюбуйся, помечтаем.
Красота твоя земная
В моём сердце навсегда.

В этот тёплый летний вечер
Я спешу к тебе навстречу.
И тихонько подпевает
Черноглазая Конда.

2

Здесь народ работающий.
Быт у нас немудрящий:
Песни, рыба, картошка;
Тишина над рекой.
Здесь такие девчата.
Приезжайте к нам, сваты.
Угостим вас морошкой
И карасей ухой.

14 – 15.08.06 г.

СЕСТРЕНКЕ НАТАШЕ В ДЕНЬ 50-ЛЕТИЯ

Неблагодарный труд – года считать.
И главное ли это в жизни нашей.
Да, «стукнуло» сегодня пятьдесят
Сестре, жене, и бабушке Наташе.
Ведь, это только цифры – «пятьдесят».
Ну, а в глазах – всё те же «бесеняточки»,
сияют, как и много лет назад,
На старенькой семейной фотокарточке!

О прошлом не грусти, не сожалей;
Нам рано подводить ещё итоги.
Короткий полустанок «Юбилей»,
И снова в путь по жизненной дороге.
Желаю никогда не унывать;
Творить добро, усталости не зная.
Ведь, это только цифры – «пятьдесят»!
Ну, а душа всё та же – молодая!

5.12.06 г.

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
РОССИЙСКОГО ХАРАКТЕРА**

Песенный вариант

1

Вертолёт. «Болтанка».
Мы – как шпроты в банке.
Всех мутит: и баб, и мужиков.
Вертолёт колотит,
И винты щекотят,
Серые подбрюшья облаков.

2

И чего нам, братцы,
Дома не сидится?

Стоит жить!!!

И куда нас вечно всех несёт:
Над землей болтаться;
Тихо выражаться:
В босса, в маму, в фирму, в вертолёт!

3

На душе тревога;
Бабоньки тоскливо,
Выдают негромко «Ох!» и «Ах!»
А внизу – дорога;
Там неторопливо
Катят мужики на «Жигулях».

4

Слава Богу, сели!
И кого жалели?
– Те-то: в «Жигуленке», стало быть,
По такой метели,
К ночи бы успели
До Кондинска как-то проскочить!

18.12.06 г.

СТИХИ 2007 г.

ШКОЛЬНАЯ НОВОГОДНЯЯ

Песенный вариант

1

Завершается год,
Полный множества хлопот;
Он короче с каждым днём,
Ну, а мы уже поём:

Припев:

Здравствуй, здравствуй, Новый год,
Самый добрый праздник.
Возле ёлки хоровод,
Скоро, скоро поведет
Карнавал-проказник.

2

Первоклашечка за год
Поумнеет, подрастёт,
А одиннадцатый класс
Здесь споёт в последний раз.

Припев.

Пусть грядущий Новый год
 Всем удачу принесёт;
 Станет больше доброты,
 И исполнятся мечты.

Припев.

1 – 2.01.07 г.

АСТРОЛОГИЯ, ГЕНЫ, ИСТОРИЯ

Славно гулять новогоднюю ночью;
 Пар от дыхания лёгким дымочком,
 Свет фонарей затеня на миг,
 Инеем сеется на воротник.
 – Слушай! Картина достойна холста:
 Звёзды! Мороз! Новый год!
 – Красота!
 – Может быть, действует ночь новогодняя,
 Странные мысли приходят сегодня.
 – Я к твоим странностям как-то привык.
 Все же, давай поподробней, старик?
 – Что мы такое для мироздания?
 Миг – и исчезнем, как пар от дыхания.
 – Может, Вселенной на нас наплевать?
 Эти же звездочки будут сиять,

Правнукам нашим, ты только не смейся,
 Где-нибудь в дальнем космическом рейсе?
 – Верю. Послушай, вполне может быть,
 Звёздная память способна хранить
 образы предков.

– Суметь бы прочесть!
 – В звёздном архиве, наверное, есть
 Воин-рязанец в доспехе тяжёлом,
 В ночь перед битвой с коварным монголом.
 А далеко-далеко от Рязани
 Предок-шаман начинает камлание.
 Полька – прабабка, сбежавшая в табор.
 Прадед матрос драит палубу шваброй;
 По горизонту дымы расстелив,
 Входит эскадра в Цусимский пролив.
 Эти же звёзды с небес углядели
 Деда в подмокшей от крови шинели,
 На подмосковном глухом полустанке,
 Где догорают немецкие танки.
 Может, звезда увидала в окошко,
 Бабушку – манси, по прозвищу Тошка;
 Крепко ругается с дедом Филатом;
 Был на собрание – вернулся поддатый!
 Что ты смеёшься?
 – Послушай, Сергей:
 Сколько же в нас намешалось кровей!?
 – Это, я думаю, второстепенно.
 Все мы – как звёзды огромной вселенной –
 нашей России.

С единой судьбой;
 С общей историей, общей борьбой.
 Ныне живущие, давние предки
 Скованы цепью невиданно крепкой.
 – Мысль эта, в общем, вполне очевидна.
 – Жаль, что о ней забывают.
 – Обидно!
 – Ладно, дружище. Пора по домам.
 – Эй! С Новым годом!
 – Того же и вам.

2-3.01.07 г.

ПОЧТИ ПО ЛЕОНТЬЕВУ

*Депутаты Таллиннского сейма приняли решение
 убрать из центра города памятник советским
 воинам-освободителям*

Я не фашист, не националист;
 Не антиглобалист, не пацифист
 И не расист. Кому какое дело,
 Какой ты цветом: чёрный, жёлтый, белый?
 Да будь хоть в крапинку, а нравится – в горошек.
 Есть, просто, человек;
 Плохой или хороший.
 Работай честно и плати налог исправно;
 Дружи с соседями, как равный среди равных.

Чти память павших, уважай права живых,
 Храни семью, люби друзей своих.

Простые истины. Зачем их повторять?
 Да все к тому, что не могу никак понять:
 Ужели то, что знает даже папуас,
 Для Таллиннского сейма – не указ!
 Вменяем ли «почтенный» депутат,
 Глумящийся над памятью солдат?

Простите уж, соседусшки-прибалты,
 Что ваши депутаты подловаты.
 И объяснить им будет нелегко,
 Насколько ненависть заводит далеко.
 Забвение истории порой,
 Вело Европу к новой «мировой»
 У них в чести эсэсовская шваль.
 Эстонцы, откровенно, мне вас жаль!

«Избранники», желая перемен,
 В названье Таллина удвоив букву «Н»,
 Имеют нынче новый интерес:
 Перед «Эстония» удвоить букву «С».

20.01.07 г.

СУДЬБА ПРОРОКА

Андрею Дмитриевичу Сахарову

Не помню, кто сказал – мудрец или поэт,
– В Отечестве, увы, пророков нет!
А если, все же, изредка бывали,
Их дураки поспешно истребляли.

Любой дурак желают непременно,
Чтобы пророк, к тому же, был блаженным.
Ведь рядом с этим блеющим агнцом,
Дурак себя увидит мудрецом.

Ну, а с пророком рядом, так ли сяк,
Сообразит: – Неужто, я – дурак?
Поскольку, в глубине подозревает,
Что в голове... – немножко не хватает.

И возмутится: – Не имеешь права
Смущать умы и будоражить нравы.
И созовет толпу, и для начала
Пророка забросают гнусным калом.

Потом распнут под гиканье и смех,
– Ты этого хотел?
Так будь же выше всех!

Где им понять умишком недалеким:
Пророк и на кресте останется пророком!

27.01.07 г.

ДУЭТУ БОРИСА М. И ЛЮДМИЛЫ Г.

Шутка

– Мне не надо мужиков,
– Тебе не надо
Женских глаз и женских губ!
– Да, мой друг!
– И об этом, лишь об этом
Мы поём сейчас с тобой.
– Мы с тобой!?
– И для нас совсем неважно,
– Нет! Неважно!
– Ленинград или Петербург.
– О-О! Петербург!!
– Ведь московский «голубой».
– Кто «голубой»?
– И в Петербурге «голубой».

К ВОПРОСУ О МАСКАХ

– Жизнь театральна – говорю себе порой,
Где все мы, по отдельности и вместе,
Играем и озвучиваем роль,
Хотя, финал спектакля неизвестен.

Всё как положено: характер, должный стиль,
Что задан от природы как программа.
Весёлому – сценарий водевиль;
Для мнительных – сценарий мелодрама.

Но вот беда: не сходится сюжет;
Не тот поступок, реплика и краска.
Поскольку, есть еще один предмет:
Довольно привлекательная маска.

Без маски даже в гости не пойти.
Хотя, ты и раскован и свободен.
Тебя не пригласят, сказав: – Прости.
Пусть ты умён, но..., в общем, неудобен.

И с женщиной расходятся пути.
Без маски мы отчаянно рискуем.
Нарваться на печальное: – Прости,
Ты скучен и ужасно предсказуем.

Всяк сам себе актер и режиссёр;
И серость прикрывает глупой сказкой.
А я устал и с некоторых пор
Стараюсь реже пользоваться маской.

4.02.07 г.

В ЧУТКОЙ ТИШИНЕ...

В чуткой тишине ночной квартиры
Лучше осязаешь мыслей ход.
Время замедляется, а в мире
Жизнь безостановочно идёт.

Мир воюет, пашет и рождает;
Путает рассветы и закат.
День неумолимо наступает
От границы перемены дат.

Там поток событий нарастает,
К западу тесня завесу тьмы.
Мир танцует, любит и мечтает;
И не слышит шёпот тишины.

Ночь струит неспешною рекою
К океану завтрашнего дня.
Я её ничем не беспокою,
Здесь найдётся место для меня.

Ночь, раздумья, тихая квартира,
И бежит строка из-под пера.
Я сижу один, вдали от мира;
Меж сегодня, завтра и вчера.

23.02.07 г.

ЗДРАВСТВУЙ, МАРТ

В феврале с погодой нам не повезло:
Заморозило, снегами замело.
Но, зато, весна взяла хороший старт –
«Минус восемь» – благодать!
Ну, здравствуй, март.

Пробежусь-ка я на лыжах за село.
Синь небес и тишина.
В душе светло.
А вокруг страна сияющих снегов,
В редких росчерках «бурановских» следов.

За болотным редколесьем, через бор,
Профиль – просека стремится на простор –
И звенит струной, и вдаль меня зовет,
К небу, к солнцу;
За леса, за горизонт.

Хорошо бы и по жизни так идти,
Не сворачивая с верного пути,
Ветер, воля. В сердце радость и азарт.
От восторга я кричу:
– Здорово-о! Ма-арт!

03.07 г.

В БОЖЬЕМ ПОМЫСЛЕ...

В божьем помысле нет промедлений;
Коль эпохе немогуту,
В мир наш грешный является гений,
Воплощая в реальность мечту.

Музыкантом, поэтом, монахом;
Оболочка не столь уж важна,
Лобачевским, Толстым или Бахом.
Важно дело! Потом – имена.

Он исполнит свою сверхзадачу;
И прольётся божественный свет.
Станет мир чуть добрей, чуть богаче,
Устремляясь за гением вслед.

04.07 г.

КТО ВАЖНЕЕ?

Сочиняем с дочкой

Мурка по двору гуляла,
В гости к Жучке забежала.
– Жаль, общаемся мы редко!
– На цепи сижу, соседка;
По ночам я громко лаю,
Двор усердно охраняю;
Всех чужих гоню взашей.
– Ну, а я ловлю мышей.
Тут скворец им крикнул с ветки:
– Эй, послушайте, соседки!
Вы, конечно, молодцы,
Но важнее всех скворцы.
Этот сад и огород
Кто от гусениц спасёт?
Аккуратно, по порядку,
От жуков очистит грядку.
– Куд-кудах, – смеётся Клуша, –
Я червей люблю покусать.
Вам, скворцам, их не достать.

Не умеете копать,
 Легкомысленные птички,
 Я, притом, несу яички.
 Старый ворон со столба
 Каркнул: – Что за похвальба?
 – Ворон, ты у нас мудрец,
 Рассуди же, наконец:
 Кто в компании нужнее?
 Чьё занятие важнее?
 Ворон долго размышлял.
 Наконец, он так сказал:
 – Ваша общая работа,
 Здесь важнее, а не кто-то.
 Чтобы шли дела на лад
 Каждый вносит должный вклад.
 Вы, друзья, понять должны,
 В общем деле – все важны!

5.06.07 г.

ФЕЕ «МАЛЕНЬКОГО РАЯ» (шут.)

Песенный вариант

В Вашем «маленьком раю»
 Я увяз в начале мая.
 Показалось, что люблю,
 А теперь, и сам не знаю.
 Был я бос и одинок,

Но меня Вы приютили.
 Борщ и яблочный пирог
 Моё сердце покорили.

Вы – вдова, а я – матрос.
 Нам не грех сходить «налево».
 Вы в постели – виртуоз;
 Я на кухне – королева.
 Ваш фарфор, хрусталь и дом
 Говорят о тонком вкусе.
 И на выбор перед сном:
 Ванна, сауна, джакузи!

Круг друзей Ваш, mon ami,
 И изысканный и узкий;
 Изъясняются они
 По-английски и французски.
 Вы боялись: – Ах, скандал:
 Как ты сер на этом фоне!
 (Я французский изучал
 В Иностранном легионе.)

Я Вам, помнится, сказал:
 – Зря волнуетесь, роднуля,
 Пусть английский я познал,
 На задворках Ливерпуля;
 Пусть, и в чём-то неуклюж;
 (Недостаточно сноровки.)
 Я, в конце концов, не муж.
 Обойдусь без дрессировки!

Вы опять кричите: – Ах!
И ужасно побледнели:
По паркету! В башмаках!!
Милый мой, Вы – охамели!
Не зовите нож – пером,
Не курите, где попало;
И не пейте гадкий ром
Из коньячного бокала!

– Дорогая, я – моряк!
И менять себя не стану.
Ваш гламурненький тусняк,
Мне, вообще, по барабану!
Поступаю, как привык.
И усвойте на примере:
В доме должен быть мужик,
А не пудель в интерьере!

Вскоре взвою от тоски;
На рояль от фирмы «Беккер»
Брошу драные носки
И покину Вас навеки.
Заждались мои моря.
Не сердясь, не укоряя,
Помолитесь за меня,
Фея «маленького рая».

07.07 г.

ПРОВИНЦИАЛ

«Первопрестольная» шумит и суетится.
Ты никогда другой и не была.
– Давно не виделись. Приветствую, столица!
А у меня опять к тебе дела.

Ищу я улицу с названием – Москворечье,
Но москвичам плевать (и не проси)
На то, что в десять я обязан быть на встрече.
– «Гостеприимные!» Придётся брать такси.

Таксист по радио отслеживает «пробки»
И объезжает их по проходным,
Мимо песочниц, сквозь дворовые коробки,
Путём, давно привычным и родным.

Как ни крутились, на «Варшавке» мы застряли:
Ни тпру, ни ну! Один сплошной затор.
Куда тут денешься?, и время коротали,
Ведя неторопливый разговор.

– Издалека ли к нам, в Москву?
– Из-за Урала:
Ханты-Мансийский округ.
Не слышал.
– Тяжеловато вам в Москве – провинциалам!
– А ты у нас, в Сибири, не бывал?

– Чего там делать в этой вашей глухомани?!
Предпочитаю ездить за «бугор».
Я в прошлый отпуск был во Франции, в Германии,
А нынче в августе, поеду в Бангалор.

И в Новый год в Москве бывает скучновато:
С ума сойдёшь – пить водку восемь дней!
Куплю-ка тур да и скатаюсь в Эмираты,
А, может быть, в Нью-Йорк или Сидней.

– Смотри, открылся интервал.
– Авось, проскочим!
– Ну, а в России где-нибудь бывал?
– Как, это где? Анапа, Гагры, Сочи.
Эх, помню, в Сочи славно погулял!

– У нас в Сибири мест для отдыха немало;
И порыбачить, и позагорать!
– Там интересно только вам – провинциалам.
А я привык культурно отдыхать.

Мне, почему-то, за него слегка неловко:
– У вас, в столице, некогда скучать.
Поеду в Пушкинский, а после – в Третьяковку.
– Мне, лично, не случалось забегать.

– Ага! Приехали!
(Приткнулись на парковке)
– Привет Сибири, – руку мне пожал.

– Подъедешь к двум – я проведу по Третьяковке.
Ну, будь здоров, москвич-провинциал.

07.07 г.

ФЕСТИВАЛЮ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ «КОНДИНСКИЙ РОМАНС»

Песенный вариант

1

Опускается ночь на заречную даль;
Тихий вечер закатом угас.
Зажигает над Тулеей костры фестиваль:
Наш кондинский «Таёжный романс».

Припев:

До чего приятно, братцы,
С вами снова повидаться;
Беспокойный и бедовый,
Вольный бардовский народ.
Неформально пообщаться,
На прощание обняться.
Ну, а там, где мало слова;
Нам гитара допоёт.

2

Из посёлков далёких, больших городов,
Собрались перед ярким костром,

Стоит жить!!!

Кто душою не скуп, и с другими готов
Поделиться сердечным теплом.

Припев.

3.

Три короткие дня; расставанья печаль.
Но в грядущем, возможно, не раз,
Нас ещё соберёт у костров фестиваль:
Наш кондинский «Таёжный романс».

Припев.

25-26.07.07 г.

БАБУШКА И ВНУЧКА

Соколовой Надежде и её внучке – Яночке

– Что ж, ты, Яна, поиграла,
А игрушки не прибрала?!
Неужели мне опять
За тобою убирать?

Рассердилась Янушка:
– У-у! Какая бабушка!
Если будешь так ворчать,
Не приду к тебе играть!

– Ну-ка, быстренько, подружка,
Собирай свои игрушки.
Если ты не приберёшь,
Где же их потом найдёшь?

Яна губочки надула
И немножечко всплакнула,
Потому что стыдно
И чуть-чуть обидно.

Посердились, посердились,
А потом и помирились.
Яна веничек взяла
И бабуле помогла.

07.07 г.

КОЛЛЕГАМ

Уткиной

Она общительна, тактична;
Работу знает на «отлично».
Наставник молодых коллег,
Как педагог и человек.
Наш лоцман, в море инноваций
Поможет нам не потеряться;
Великолепный методист.
Без лишних слов – СПЕЦИАЛИСТ!

ЛЕРИ Г.В.

Ко дню посёлка

Вы для детишек, без сомненья –
Предмет любви и уваженья!
И сделали наш интернат
Уютным домом для ребят.
Здесь доброта и строгость – в мере.
Спасибо Вам, Галина Лери.
Для Вас дороже всех наград
Любовь и преданность ребят!

24.08.07 г.

КОРОВЬЯ ЖАЛОБА (шутка)

Песенный вариант

О бравых быках люди песни сложили,
А вот про коров почему-то забыли.
Позвольте же высказать несколько слов
О жизни печальной российских коров.

Корове, как женщине, хочется ласки;
Гуляют по ферме красивые сказки,
О принцах – быках и зелёных лугах.
А здесь только стойло, да цепь на рогах.

Есть сказка, что где-то в далёком Вьетнаме
Гуляют быки с золотыми... рогами.
Как только познаешь такого быка.
Так сразу родишь золотого телка!

Насчёт бугаев вам изрядно приврали.
Мы их никогда и в глаза не видали.
Заместо быков экзотических стран,
На ферме у нас зоотехник Степан.

Поставит укольник, и – будьте здоровы:
Рожайте телят, дорогие коровы!
У фермера только один интерес:
С коровы – надои, с телёнка – привес.

Все наши доярки с ума посходили:
Звезду Голливуда они полюбили:
Арнольда Шварцнегера им подавай.
– Во, девки, мужик! Настоящий бугай!!

А мы: холмогорки, швейцарки, сибирки,
Увы, рождены из стеклянной пробирки.
О! Где же ты, наш златорогий герой?
И капнет на сено слезинка порой.

Какая любовь, если жизнь, по сути,
За нас программирует умный компьютер.
Ой, бабы, и вам через пару годков
Пробирки заменят любых мужиков!

И будет вам сниться зелёное поле,
С Арнольдом в копне, да любовь на приволье.
И слёзы в подушку, всю ночь, до утра.
Ну, всё! Извините: на дойку пора.

28.09.07 г.

А МИРОМ ПРАВИТ ЖЕНЩИНА

Песенный вариант

1

Сложился так во времени
Порядок вековой:
В семье, в роду и в племени
Мужчина был главой.
Но исподволь подмечена
Особенность одна,
А домом правит женщина,
Ведь шея-то – жена!

2

Позднее обнаружилось,
Что быют со всех сторон
Князей, когда не слушались
Советов умных жён.
Хотя давно подмечена,
Особенность одна,
Державой правит женщина,
Ведь шея-то – жена!

3

Империи разрушились,
И пали короли,
За то, что жён не слушались,
И голоса любви.
Хотя, давно подмечена,
Особенность одна:
А миром правит женщина,
Ведь шея-то – жена!

4

Подобными примерами
История полна.
И в наши дни премьерями
Командует жена!
Надёжна и изменчива,
Коварна и нежна,
Планетой правит женщина!
Ведь шея-то – жена!

1-2.10.07г.

ЛУЧ ЗАКАТА...

Песенный вариант

1

Луч заката кошкой рыжей
Пробежал по нашей крыше.

Закружился с листопадом
Среди листьев-огоньков.
Опустилось небо ниже;
Стали звёзды ярче, ближе,
Наблюдая за парадом
Серебристых облаков.

2

Из вечернего сюжета
Возникает бабье лето.
В паутинках настроений,
Словно женская душа.
Из оттенков тьмы и света,
Из осеннего букета
мимолётных впечатлений.
Тем она и хороша!

3

Наши ссоры и напасти
Все исчезли в одночасье.
Эти недоразумения,
Словно тучи унесло
После долгого ненастья,
К нам опять вернулось счастье.
Среди замяти осенней
Вдруг повеяло теплом.

11.07 г.

ПОРОЧНЫЙ КРУГ

Хотя бы то, что жизнь не задалась,
Отчасти, этот парень понимает.
Отец давно сидит, а мать спилась,
Да разве он другую жизнь знает?

Он на своём коротеньком веку,
Ни разу не обласкан, не целован.
И прячет глубоко в душе тоску
О том, чего лишён, в чём обворован.

А улица всё примет, всё поймёт;
Там хорошо, и там не одиноко.
Он будет мстить: сворует, изобьёт.
Всем нам! За что? Бессмысленно, жестоко.

И повторит судьбу отца отнюдь не вдруг,
Не в силах разорвать порочный круг.

11.07 г.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Как бороться с холодами?
Топим печь с утра до ночи.
И поленица с дровами
Всё короче и короче.

* * *

Может, мы не слишком строги
К человеческим грехам?
У популяции двуногих,
Именуемыми – хам!

* * *

Тот, кто должен быть на нарах,
Отдыхает на Канарах.
Остальные жрут г...о.
Так у нас заведено!

ЧТО ПОД ОБОЛОЧКОЙ?

– Заметь, мой друг: вне возраста и званий,
Нас женская пленяет красота.
Без этих грациознейших созданий,
Мужик, вообще, не стоит ни черта!

– Ты посмотри, красавица, какая!
Да, не туда, левее погляди.
Свой холостяцкий шанс не упуская,
Сейчас же, познакомься, подойди.

О чём они толкуют, интересно?
А друг мой заливался словесом:
– Вы знаете, как было бы чудесно
Нам прогуляться где-нибудь вдвоём!

И отступил, решительно и мудро,
Поскольку, услышал её ответ:
– Ты чё, мужик? Гуляешь от «лахудры»?
А на «кабак» «бабла», конечно, нет?

И тут, пожалуй, можно ставить точку.
Мораль же, очевидна и проста:
Как часто мы «клюём» на оболочку,
Не зная, что под нею – пустота!

12.07 г.

МАЛАЯ РОДИНА

Песенный вариант

1

Сколько б дорог мною не было пройдено,
В сердце упрямо горит,
Как маячок, моя малая родина
Властно зовёт и манит.

Припев:

Малая родина – сосны высокие,
Тянут вершины в зенит.
Воспоминания детства далёкие:
Речка под сенью раkit.
Малая родина – утро росистое,
Жаркий июль и покос.
Первое чувство – невинное, чистое.
Здесь я родился и рос.

2

Реки сильны родниками-истоками;
Этим и люди сильны.
Вдруг долетает к нам, в дали далёкие,
Зов из родной стороны.

3

Ширь луговая, тайга необъятная,
Корни мои и исток.
Кто я без родины? Голь перекатная,
Ветром гонимый листок!

4

Вижу я в том провиденье Господнее,
Счастлив, что в сердце сберёг
Милый мой край – мою малую родину,
Тёплый, живой огонёк!

16.12.07 г.

А МНЕ ПРИГРЕЗИЛСЯ ПОКОС...

Лютует за окном мороз;
Фонарь в туманном ореоле.
А мне пригрезился покос,
Тепло, июльское раздолье.

Заря лишь только занялась
В полосках лёгкого тумана,
Лежит просторная поляна,
Косить прохладно, в самый раз.

Привольно дышится, легко;
Виски щекотят капли пота.
Гуляют мысли далеко,
А тело занято работой.

И в такт движениям руки
Коса – «литовочка» умело
Траву укладывает влево,
На изумрудные валки.

Прошли рассветные часы,
Изрядно солнце припекает,
И каждый взмах моей косы,
На травах радугу рождает.

Уф-ф! Начинается жара.
Луг разомлел в июльском зное.
Пора заканчивать. Пора!
И поясница что-то ноет.

Лютует за окном мороз.
К утру, пожалуй, будет злее.
А мне пригрезился покос.
И стало капельку теплее.

12.07 г.

И ЧТО У НАС ЗА КЛИМАТ...

И что у нас за климат, в самом деле?
И как его порой не изругать!
Под вечер – минус семь, после метели;
К утру – уже за минус тридцать пять.

Сравните, для примера, Подмосковье
С Сибирью, в середине января.
Поверьте, за сибирское здоровье
Бокалы поднимаются не зря!

Живу в Сибири больше полувека,
Давно простую истину открыв:
Здесь климат проверяет человека
На прочность, как металлы на разрыв.

Но, главное, и это остаётся:
Здесь многие в душе уберегли
Всё то, что за Уралом продаётся
За доллары, за евро и рубли:

Любовь не предаём ради карьеры,
Друзей не продаём за серебро.
И признаём за истинные меры –
Порядочность, сочувствие, добро!

Не климат, а моральное увечье,
Всё может опоганить и сгубить.
Так дай нам Бог родное, человечье:
Всё русское, сберечь и сохранить!

28.12.07г.

В РОЛИ ДЕДА МОРОЗА

Пожелания землякам в Новом году

...Чтоб гулялось и любилось,
Вкусно елось и пилось.
Всё плохое позабылось,
А хорошее – сбылось!

И потом сказали смело:
– Новый год провёл не зря.
Лишь бы печень всё стерпела
До восьмого января!

Чтоб мужчины потрудились
В эту ночь, отбросив хмель,
И детишки родились,
Через 40 бы недель.

Вот бы толику бюджета
И, поверьте, наш Алтай,
Через пару пятилеток
Будет круче чем Китай.

В общем, буду закругляться,
Веселись, гуляй, народ.
Дорогим моим алтайцам
Море счастья в Новый год.

31.12.07 г.

СТИХИ 2008 г.

ГОДУ МЫШИ

О просьбе медицинских работников с. Алтай

Достойна мышь похвал от медицины,
И в прошлых, и в грядущих временах.
Поскольку, все лекарства и вакцины
Вначале проверяют на мышах!
Давно пора с иллюзией расстаться,
Что мышь вредна; от них одна беда.
Она – соавтор многих диссертаций
И Нобелевских премий, иногда!

1.01.08 г.

ВЛАДИМИРУ ВЫСОЦКОМУ

Человек и актёр,
может быть, в ремесле и не лучший;
Свои песни кричал,
как идущий в атаку штрафник;
И летел как болид,
разрывающий чёрные тучи,
Жизнь прожив,
как один ослепительный миг.

Он похож на сигнал
корабельной внезапной тревоги,

Диссонансом взрывающий
сладкий полуденный сон.
Он не лез поучать,
но судьбою записан в пророки,
что грядут накануне
кровавых и смутных времён.

И умел он любить:
так неистово, ярко красиво!
Вечный Гамлетов спор:
из дилеммы меж «быть» иль «не быть»,
Выбрал трудное – «быть»:
...нашей совестью, болью России.
И сгорел до конца,
не умея вполсилы светить!

01.08 г.

ЕСЛИ Б СМОГ Я....

Если б смог я взлететь
В небеса, к лучезарному храму;
И Господь разрешил
мне на Землю кого-нибудь взять?
Я просил бы одно:
– Отпустите со мной мою маму;
Ну, а если нельзя;
Я готов свою жизнь отдать!

03.08 г.

ОПЯТЬ ВЕСНА

Опять весна тревожит душу,
Хотя уже за пятьдесят;
И зову разума послушен,
Но... обжигает женский взгляд!

И начинает сердце биться,
Как будто снова двадцать пять.
И...я боюсь, боюсь влюбиться:
Ведь, это значит – предавать!

Готов от ревности беситься;
Цветы дарить, ночей не спать.
Я не боюсь опять влюбиться,
Боюсь другого: предавать!

03.08 г.

ДИДАКТУ

Не смей навязывать готовые рецепты!
В меняющемся быстро бытие,
У прошлых опытов повсюду есть адепты,
Не видящие проку в новизне.

Оставь нам право выбора, зануда!
Оно – вне категории времён;
И будет лучшим компасом, покуда
Есть здравомыслие и совести закон.

23.03.08 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Медвежий праздник	4
Красные + белые	108
Юродивый	109
Сектант	110
Сатыга	111
«Нам в свой черёд придётся умереть...»	113
«Никогда не жалейте денег...»	113
«Не обольщайтесь красотой...»	114
«Цвели сады. И выпал снег...»	114
«М.Ч.Л.»	115
Размышления. Пасха	115
«Не было печали...»	117
«Какие, к чёрту, могут быть слова...»	118
«Господа офицеры...»	119
«Прости, Господь, что мы тебя в себе...»	121
Грань	122
Брусничный сок № 1	123
«Не прожить без грехов нам на грешной земле...»	123
Ещё раз про любовь	124
«Посиди пять минут не спеша и очнись...»	125
Романтика	126
«Стихи тогда лишь хороши...»	128
Что я люблю и что я не люблю	129
Другу моему	130
Жемчужина	131
Шерлок Холмс	132
Аризона	134
Париж	136
«Речка, милая Конда...»	137

Стоит жить!!!

409

В краю лесном.....	139
След человека.....	140
Интервью любви.....	141
«Послушай... тебе не дарили стихов...».....	142
«Ты не скажешь «да»...».....	142
Мечта № 1.....	143
Воспоминание № 1.....	143
Подарок.....	144
Осенняя песня.....	145
«Было счастье. Как сказочный гномик...».....	146
«Всё прошло. Лишь в сердце боль осталась...».....	147
Принц.....	147
«И всё-таки – плевать на все невзгоды...».....	148
Мечта № 2.....	149
«Я писать не буду...».....	150
«Давай устроим праздник для души...».....	151
«Мы с гитарой вдвоём...».....	152
«Казалось мне, что я уже пропащий...».....	153
Цветные облака...».....	154
Опять двадцать пять... ..	155
Память.....	157
Заводская восьмилетняя школа.....	158
Локаторская песня.....	159
Однокашнику.....	161
«Тетя Валя, моя тетя Валя...».....	162
Журавли.....	163
Первый снег.....	164
Белые ночи.....	165
Баллада о силе и красоте.....	166
Зимний этюд.....	167

Солнечный зайчик.....	168
Снежинки.....	169
Снова осень.....	170
Это – зима.....	172
Брусничный сок № 2.....	173
Сигарета с ментолом.....	174
«Какие страшные бывают вечера...».....	176
«На душе погано...».....	177
Прощальная песня.....	178
Привокзальная.....	179
«Кошки и собаки...».....	181
«Всё странно началось...».....	181
Девчонка.....	182
Колодец.....	183
Оставь сигарету.....	185
«Тоскует душа по бутылочке пива...».....	187
Банное-хулиганное.....	188
«Некрасивых женщин не бывает...».....	189
Мона Лиза.....	190
Мысли столбиком.....	190
Калейдоскоп.....	192
«Не обольщайтесь красотой...».....	193
«Цвели сады...».....	193
Снежинки.....	194
У ларька.....	195
«Всё странно началось...».....	197
«Ни медали не надо, ни ордена...».....	197
«Был зимний вечер...».....	198
«Это вредная привычка...».....	199
Неподвластное время.....	200

Ушедшим поэтам	201
Телефонный разговор	202
Предчувствие	203
Таёжный романс	204
«Стихи – как благородное вино...»	205
Шиповник	206
Татьянин день	207
Четвёртая дорога	208
Бес в ребро	208
«Надежды выюношей питают...»	209
8 Марта	209
Старый плюшевый медведь	211
«В любви бывает иногда...»	211
Точка зрения	212
«Я гляжу в твои серые очи...»	213
Звезда	214
«Я знаю, мне за всё воздастся...»	215
Ссадина	215
Л. П.	216
«У гитары женская душа...»	217
«Пригорюнились цветы на окне...»	217
«Не кляни ни тюрьмы, ни вокзала...»	218
Не поймите меня правильно... ..	219
Рикошет	219
Дед вернулся с войны	220
Гармонист и медведь	224
Последний ветеран	229
Старики	236
Стихи разных лет	249
Стихи 70 – 80 годов	250

Третий курс. (Лето. Ханты-Мансийск)	250
Полдень	251
Перед грозой	252
Летний вечер	252
«Я с работы прихожу...»	253
Именинница река	254
Заметка на полях	255
Лесная новость	255
Вот и осень	256
Речка	256
Сказка на оконном стекле	257
Ты красива просто так	258
Обская губа	259
П. Г.	260
Ложь	261
Н. П.	262
«Мы долго сайру дожидались...»	263
Не хами!	264
Февральский роман	265
Каракольские озера	267
Стихи 90-х – 2003 гг.	269
Мне больно видеть	269
Русь моя	270
Провожая XX век	273
Кот и скворцы	274
Разговор со знакомым псом	276
Сонет о красном гиганте	277
Мой мост в грядущее	278
Вьюга среди весны	279
Чарым	280

Февральская дорога	281
Бобка и атлант	282
Про Ваню-дурака	282
Алтайским бабушкам посвящается	284
Весеннее свидание	285
Зов	287
Борюсь с депрессией	288
Условности	289
«Еретик»	289
Обращение к Иоганну Себастьяну Баху	290
Продолжение разговора	291
К 300-летию Санкт-Петербурга	293
Два заката	295
Разговор земляков в зале ожидания а/порта г. Х.-Мансийска	296
«Дым»	298
Белая ночь	299
К 80-летию Кондинского района	300
Стихи 2004 г.	302
След детства	302
Карнавал...?	303
Учись политике, мой друг	304
Боры – корабли	304
Мое «эго» – беда	305
Рифмуем с дочкой Владой	306
Снегирёчки	308
Котик-композитор	309
Синичка	309
Разговор со старшей дочерью	309
Конец романа	311

Несостоявшееся свидание (шут.)	312
Оранжевая луна	313
Посвящение «Клинскому»	314
Александру Сергеевичу Пушкину	315
Будем, сосед	315
Орак Галине Викторовне	317
Беслан! Беслан!	318
«Среди житейской суеты...»	319
Осенний вечер в Алтае	321
Декабрьский подарок	322
Стихи 2005 г.	325
Размышления в рождественскую ночь	325
Разговор о поэзии	326
След любви	329
Возвращались кондинцы с войны	330
Хочу сбежать	332
Объяснение в любви	333
Исповедь деловой стервы	334
Следует жить	336
Наш июль	337
Назло годам	339
Петух	340
Конец мая	341
Облака. Поэт. Мечты	342
Край мой тихий	343
Июнь. Рассвет	344
Речникам технического участка	345
По поводу страсти	348
Памяти Михаила Евдокимова	349
Юбилейные размышления	350

Сомнения...	352
Югра – Югория	354
Рекс и кусательный рефлекс	356
Неформальный урок	357
Стихи 2006 г.	361
Спорные мысли	361
Что нового?	362
Мысли на экзамене по литературе	363
Природа. Вдохновение	364
Сергею Есенину	364
Венгерский мотив	365
Заблудился в лете	366
Акростих. (Ф.Г.С.).....	367
Кто я? Кто мы?.....	368
Диалог зрелости и юности	369
О важном.....	370
Приезжайте в Алтай	371
Сестренке Наташе в день 50-летия	372
О некоторых особенностях русского характера	373
Стихи 2007 г.	375
Школьная новогодняя	375
Астрология, гены, история	376
Почти по Леонтьеву	378
Судьба пророка.....	380
Дуэту Бориса М. и Людмилы Г.....	381
К вопросу о масках	381
В чуткой тишине... ..	382
Здравствуй, март.....	383
В божьем помысле... ..	384

Кто важнее?	385
Фее «маленького рая» (шут.).....	386
Провинциал	389
Фестивалю авторской песни «Кондинский романс»	391
Бабушка и внучка	392
Коллегам	393
Лери Г. В.	394
Коровья жалоба (шутка).....	394
А миром правит женщина	396
Луч заката... ..	397
Порочный круг	399
Заметки на полях	399
«Может, мы не слишком строги...».....	400
«Тот, кто должен быть на нарах...»	400
Что под оболочкой?.....	400
Малая родина.....	401
А мне пригрезился покос... ..	402
И что у нас за климат... ..	404
В роли Деда Мороза	405
Стихи 2008 г.	406
Году мыши	406
Владимиру Высоцкому	406
Если б смог я... ..	407
Опять весна.....	408
Дидакту	408

Сергей Дмитриевич Петров

СТОИТ ЖИТЬ!!!

Стихи, песни

Руководитель издательского проекта Т. Кривуля

Редакторы: Т. Ананьина, С. Терещенко,

Т. Демидова, И. Коркишко

Дизайн обложки – рисунки:

И. Щеглова, Т. Ананьиной

Корректор В. П. Бумагина

Компьютерная верстка С. Н. Пятковой

ISBN 978-5-7142-1217-8

9 785714 212178

54544-1

Сдано в набор 23.06.2010 г. Подписано в печать 20.08.2010 г.
Формат 70х90^{1/32}. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 24,3. Уч.-изд. л. 29,26. Тираж 100 экз. Заказ № 973.

Издательство ОГУП «Шадринский Дом Печати», 641870,
Курганская обл., г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Отпечатано в ОГУП «Шадринский Дом Печати» комитета
по печати и средствам массовой информации Курганской обл.,
641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6, тел. 6-33-51.

Центральная библиотека
Зал эколого-краеведческой
литературы